

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. ВЫСШАЯ ШКОЛА

Всероссийский научный журнал

№ 3 (ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ) 2025 ГОД

Учредитель:

доктор юридических наук, профессор
Грудцына Л.Ю.

Издатель:

Юридическое издательство «Юркомпани»
Журнал выходит с 2025 г., включен в
Российский индекс научного цитирования
(РИНЦ) и зарегистрирован в Научной
электронной библиотеке E-library
Выходит один раз в три месяца

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС 77-49264 от 4 апреля 2012 г.)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. ВЫСШАЯ ШКОЛА

Всероссийский научный журнал

Ежеквартальный научный РИНЦ-журнал, в котором публикуются статьи фундаментального и прикладного характера по актуальным проблемам права, политологии, философии, истории, педагогике, психологии, культурологии и другим гуманитарным наукам. Основной целью научного издания является формирование научной площадки для эффективного обмена научной информацией и результатами исследований в области гуманитарных знаний, обобщения научных и научно-практических результатов в области гуманитарных исследований.

Главный редактор:

Булаков Олег Николаевич

Первый заместитель главного редактора (координатор региональных представительств):

Гандалоев Руслан Баширович

Заместитель главного редактора:

Шайхуллин Марат Селирович

Председатель Редакционного совета:

Иванова Светлана Анатольевна

Корректор:

Дребезгова Юлия Дмитриевна

Компьютерная верстка:

Ерошина Екатерина Андреевна

Дизайн:

Ерцев Роман Александрович

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис Б 218. Этаж 2.

Бизнес-центр “Гранд Сетунь Плаза”.

Для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: <https://high.law-books.ru>

E-mail: info@law-books.ru

Многоканальный (по России):

+8-800-700-45-88

WhatsApp: +7-903-672-55-88

При использовании опубликованных материалов ссылка на Всероссийский научный журнал «Гуманитарные науки. Высшая школа» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Булаков Олег Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного Университета (г. Москва, Россия)

Первый заместитель главного редактора (координатор региональных представительств):

Гандалоев Руслан Баширович, кандидат политических наук, Почётный работник воспитания и просвещения Российской Федерации, Заслуженный юрист в Республике Ингушетии, член-корреспондент Российской академии естественных наук

Заместитель главного редактора:

Шайхуллин Марат Селирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России» (г. Уфа, Россия)

Керимов Александр Алиевич, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (УрФУ)

Койбаев Борис Георгиевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры философии и политологии, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова»

Османов Мухамед Мартинович, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации филиал Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

Сампиев Исрапил Магомедович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии, ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»

Сангаджиев Бадма Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Умаров Мурад Мухамедович, кандидат технических наук, доцент кафедры «Физическое воспитание» Физкультурно-оздоровительного факультета ФГБОУ ВО Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (МГТУ) — национальный исследовательский университет

Усманов Рафик Хамматович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры востоковедения и политических наук, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева»

Чекмарев Эдуард Владимирович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Шебзухова Фатима Айсовна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой общественно-научного образования РГБУ ДПО «Карачаево-Черкесский республиканский институт повышения квалификации работников образования»

Эбзеев Ахмат Аскербиевич, доктор политических наук, доцент, помощник ректора по международному сотрудничеству ФГБОУ ВО «Российский биотехнологический университет» (РОСБИОТЕХ)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

Bulakov Oleg Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, Russian State University for the Humanities

(Moscow, Russia)

First Deputy Editor-in-Chief (Regional Office Coordinator):

Gandaloev Ruslan Bashirovich, Candidate of Political Sciences, Honorary Worker of Education and Enlightenment of the Russian Federation, Honored Lawyer in the Republic of Ingushetia, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences

Deputy Editor-in-Chief:

Shaikhullin Marat Selirovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Educational Institution of Higher Education «Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia» (Ufa, Russia)

Kerimov Alexander Aliievich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Sciences, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin» (Ural Federal University)

Koybaev Boris Georgievich, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Political Science, FSBEI HE «North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov»

Osmanov Mukhamed Martinovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Department of Law Enforcement Organization, North Caucasus Institute for Advanced Studies, Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

Sampiev Israpil Magometovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Political Science, FSBEI HE «Ingush State University»

Sangadzhiev Badma Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Umarov Murad Mukhamedovich, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Physical Education, Faculty of Physical Education and Health, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (MSTU) — National Research University

Usmanov Rafik Khammatovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Oriental Studies and Political Sciences, FSBEI HE «Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev»

Chekmarev Eduard Vladimirovich, Doctor of Political Science, Associate Professor, Professor, Department of State and Municipal Administration, Plekhanov Russian University of Economics

Shebzukhova Fatima Aisovna, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Social and Scientific Education of the Russian State Budgetary Institution DPO «Karachay-Cherkess Republican Institute for Advanced Training of Educators»

Ebzeev Akhmat Askerbievich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Assistant Rector for International Cooperation, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Biotechnological University» (ROSBIOTECH)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **С.А. Иванова** – доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН, Почетный адвокат России

- **Э.Б. Абдуллин** — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии и технологий педагогики музыкального образования, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование на протяжении жизни» Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, академик-секретарь отделения педагогики и психологии Международной академии наук педагогического образования, действительный член Международной академии наук высшей школы, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования
- **С.А. Барков** — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
- **Ж.А. Бокоев** — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики
- **А.П. Галоганов** – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов
- **В.В. Гребенников** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН
- **В.Н. Жуков** – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук
- **С.Д. Каракозов** — доктор педагогических наук, профессор, проректор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета
- **В.В. Комарова** – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
- **Г.Б. Мирзоев** – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бриджпортского Университета (США), Почётный доктор философии университета «EuroSwiss»
- **Р.М. Мырзалимов** — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики
- **Н.Г. Осипова** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии социальных наук

- **Н.К. Потоцкий** – доктор юридических наук, профессор, профессор Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова
- **Л.А. Рапацкая** — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации
- **К.Х. Рахимбердин** — доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республики Казахстан (2007 г., 2013 г.).
- **Б.В. Сангаджиев** – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН
- **Б.С. Эбзеев** – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России
- **Н.Д. Эриашвили** – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Института государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD

Chairman: **S.A. Ivanova** — Doctor of Law, Professor, Deputy First Vice-Rector for Academic and Methodological Work, Professor of the Department of Finance University under the Government of the Russian Federation, Expert of the Russian Academy of Sciences, Honorary Lawyer of Russia

- **E.B. Abdullin** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Methodology and Technologies of Pedagogy of Music Education, Head of the UNESCO Department «Musical Art and Lifelong Education» of the Institute of Fine Arts of Moscow State Pedagogical University, Academician-Secretary of the Department of Pedagogy and Psychology of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education Education, full member of the International Academy of Higher School, Laureof of the International of the Russian
- **S.A. Barkov** — doctor of sociological sciences, professor, head of the Department of economic sociology and management of the sociological faculty of Moscow Lomonosov State University
- **Zh.A. Bokoev** — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Council on Judicial Reform under the President of the Kyrgyz Republic
- **A.P. Haloganov** — Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers
- **V.V. Grebennikov** — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Head of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the RUDN Law Institute
- **V.N. Zhukov** — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor, Department of State Theory and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Chief Researcher, Philosophy of Law, History and State Theory and Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences
- **S.D. Karakozov** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector, Director of the Institute of Mathematics and Informatics of Moscow Pedagogical State University
- **V.V. Komarova** — a doctor of jurisprudence, professor managing department of the constitutional and municipal right of the Russian Federation of the Moscow state legal university of O.E. Kutafin (MGYuA)
- **G.B. Mirzoev** — Doctor of Law, Professor, President of the Guild of Russian Lawyers, Rector of the Russian Academy of Lawyers and Notaries, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Doctor of Bridchport University (USA), Honorary Doctor of Philosophy of the University «EuroSwiss»
- **R.M. Myrzalimov** — Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Editorial Council of the Bulletin of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic
- **N.G. Osipova** — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Sociological Faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, full member of the Russian Academy of Social Sciences
- **N.K. Pototsky** — Doctor of Law, Professor, Professor of the A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics
- **L.A. Rapatskaya** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor, Department of Methodology and Technologies of Pedagogy of Music Education, Institute of Fine Arts, Moscow State Pedagogical University, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation

- **K.Kh. Rakhimberdin** — Doctor of Law, Chairman of the Board of the Chamber of Legal Advisors of the East Kazakhstan Region, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, VKSU named after S. Amanzholova, holder of the title «Best University Teacher» of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (2007, 2013)
- **B.V. Sangadzhiev** — Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the RUDN Law Institute
- **B.S. Ebzeev** — Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (retired), Member of the CEC of Russia
- **N.D. Eriashvili** — Doctor of Economics, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Entrepreneurial and Labor Law of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

- Анимоков И.К. * Экстремизм как угроза национальной безопасности государства 13
- Кумехова М.Б. * Применение информационных технологий для обеспечения кибербезопасности в Российской Федерации 18
- Баженова А.А. * К вопросу о проблемах международного сотрудничества в сфере борьбы с преступлениями 21

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

- Гусельников М.К. * Искусственный интеллект на защите прав дольщиков: решение правовых проблем в сфере строительства 25
- Гречка С.С. * Правовой статус криптовалют: проблемы регулирования и защиты прав инвесторов 33

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

- Грудцына Л.Ю. * Применение искусственного интеллекта в правосудии и будущее роботосудей 42

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА

- Крюкова А.А. * К вопросу о предмете договора оказания консультационных услуг: законодательное регулирование и судебная практика 53
- Паршукова И.В. * Предпринимательский риск в контексте налоговых споров (должная осмотрительность и осторожность) 58
- Шериев А.М. * Понятие, типология, причины и условия проявления коррупции в России ... 75
- Барков К.Б. * Субсидиарная ответственность ИИ-платформ за действия пользователей 82

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

- Светозаров Р.В. * Противоречия современного социального государства. Конфликт интересов общественного развития и социального бюджета государства 90
- Шериев А.М. * Правовые основы противодействия коррупции в России 98

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

- Милюкова А.С. * Жертвы бытового насилия, кто они? 107
- Казаков А.А. * Исследование проблематики коррупции в контексте правоохранительной деятельности 113

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

- Кумехова М.Б. * О факторах, способствующих росту коррупционных нарушений и преступлений 117

ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

- Машекуашева М.Х., Кочесокова З.Х. * Некоторые особенности антикоррупционного просвещения 121

Повалий С.И. * Деятельность органов военной юстиции в годы Великой Отечественной Войны: специфика функционирования в условиях военного времени	124
Далелов М.Л. * О некоторых особенностях коррупционных составляющих	133
Казаков А.А. * Некоторые исторические аспекты принятия Конституции	136
Казаков А.А. * История создания и формирования Конституции Российской Федерации . . .	141
Таков А.З. * Эффективное сотрудничество в области противодействия терроризму	146
Урусов З.Х. * Глобальная сеть как средство массовой коммуникации: противодействие терроризму	149
Крюкова А.А. * Различительная способность как одно из условий охраноспособности товарного знака	152

CONTENT:

POLICY AND LAW

Animokov I.K. * Extremism as a threat to the national security of the state	13
Kumekhova M.B. * Application of information technologies for cybersecurity in the Russian Federation	18
Bazhenova A.A. * To the question of the problems of international cooperation in combating crimes	21

HUMAN RIGHTS

Gusel'nikov M.K. * Artificial intelligence in defense of the rights of shareholders: solving legal problems in the construction sector	25
Grechka S.S. * Legal status of cryptocurrencies: problems of regulation and protection of investors 'rights	33

CONSTITUTIONAL LITIGATION

Grudtsina L.Yu. * Applying artificial intelligence to justice and the future of robot judges	42
--	----

INTERPRETATION OF LAW

Kryukova A.A. * On the subject of the contract for the provision of consulting services: legislative regulation and judicial practice	53
Parshukova I.V. * Entrepreneurial risk in the context of tax disputes: due diligence and caution . . .	58
Sheriev A.M. * Concept, typology, causes and conditions of corruption in Russia	75
Barkov K.B. * Subsidiary liability of I-platforms for user actions	82

CONTROL THEORY

Svetozarov R.V. * Contradictions of the modern social state. Conflict of interests in social development and the state social budget	90
Sheriev A.M. * Legal basis for combating corruption in Russia	98

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Milyukova A.S. * Victims of domestic violence, who are they?	107
Kazakov A.A. * Research on corruption in law enforcement	113

CRIME AND PUNISHMENT

Kumekhova M.B. * On factors contributing to the growth of corruption violations and crimes . . .	117
--	-----

LEGAL ARCHIVE

Mashekuasheva M.Kh., Kochesokova Z.Kh. * Some features of anti-corruption education	121
Povaliy S.I. * Activity of military justice bodies during the Great Patriotic War: specifics of operation under war-time conditions	124
Dalelov M.L. * On some features of corruption-related components	133
Kazakov A.A. * Some historical aspects of the adoption of the constitution	136

Kazakov A.A. * History of the creation and formation of the Constitution of the Russian Federation	141
Tacov A.Z. * Effective cooperation in countering terrorism	146
Urusov Z.Kh. * Global network as a means of mass communication: countering terrorism	149
Kriukova A.A. * Distinctiveness as one of the conditions for trademark protectability	152

DOI: 10.24412/cl-37382-2025-3-13-17

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.07.2025 г.

АНИМОКОВ Ислам Канишубиевич,

преподаватель кафедры ГиГПД капитан полиции, кандидат педагогических наук,

e-mail: mail@law-books.ru

ЭКСТРЕМИЗМ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье представлен комплексный теоретико-методологический анализ феномена экстремизма в контексте обеспечения национальной безопасности современного государства. На основе системного подхода исследуются онтологические основания экстремизма, его генезис и эволюция в условиях глобализации. Проанализированы концептуальные подходы к определению сущностных характеристик экстремистской деятельности, выявлены детерминанты ее воспроизводства в социально-политическом пространстве.

Ключевые слова: экстремизм, национальная безопасность, деструктивная деятельность, радикализация сознания, секьюритизация, превентивная безопасность, антиэкстремистская политика, социальная стабильность.

ANIMOKOV Islam Kanshoubievich,

Lecturer, Department of GIPD, Police Captain, Candidate of Pedagogical Sciences

EXTREMISM AS A THREAT TO THE NATIONAL SECURITY OF THE STATE

Annotation. The article presents a comprehensive theoretical and methodological analysis of the phenomenon of extremism in the context of ensuring national security of a modern state. Based on a systems approach, the ontological foundations of extremism, its genesis and evolution in the context of globalization are studied. Conceptual approaches to defining the essential characteristics of extremist activity are analyzed, determinants of its reproduction in the socio-political space are identified. Particular attention is paid to the institutional and legal mechanisms for countering extremism in the Russian Federation, a comparative analysis of foreign experience. The need for a paradigm shift from a reactive to a preventive model of countering extremism is substantiated. Theoretical provisions and practical recommendations for optimizing state policy in the field of national security are formulated.

Key words: extremism, national security, destructive activity, radicalization of consciousness, securitization, preventive security, anti-extremist policy, social stability.

Актуальность исследования феномена безопасности обусловлена фундаментальными экстремизма в контексте национальной трансформациями современным

миропорядка, характеризующимися усилением турбулентности социально-политических процессов, эрозией традиционных институтов социального контроля и экспансией деструктивных идеологий. В условиях постбиполярного мира экстремизм приобретает качественно новые характеристики, становясь транснациональным явлением, способным дестабилизировать не только отдельные государства, но и целые регионы.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, деятельность экстремистских организаций представляет собой одну из основных угроз государственной и общественной безопасности, что актуализирует необходимость глубокого научного осмысления данной проблематики [1].

Онтологический статус экстремизма определяется его положением в континууме политического поведения, где он занимает крайнюю позицию, характеризующуюся абсолютизацией целей и средств политической борьбы. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» дает юридическую дефиницию экстремизма, включающую широкий спектр противоправных деяний, направленных против основ конституционного строя, территориальной целостности и общественной безопасности [2].

Эпистемологическая сложность изучения экстремизма заключается в его полиморфности и контекстуальной обусловленности. Галкин А.А. справедливо отмечает, что экстремизм представляет собой «сложный социально-политический феномен, характеризующийся приверженностью к

крайним взглядам и методам в достижении политических целей, отрицанием плюрализма и готовностью к применению насилия» [3, с. 24-25]. Данная дефиниция подчеркивает интенциональную природу экстремизма и его деструктивную направленность.

Феноменологический анализ экстремизма выявляет его многоуровневую структуру, включающую когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. На когнитивном уровне экстремизм проявляется в форме радикальной идеологии, основанной на дихотомическом мышлении и манихейской картине мира. Аффективный компонент характеризуется высокой эмоциональной вовлеченностью, фанатизмом и готовностью к самопожертвованию. Поведенческий уровень реализуется в конкретных актах насилия и деструктивной деятельности.

Антонян Ю.М. в своем исследовании выделяет следующие сущностные характеристики экстремистского сознания: «ригидность мышления, нетерпимость к инакомыслию, склонность к конспирологическим теориям, мессианство и эсхатологические ожидания» [4, с. 56-58]. Эти психологические особенности формируют специфический тип личности, предрасположенной к экстремистской деятельности.

Национальный антитеррористический комитет в своих аналитических материалах подчеркивает системный характер угрозы экстремизма, отмечая его способность к мимикрии и адаптации к изменяющимся условиям [5]. Это требует постоянной модификации стратегий противодействия и развития проактивных подходов к обеспечению безопасности.

Этиология экстремизма носит мультикаузальный характер, что требует комплексного анализа факторов макро-, мезо- и микроуровня. На макроуровне ключевую роль играют процессы социальной трансформации, экономические кризисы, культурная глобализация и эрозия традиционных ценностей. Мезоуровень представлен дисфункциями социальных институтов, кризисом легитимности власти и дефицитом каналов политического участия. Микроуровень включает индивидуальные психологические факторы, такие как фрустрация, относительная депривация и кризис идентичности.

Верховский А.М. в своем исследовании подчеркивает роль социокультурных факторов в генезисе экстремизма: «В условиях социальной аномии и ценностного вакуума экстремистские идеологии выполняют компенсаторную функцию, предлагая простые ответы на сложные вопросы и четкую картину мира» [6, с. 112-115]. Этот тезис раскрывает функциональную природу экстремизма как девиантной формы адаптации.

Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры РФ, наблюдается экспоненциальный рост количества экстремистских материалов в цифровом пространстве, при этом основными целевыми аудиториями являются представители молодежи в возрасте от 14 до 25 лет [7]. Это обусловлено психологическими особенностями данной возрастной группы, включая поиск идентичности, максимализм и склонность к протестному поведению.

Правовая система Российской Федерации содержит развитый комплекс норм, направленных на противодействие

экстремизму. Базовый Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» создает правовую основу для превентивных и репрессивных мер [2]. Уголовный кодекс РФ содержит специальные составы преступлений экстремистской направленности, предусматривающие усиленную ответственность [8].

Институциональная архитектура противодействия экстремизму включает специализированные подразделения правоохранительных органов, координационные структуры и экспертные организации. Министерство юстиции РФ ведет Федеральный список экстремистских материалов, который является важным инструментом правоприменительной практики [9].

Однако эффективность правовых механизмов ограничивается рядом факторов, включая латентность экстремистской деятельности, сложность доказывания умысла и необходимость баланса между обеспечением безопасности и защитой конституционных прав граждан.

Кудрявцев В.Н. обосновывает трехуровневую модель профилактики экстремизма, включающую общесоциальный, специально-криминологический и индивидуальный уровни [10, с. 89-92]. Общесоциальная профилактика направлена на оптимизацию социально-экономических условий и укрепление социальной солидарности. Специально-криминологическая профилактика включает целенаправленные меры по выявлению и нейтрализации факторов риска. Индивидуальная профилактика работает с конкретными лицами, проявляющими

признаки радикализации.

Особое значение приобретает концепция «устойчивости к радикализации» (resilience), предполагающая формирование у граждан критического мышления, медиаграмотности и иммунитета к экстремистской пропаганде. Это требует трансформации образовательной системы и развития институтов гражданского общества.

Проведенный теоретико-методологический анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Экстремизм представляет собой сложный многомерный феномен, требующий междисциплинарного подхода к изучению и комплексной стратегии противодействия. Эффективная политика обеспечения национальной безопасности должна основываться на глубоком понимании

природы экстремизма, его детерминант и механизмов воспроизводства.

Ключевым вызовом является необходимость парадигмального сдвига от преимущественно репрессивной к превентивной модели противодействия экстремизму. Это предполагает: развитие системы раннего предупреждения и выявления признаков радикализации; совершенствование механизмов социальной интеграции и инклюзии маргинализированных групп; формирование культуры толерантности и межкультурного диалога; укрепление институтов гражданского общества как естественных барьеров на пути экстремизма; модернизацию правовой базы с учетом новых форм экстремистской деятельности в цифровую эпоху.

Список литературы:

- [1] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
- [2] Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 28.12.2022) // СПС КонсультантПлюс.
- [3] Галкин А.А. Экстремизм как социально-политический феномен. – М.: Институт социологии РАН, 2020. – 186 с.
- [4] Антонян Ю.М. Экстремизм и его причины. – М.: Логос, 2021. – 288 с.
- [5] Официальный сайт Национального антитеррористического комитета. URL: <http://nac.gov.ru/>
- [6] Верховский А.М. Политический экстремизм в России. – М.: Центр «Панорама», 2019. – 224 с.
- [7] Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/>
- [8] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС КонсультантПлюс.
- [9] Федеральный список экстремистских материалов // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/extremist-materials/>
- [10] Машекуашева М.Х. О действующих механизмах предупреждения противоправных деяний среди несовершеннолетних. *Международный научный вестник*. 2024. № 12. С. 33-35.

References:

- [1] Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» //SPS Consultant Plus.
- [2] Federal Law No. 114-FZ of 25.07.2002 «On Countering Extremist Activities» (as amended by 28.12.2022) //SPS ConsultantPlus.
- [3] A.A. Galkin. *Extremism as a socio-political phenomenon*. - M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2020. - 186 s.
- [4] Antonyan Y.M. *Extremism and its causes*. - M.: Logos, 2021. - 288 p.
- [5] Official website of the National Anti-Terrorism Committee. URL: <http://nac.gov.ru/>
- [6] Verkhovsky A.M. *Political extremism in Russia*. - M.: Panorama Center, 2019. - 224 s.
- [7] Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: <https://genproc.gov.ru/>
- [8] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended by 25.12.2023) //SPS ConsultantPlus.
- [9] Federal List of Extremist Materials//Ministry of Justice of the Russian Federation. URL: <https://minjust.gov.ru/extremist-materials/>
- [10] Mashekuasheva M.Kh. *On the existing mechanisms for the prevention of unlawful acts among minors*. *International Scientific Bulletin*. 2024. № 12. S. 33-35.

КУМЕХОВА Марьяна Борисовна,

*преподаватель кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения
квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД РФ,*

e-mail: mail@law-books.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Представленное исследование посвящено феномену кибертерроризма, автор приходит к выводу, что его по целевым и идеологическим установкам целесообразно рассматривать в одной плоскости с классическим терроризмом, базовое понимание которого в юридической науке трактуется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий». Особенностью кибертеррора является лишь осуществление его другими способами и проявление его как в виртуальной среде, так и в реальной жизни.*

Ключевые слова: *киберпреступление, кибертерроризм, феномен, динамика, статистика, осмысление, классификация, кибератака, научная литература, информация, телекоммуникация.*

KUMEKHOVA Maryana Borisovna,

*Lecturer of the Department of Specialized Disciplines North Caucasian Institute for Advanced
Studies (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian
Federation*

APPLICATION OF INFORMATION TECHNOLOGIES FOR CYBERSECURITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The presented study is devoted to the phenomenon of cyberterrorism, the author comes to the conclusion that, in terms of its target and ideological principles, it is advisable to consider it in the same plane as classical terrorism, the basic understanding of which in legal science is interpreted as «the ideology of violence and the practice of influencing decision-making by government bodies, local governments or international organizations associated with intimidation of the population and (or) other forms of illegal violent actions.» The peculiarity of cyberterrorism is only its implementation in other ways and its manifestation both in the virtual environment and in real life.*

Key words: *cybercrime, cyberterrorism, phenomenon, dynamics, statistics, comprehension, classification, cyberattack, scientific literature, information, telecommunications.*

Международным научным сообществом до сих пор не сформулировано четкого и единого трактованного понимания феномена терроризма. Данное обстоятельство существенно тормозит развитие дискуссионных подходов о природе кибертерроризма как негативного явления, определяемого криминальной направленностью, единое признание которой в качестве таковой способствует формированию единых научных подходов в международно-научных масштабах.

Вместе с тем, существующие проблемы в области выработки единых научных позиций, не препятствуют международному сообществу вести борьбу за «чистый» Интернет [1], которым нельзя пользоваться в террористических целях как инструментом в руках организаций, групп, сообществ террористической направленности [2].

В настоящий период времени законодатель относит преступления, осуществляемые посредством применения информационно-телекоммуникационной технологии, к категории деяний общественно-опасной направленности, совершаемых путем воздействия на информационные технологии, определяемые границами киберпространства.

Среди них особое место занимает кибертерроризм, характерной особенностью которого и его отличием от киберпреступности называются его масштаб, интенсивность, открытость и последствия.

Естественным и неотъемлемым компонентом государственной политики в сфере национального сектора применения информационных технологий [3], является обеспечения кибербезопасности в Российской Федерации, которое осуществляется в рамках

полянормативно-правового регулирования. По данной причине процесс совершенствования нормативно-правового регулирования должен осуществляться непрерывно.

В современной юридической науке кибербезопасность рассматривают с точки зрения различных позиций [4], и, прежде всего, она определяется как совокупность методов и средств защиты от атак правонарушителей для компьютеров, серверов, мобильных устройств, электронных систем, сетей и данных.

Рассмотрим организационно-правовую составляющую кибербезопасности, которая регламентируется Федеральным законом РФ «О безопасности» от 7 декабря 2010 г. Нормативно-правовое регулирование закона направлено на отношения, обеспечивающие общественную, экологическую безопасность и безопасность личности, а также иных видов безопасности, то есть обладает широким кругом правового регулирования.

В первую очередь указанный закон определяет главенствующие принципы и раскрывает содержание деятельности по реализации безопасности государства, а также часть полномочий органов власти детально не конкретизируя их [5].

В современной юридической науке кибербезопасность рассматривают с точки зрения различных позиций, и, прежде всего, она определяется как совокупность методов и средств защиты от атак правонарушителей для компьютеров, серверов, мобильных устройств, электронных систем, сетей и данных.

Список литературы:

- [1] Карачаев А.Р. Криминологические аспекты противодействия организованной преступности в условиях цифровизации // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. № 5. С. 185-189.
- [2] Кумахов Т.Т., Абазов А.Б., Шафиева Э.Т. Сквозные цифровые технологии как фактор трансформации экономических знаний специалистов // Журнал прикладных исследований. 2023. № 11. С. 110-114.
- [3] Малаев А.Х. Применение цифровых технологий и искусственного интеллекта при предупреждении экстремистских и террористических преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 4. С. 263-267.
- [4] Малаев А.Х. О роли цифровых технологий в правоохранительной деятельности // Право и управление. 2023. № 1. С. 183-186.
- [5] Машекуашева М.Х. О значимости информационно-психологической защиты индивида и социума: особенности воздействующего потенциала. Право и управление. 2024. № 2. С. 375-377.

References:

- [1] Karachayev A.R. Criminological aspects of countering organized crime in the context of digitalization//Gaps in Russian legislation. 2022. VOL. 15. № 5. S. 185-189.
- [2] Kumakhov T.T., Abazov A.B., Shafieva E.T. End-to-end digital technologies as a factor in the transformation of economic knowledge of specialists//Journal of Applied Research. 2023. № 11. S. 110-114.
- [3] Malaev A.Kh. The use of digital technologies and artificial intelligence in the prevention of extremist and terrorist crimes//Gaps in Russian legislation. 2023. T. 16. № 4. PP. 263-267.
- [4] Malaev A.Kh. On the role of digital technologies in law enforcement//Law and management. 2023. № 1. S. 183-186.
- [5] Mashekuasheva M.Kh. On the importance of information and psychological protection of an individual and society: features of the influencing potential. Law and governance. 2024. № 2. PP. 375-377.

БАЖЕНОВА А.А.,

ФГБОУ «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,

e-mail: nana.bazhenova@gmail.com

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Аннотация. *Международно-правовые нормы в уголовном законодательстве Российской Федерации играют одну из немаловажных ролей в регулировании правоотношений. На современном этапе в уголовное законодательство государства интегрировано большое количество норм, вытекающих из международных норм. В частности, Российская Федерация является страной-участницей некоторых международных договоров, актов и соглашений о борьбе с преступностью, например, с коррупционной.*

Ключевые слова: *преступность, уголовный закон, борьба, пресечение, международное право.*

BAZHENOVA A.A.,

FSBEI «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

TO THE QUESTION OF THE PROBLEMS OF INTERNATIONAL COOPERATION IN COMBATING CRIMES

Annotation. *International legal norms in the criminal legislation of the Russian Federation play an important role in regulating legal relations. At the present stage, a large number of norms arising from international norms are integrated into the criminal legislation of the state. In particular, the Russian Federation is a party to some international treaties, acts and agreements on combating crime, for example, corruption.*

Key words: *crime, criminal law, struggle, suppression, international law.*

Международные нормы в течение Уголовный кодекс Российской длительного времени формировались и Федерации (далее по тексту – УК РФ) содержит внедрялись в отечественное уголовное несколько статей, где бланкетные нормы законодательство. Однако в юридической отсылают к международным договорам, литературе не все так однозначно – под ратифицированным Российской Федерацией [2]. Однако в части 2 статьи 1 УК РФ указано, что уголовное законодательство базируется на нормах Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права. При этом указание на международные договоры, в правовой доктрине не дается. ратифицированные Российской Федерации,

отсутствует.

Не стоит забывать о том, что ратификация международного договора выступает в качестве необходимого элемента включения его положений в отечественное уголовное законодательство. В соответствии с положениями Федерального закона №101-ФЗ от 15.07.1995 года «О международных договорах Российской Федерации» (далее по тексту – ФЗ № 101) ратификация является обязательной формой выражения согласия государства на обязательность международного договора [3].

Кроме того, в современных условиях участились случаи незаконного пересечения границы, когда лицо, совершив преступление на территории одного государства, скрывается на территории другой страны. Существование международных норм и их интеграция в национальное законодательство страны является важным условием противодействия трансграничной преступности, которая особенно проявляется при контрабанде и мошенничестве, а также преступлений террористической направленности.

До принятия санкций в отношении Российской Федерации и обострения политической обстановки на международной арене, между государствами, в том числе и Россией, заключались международные договоры и соглашения, направленные на развитие отраслей права. Например, еще в советский период Указом Президиума Верховного Совета СССР была ратифицирована Венская Конвенция от 1961 года, устанавливающая положение о том, что представительства и консульские помещения освобождаются от всех налогов и сборов.

Ярким примером влияния

международного права на формирование норм отечественного законодательства об установлении ответственности за преступность, являлось принятие Конвенции Совета Европы № 141 от 08.11.1990 года «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» (далее по тексту – Конвенция СЕ № 141). Под влиянием приведенного правового акта был разработан и введен в действие Федеральный закон от 07.08.2001 года № 115 «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем».

Развитие международного права существенным образом остановилось в рамках отечественного законодательства. В настоящее время Российская Федерация столкнулась с санкциями, которые были введены в отношении нее недружественными странами. Такая ситуация существенным образом ограничила влияние международного права на внутригосударственное право. Прошедшие 2022 и 2023 годы стали переломными для отечественной правовой системы, поскольку введенные санкции значительным образом изменили внешние условия, способствующие развитию отраслей права.

Обострившаяся политическая обстановка, помимо вышесказанного, привела к тому, что российским законодателем был принят Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы», с помощью которого наше государство вышло из международных договоров и соглашений, в частности, касающихся финансовой отрасли права. В связи с прекращением членства России в Совете Европы, прекращают свое

действие и международные нормативно-правовые акты.

Анализ Европейской конвенции о выдаче виновных в преступлении, заключенной 13.12.1957 года, позволяет сделать вывод, что указанный международный правовой акт закрепляет положения, связанные с выдачей лиц иностранному государству. В настоящий момент наше государство, как отмечалось выше, не является членом Совета Европы, но Конвенция предусматривает возможность вступления в нее иных государств, соответственно, она действует и для России. Согласно положениям Конвенции, одни государства обязаны выдавать другим государствам лиц для уголовного преследования и исполнения приговора, но сейчас многие зарубежные страны, пренебрегают правилами, закрепленными в Конвенции, и отказывают в выдаче.

Например, помимо прекратившей свое действие для Российской Федерации Конвенции СЕ № 141, также была прекращена Конвенция Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию». Как отмечают политические обозреватели, прекращение указанных конвенций для правовой системы нашего государства никак не повлияет, поскольку все необходимые международные нормы финансового права включены в современное российское законодательство. Более того, Российская Федерация продолжает принимать участие в других международных соглашениях, направленных на развитие законодательства.

Под влиянием санкций в отношении Российской Федерации прекратили свое действие некоторые международные договоры, соглашения и конвенции. Кроме того, санкции влияют на международные правоотношения.

Банковские учреждения и организации могут столкнуться с ограничениями в своей деятельности, что приведет к негативным последствиям. Например, в последнее время распространяется такое преступление как фальшивомонетничество, борьба с которым должны осуществляться не только на национальном, но и на международном уровне.

Несмотря на это, в нашем государстве продолжают формироваться положения, составляющие правовую основу. Кроме того, практически все положения международного законодательства были включены в российское законодательство. Несомненно, Российской Федерации необходимо и в дальнейшем развивать отрасль права с государствами, которые являются дружественными. Это позволит сформировать устойчивость, стабильность и постоянство составляющей нашего государства.

Таким образом, на сегодняшний момент внедрение норм международного права в отечественное законодательство существенным образом затрудняется, что можно объяснить тяжелой геополитической обстановкой. В этой связи необходимо эффективно реагировать отечественному законодателю на меняющиеся общественные отношения.

На наш взгляд, на международно-правовой арене должно уделяться особое внимание вопросам разрешения споров, вытекающих из уголовных правоотношений. Кроме того, важно, чтобы в Российской Федерации в совокупности с положениями Конституции Российской Федерации нормы международного права интегрировались в отечественную правовую систему. Связано это с тем, что Россия является демократическим,

правовым государством, в котором норм означает соблюдение государством соблюдаются права и свободы человека и международных принципов и правил. гражданина. Интеграция международных

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
- [2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009 г. – № 4. – ст. 445
- [3] Федеральный закон №101-ФЗ от 15.07.1995 года «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995 г. – № 29. – ст. 2757
- [4] Белогриц-Котляревский Л. С., Сергеевский Н. Д., Фойницкий И. Я. Краткий курс русского уголовного права. М.: Ленанд. 2022. 256 с.
- [5] Боровиков В. Б., Смердов А. А. Уголовное право. Общая часть. М.: Юрайт. 2023. 269 с.
- [6] Есаков Г. А. Российское уголовное право. Особенная часть. М.: Юрайт. 2021. 608 с.
- [7] Медведев Е. В. Уголовное право России. Общая часть. М.: Юрайт. 2024. 222 с.
- [8] Огорелков Д.А. Наказания в русско-византийских договорах 911 г. и 944 г. // Вестник УЮИ. 2024. №1 (103). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nakazaniya-v-russko-vizantiyskih-dogovorah-911-g-i-944-g> (дата обращения: 10.05.2025).
- [9] Сверчков В. В. Введение в уголовное право. Уголовный закон. М.: Юрайт. 2024. 202 с.

References:

- [1] *The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020)*
- [2] *The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended 21.04.2025) (with amendments and additions, entry as of 02.05.2025) //Collection of legislation of the Russian Federation. - 2009 - No. 4. - Art. 445*
- [3] *Federal Law No. 101-FZ of 15.07.1995 «On International Treaties of the Russian Federation» //Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1995 - No. 29. - Art. 2757*
- [4] *Belogritz-Kotlyarevsky L. S., Sergeevsky N. D., Foinitsky I. Ya. A short course in Russian criminal law. M.: Lenand. 2022. 256 s.*
- [5] *Borovikov V. B., Smerdov A. A. Criminal law. General part. M.: Yurayt. 2023. 269 pp.*
- [6] *Yesakov G. A. Russian criminal law. Special part. M.: Yurayt. 2021. 608 pp.*
- [7] *Medvedev E. V. Criminal Law of Russia. General part. M.: Yurayt. 2024. 222 pp.*
- [8] *Ogorelkov D.A. Punishments in the Russian-Byzantine treaties of 911 and 944//Bulletin of UYI. 2024. №1 (103). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nakazaniya-v-russko-vizantiyskih-dogovorah-911-g-i-944-g> (access date: 10.05.2025).*
- [9] *Sverchkov V.V. Introduction to criminal law. Criminal law. M.: Yurayt. 2024. 202 p.*

DOI: 10.24412/cl-37382-2025-3-25-32

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2025 г.

ГУСЕЛЬНИКОВ Михаил Константинович,
*студент, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный
университет, Россия, г. Санкт-Петербург,
e-mail seysiks@yandex.ru*

Научный руководитель:

КРУЖЕВНИКОВА Анна Андреевна,
*канд. полит. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-
строительный университет, Россия, г. Санкт-Петербург,
e-mail a.kruzhevnikova@yandex.ru*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ НА ЗАЩИТЕ ПРАВ ДОЛЬЩИКОВ: РЕШЕНИЕ ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

Аннотация. Проблема защиты прав дольщиков в сфере строительства до сих пор остается достаточно актуальной. Несмотря на активное участие государства в регулировании этих отношений, имеют место быть нарушения со стороны застройщиков. Сложность законодательства, длительность судебных разбирательств приводят к значительным финансовым потерям и социальным проблемам для граждан. Развитие технологий искусственного интеллекта открывает новые возможности для повышения эффективности защиты прав дольщиков, автоматизируя анализ правовой информации, прогнозирование рисков и оптимизируя процессы взаимодействия с государственными органами и застройщиками. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки и внедрения инновационных ИИ-решений для существующих проблем и повышения доступности правовой защиты для дольщиков.

Ключевые слова: Дольщики, защита прав, долевое строительство, искусственный интеллект, банкротство.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта СПбГАСУ на 2025 год.

GUSELNIKOV Mikhail Konstantinovich,
*Student, Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Russia, Saint
Petersburg*

Scientific Guide:

KRUZHEVNIKOVA Anna Andreevna,
*cand. polite. sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University of Architecture and
Civil Engineering, Saint Petersburg, Russia*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN DEFENSE OF THE RIGHTS OF SHAREHOLDERS: SOLVING LEGAL PROBLEMS IN THE CONSTRUCTION SECTOR

Annotation. *The problem of protecting the rights of shareholders in the construction sector is still quite relevant. Despite the active participation of the state in regulating these relations, there are violations on the part of developers, the complexity of legislation, and the length of court proceedings lead to significant financial losses and social problems for citizens. The development of AI opens up new opportunities to increase the effectiveness of protecting the rights of shareholders by automating the analysis of legal information, forecasting risks and optimizing the processes of interaction with government agencies and developers. The relevance of the research is due to the need to develop and implement innovative AI solutions for existing problems and increase the availability of legal protection for shareholders.*

Key words: *Shareholders, protection of rights, shared-equity construction, artificial intelligence, bankruptcy.*

The work was carried out with the financial support of the SPbGASU grant for 2025.

Сфера долевого строительства в России и многих других странах исторически является зоной повышенных правовых рисков. Несмотря на существующие механизмы государственного регулирования, такие как проектное финансирование и компенсационный фонд, проблемы нарушения сроков строительства, банкротства застройщиков и сдачи объектов с недочетами остаются системными. Эти проблемы приводят к многолетним судебным разбирательствам, финансовым потерям граждан и подрыву доверия к строительной отрасли в целом.

Традиционные правовые механизмы зачастую носят реактивный характер, вступая в действие уже после нарушения прав дольщиков. В этой связи возникает объективная необходимость в разработке и внедрении проактивных инструментов, способных предвидеть и предотвращать нарушения на ранних стадиях. Технологии искусственного интеллекта, обладающие возможностями анализа больших массивов данных, прогнозирования и автоматизации,

предлагают революционный подход к защите прав дольщиков.

Несмотря на эволюцию Российского законодательства в сфере долевого строительства и появлением Федерального закона № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [1], который принес счета-эскроу (ГК РФ ст. 860.7.) [2], правовые риски дольщиков остаются значительными. Так, например, в своих совместных трудах Зубков В.Н. и Гусева И.И., используя правоприменительный анализ обращений дольщиков, выделили некоторые нарушения, допускаемые застройщиками при исполнении договорных обязательств по договору долевого участия, относят:

1. Нарушение сроков уведомления участников долевого строительства о переносе срока передачи объектов долевого строительства
2. Несоблюдение сроков строительства и передачи квартир дольщикам

3. Требование по оплате дополнительных денежных сумм, в связи с отступлением от проектной документации

4. Невыполнение требования дольщика об уменьшении цены договора, в случае занижения фактической площади квартиры, по сравнению с предусмотренной договором

5. Несоответствие требований к качеству построенного жилья

6. Включение в договор условий, которые ущемляют права потребителей. [7, с. 123]

Одним из существенных рисков, сопровождающих участие в долевом строительстве, является вероятность наступления состояния неплатежеспособности строительной организации, что существенно увеличивает продолжительность ожидания жильцами получения готового объекта недвижимости. Несмотря на снижение риска непосредственного присвоения денежных средств посредством механизма использования счетов-эскроу, угроза банкротства застройщика сохраняется ввиду ряда факторов, таких как неэффективное управление финансовыми ресурсами, завышение издержек производства либо воздействие неблагоприятных макроэкономических обстоятельств.

Сам процесс признания застройщика банкротом зачастую растягивается на продолжительные временные интервалы, измеряемые годами, а последующая передача дела другому исполнителю требует значительных временных затрат на подготовку документов и изучение ситуации новым участником.

Помимо прочего, необходимо учитывать асимметрию информации,

существующую между застройщиком и участниками долевого строительства. Последним практически невозможно своевременно получать объективные сведения о реальных темпах возведения здания и экономическом положении девелоперской компании, что затрудняет своевременное выявление потенциальных угроз и своевременное реагирование на них.

Действующая юридическая инфраструктура преимущественно ориентирована на предоставление пострадавшим гражданам судебного способа восстановления нарушенных прав, однако судебная защита характеризуется длительностью, дороговизной и возможностью возмещения ущерба лишь *post factum*. Такая ситуация обуславливает острую потребность в выработке предупредительных мер, направленных на заблаговременное предупреждение возникновения негативных последствий и укрепление гарантий защиты прав участников долевого строительства.

Современные технологии искусственного интеллекта способны интегрироваться на каждом этапе жизненного цикла строительного проекта, формируя комплексную систему мониторинга и повышая прозрачность процессов. Масштаб накопления больших объемов данных создает благоприятные условия для использования интеллектуальных методов анализа, позволяющих строить прогнозы относительно финансово-экономических показателей предприятий, включая вероятности наступления несостоятельности.

Наиболее перспективными инструментами выступают искусственные нейронные сети, обладающие способностью решать широкий спектр задач: начиная

от предсказания будущих состояний исследуемых явлений и заканчивая классификацией наблюдаемых признаков и распознавания образов. Практическое применение искусственных нейронных сетей в зарубежных исследованиях широко используется для диагностики текущего финансового состояния организаций и построения моделей предиктивного анализа, определяющих перспективы возможного кризиса предприятия. Данные методы позволяют создавать надежные модели, способные обеспечивать высокую точность оценочных процедур и сопоставлять разнородные факторы, влияющие на устойчивость субъекта хозяйственной деятельности.

Авдеев В.А. в своей работе, посвященной прогнозированию нейросетью банкротства компаний, определил, что «именно скопившиеся огромные объемы финансовой и бухгалтерской отчетности создали предпосылки для использования технологий обработки больших данных и, в частности, нейросетей для решения прикладных задач экономики. Одной из таких задач является задача оценки финансовой устойчивости и прогнозирования банкротства предприятия». [3, с. 322] Также, он определил этапы, с помощью которых, нейросеть должна будет начать процесс прогнозирования банкротства:

1. Предварительный анализ данных, формирование обучающей выборки.
2. Выбор архитектуры нейронной сети.
3. Задание параметров нейросетевого вычислителя.
4. Обучение нейросети.
5. Решение задачи прогнозирования

или распознавания новых данных.

При рассмотрении возможности банкротства строительных компаний всё не так однозначно, так, в своих научных трудах Войко А.В. пришёл к выводу, что строительный рынок – явление не статичное, а динамичное, в силу чего при использовании нейросети будет необходимо вводить постоянные корректировки расчётных моделей на предмет включения в состав детерминантов актуальных факторов, влияющих на вероятность наступления банкротства и что различные популярные расчётные модели (Р. Лиса, Г. Спрингейта, Э. Альтмана, Р. Таффлера и Сифиуллина-Кадыкова) могут показывать разный результат исходя их исторических особенностей или особенностей рынка. [5, с. 8]

Система мониторинга этапов строительства с применением методов компьютерного зрения приобретает особую значимость в современных реалиях. Примером успешного применения аналогичных подходов служит китайская технология SkyNet, реализованная на основе видеозаписей с камер наблюдения. Данная система обладает широким спектром функций, включая автоматическое распознавание лиц, идентификацию личности по особенностям ходьбы и оценку психоэмоционального состояния индивидов. Помимо сбора и обработки персональных данных граждан, система способна анализировать поведение и формировать прогностические сценарии вероятных социальных реакций.

Несмотря на этически спорные аспекты китайского опыта, связанный с повышенным уровнем вмешательства в частную жизнь граждан, подобный подход потенциально полезен и для

строительной отрасли. Применение схожих технологий на стройплощадках могло бы позволить отслеживать ход строительных работ, оценивать качество выполняемых операций, обнаруживать потенциальные угрозы производственного характера и прогнозировать возможные трудности в управлении проектами. Однако внедрение подобного инструментария неизбежно сопряжено с необходимостью тщательной оценки соответствия международным нормам и стандартам защиты персональной информации, а также соблюдением принципов уважения частной жизни и конфиденциальности данных работников и контрагентов.

Как отмечается в научной работе Лапиной М.А.: «нейронные сети, благодаря своей способности автоматически извлекать сложные признаки из изображений, открывают новые возможности для решения задач компьютерного зрения, такие как распознавание объектов, сегментация изображений и генерация визуального контента». [8, с. 4] Таким образом, современные достижения в области глубокого обучения способствуют повышению точности автоматизированных систем анализа визуальных данных, что становится важным инструментом в исследовательских и прикладных приложениях, позволяя достигать качественно новых результатов в обработке изображений и видеоинформации. Нейросеть, используя компьютерное зрение сможет: определять стадию строительства, выявлять простои, контролировать соблюдение графика. Искусственный интеллект может автоматизировать документооборот и претензионную работу.

В своей работе Галкина Е.А. и

Вайндорф-Сысоева М.Е., размышляя над способностями технологии искусственного интеллекта, пишут о его способности анализировать содержание документов, выявлять смысловые связи и предоставлять релевантные результаты поиска даже при неточно сформулированном запросе, защищать конфиденциальность дольщиков, обнаруживая договор несоответствующий требованиям нормативных документов. [6]

Исследование Бобровой Е.В. посвящено потенциалу применения нейросетей в области архивного дела, рассматриваемого автором как обширное хранилище разнородных данных. Автор подчеркивает значительную сложность систематизации и каталогизации огромных массивов архивных материалов, накопленных за длительный исторический период. Использование нейросетевых алгоритмов предлагается как инструмент, позволяющий преодолеть данную проблему путём автоматизации сложных процессов поиска, сортировки и индексации информации. По мнению Бобровой Е.В., именно способность нейросетей к обучению на больших объемах данных и выявлению скрытой структуры данных даёт возможность преобразовывать архивы из пассивных банков информации в динамичные информационно-аналитические центры. Архивные фонды приобретают статус активного ресурса, доступного для научного исследования, социологических и исторических изысканий, что способствует эффективному управлению культурным наследием и обеспечению сохранности исторической памяти. При этом подчеркивается перспективность интеграции нейросетевых методик в процессы реконструкции утраченных данных, выявления корреляционных связей между

историческими событиями и материалами, создания интерактивных картотек и баз данных. Эти инструменты становятся ключевым элементом современного архивного менеджмента, повышая доступность и полезность архивных ресурсов для исследователей, представителей власти и широкой общественности. [4]

В сфере строительства при договоре долевого участия это может быть использовано как хранилище данных о прошлых объектах застройщиков, для получения различного рода информации: были ли задержки, невыдача квартир жильцам, несоответствие требований к качеству, заявленным застройщиком изначально, данные массивы данных будут служить для предупреждения дольщиков.

Интеграция технологий искусственного интеллекта в правовую сферу долевого строительства, несмотря на очевидный потенциал оптимизации процессов и улучшения качества принятия управленческих решений, сталкивается с целым рядом серьезных вызовов и препятствий.

Одна из центральных трудностей связана с обеспечением высокого уровня информационной безопасности при внедрении нейросетевых технологий. По мнению исследователя Тырышкина С.Ю., широкое распространение и активное использование нейросетей несет существенные риски, связанные с возможными киберугрозами и атаками на конфиденциальные данные. Основные опасности включают несанкционированный доступ злоумышленников к данным, находящимся в распоряжении управляющих компаний или застройщиков, и последующее разглашение сведений о владельцах

долей, их платежеспособности, кредитных обязательствах, финансовой отчетности, коммерческой тайне компаний-застройщиков. Полученная таким образом информация может представлять высокий интерес для криминальных группировок, конкурентов, рекламных агентств и средств массовой информации, поскольку подобные сведения обладают значительной ценностью на теневых рынках и могут использоваться в корыстных интересах. [9]

Другим критичным вопросом является отсутствие четко прописанных правовых основ, регулирующих обработку и использование массивов данных, необходимых для работы алгоритмов искусственного интеллекта. Поскольку для успешной работы нейросетей требуются большие объемы информации, значительная доля которой относится к категории чувствительной личной информации физических лиц (например, паспортные данные, доходы, адреса проживания) и охраняемой законом коммерческой тайны компаний-застройщиков, возникает необходимость определить строгие правила хранения, защиты и правомерного использования таких данных. Здесь крайне важны ясные юридические основания для обработки данных, наличие надлежащих мер защиты информации, механизмы установления ответственности в случае нарушений конфиденциальности и санкционирования неправомерного распространения данных.

Следовательно, успешное внедрение нейросетевых технологий в правовое пространство долевого строительства возможно только при условии комплексного подхода к решению указанных проблем. Необходимость выработки специальных правовых норм и стандартов безопасности

должна сопровождаться постоянным возможен положительный эффект от мониторингом текущих тенденций в применения инновационных технологий, развитии технологий и соответствием обеспечивающий должный уровень защиты нормативного регулирования уровню участников долевого строительства и технического прогресса. Только при справедливого распределения преимуществ соблюдении перечисленных условий цифрового преобразования.

Список литературы:

[1] Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 N 214-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/

[3] Авдеев, В. А. Ильянова Е.И. Методика использования нейросетевого вычислителя для прогнозирования банкротства предприятия // Наукосфера. – 2022. – № 10-2. – С. 321-324.

[4] Боброва Е.В. Перспективы применения технологии искусственного интеллекта в архивном деле: анализ опыта // Вестник ВНИИДАД. 2023. №1.

[5] Войко, А. В. Модели прогнозирования вероятности банкротства и возможности их применения для строительных компаний // Учет. Анализ. Аудит. – 2021. – Т. 8, № 1. – С. 13-23.

[6] Галкина Е.А., Вайндорф-Сысоева М.Е. Влияние искусственного интеллекта на трансформацию делопроизводства в цифровой среде // Финансовые рынки и банки. 2025. №4.

[7] Зубков В.Н., Гусева И.И. Некоторые экономико-правовые проблемы долевого строительства жилья и пути их решения // Право и практика. 2021. №1. С.119-125

[8] Лапина М. А., Подручный Н. В., Багаутдинова А. Р., Шидловский А. С., Кущенко А. А. Применение нейронных сетей для анализа и обработки визуальных данных // Auditorium. 2025. №1 (45).

[9] Тырышкин С.Ю. Информационная безопасность при использовании технологий нейронных сетей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. №4-1 (103) с. 226-230.

References:

[1] Federal Law «On Participation in Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate Objects and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation» dated 30.12.2004 N 214-FZ (latest edition) //SPS Consultant Plus// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated 26.01.1996 N 14-FZ (latest edition) //SPS ConsultantPlus// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/

[3] Avdeev, V. A. Ilyanova E.I. Methodology for using a neural network computer to predict

bankruptcy of an enterprise//Naukosphere. – 2022. – № 10-2. - S. 321-324.

[4] Bobrova E.V. Prospects for the use of artificial intelligence technology in archival affairs: analysis of experience//VNIIDAD Bulletin. 2023. №1.

[5] Voiko, A. V. Models for predicting the probability of bankruptcy and the possibility of their application for construction companies//Accounting. Analysis. Audit. – 2021. - T. 8, NO. 1. - S. 13-23.

[6] Galkina E.A., Weindorf-Sysoeva M.E. The influence of artificial intelligence on the transformation of office work in the digital environment//Financial markets and banks. 2025. №4.

[7] Zubkov V.N., Guseva I.I. Some economic and legal problems of shared housing construction and ways to solve them//Law and practice. 2021. №1. S.119-125

[8] Lapina M.A., Podruchny N.V., Bagautdinova A.R., Shidlovsky A.S., Kushchenko A.A. Application of neural networks for analysis and processing of visual data//Auditorium. 2025. №1 (45).

[9] Tyryshkin S.Yu. Information security when using neural network technologies//International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2025. No. 4-1 (103) p. 226-230.

ГРЕЧКА Софья Сергеевна,
*студент, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный
университет, Россия, г. Санкт-Петербург,
e-mail sofigrchka@yandex.ru*

Научный руководитель:

КРУЖЕВНИКОВА Анна Андреевна,
*канд. полит. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-
строительный университет, Россия, г. Санкт-Петербург,
e-mail a.kruzhevnikova@yandex.ru*

ПРАВОВОЙ СТАТУС КРИПТОВАЛЮТ: ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВЕСТОРОВ

Аннотация. Данная статья посвящена анализу актуальных вопросов, связанных с правовой природой криптовалют и сложностями их регулирования в современном мире. Рассматриваются различные подходы к определению правового статуса криптовалют, существующие модели регулирования их обращения на национальном и международном уровнях, а также проблемы, возникающие в связи с применением традиционных правовых институтов к активному практическому внедрению в процессы расчётов. Особое внимание уделяется вопросам защиты прав участников рынка криптовалют, включая проблемы мошенничества, «отмывания» денег и кибербезопасности. В указанном контексте также предлагаются возможные пути решения выявленных проблем и формирования эффективной системы правового регулирования криптовалют, направленной на баланс интересов государства, бизнеса и граждан.

Ключевые слова: криптовалюта, участники рынка, блокчейн, правовое регулирование, защита прав.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта СПбГАСУ на 2025 год.

GRECHKA Sofya Sergeevna,
*Student, Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint Petersburg,
Russia*

Scientific Guide:

KRUZHEVNIKOVA Anna Andreevna,
*cand. polite. sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University of Architecture and
Civil Engineering, Saint Petersburg, Russia*

LEGAL STATUS OF CRYPTOCURRENCIES: PROBLEMS OF REGULATION AND PROTECTION OF INVESTORS 'RIGHTS

Annotation. *This article focuses on analyzing the current issues related to the legal nature of cryptocurrencies and the challenges of regulating them in the modern world. It explores various approaches to defining the legal status of cryptocurrencies, the existing models for regulating their circulation at the national and international levels, and the challenges that arise from applying traditional legal institutions to actively incorporating cryptocurrencies into payment processes. The article also highlights the importance of protecting the rights of cryptocurrency market participants, including issues related to fraud, money laundering, and cybersecurity. In this context, possible solutions to the identified problems and the formation of an effective legal system for regulating cryptocurrencies are also proposed, aimed at balancing the interests of the state, business, and citizens.*

Key words: *cryptocurrency, market participants, blockchain, legal regulation, and protection of rights.*

The work was carried out with the financial support of the SPbGASU grant for 2025.

В современном мире наблюдается стремительный рост интереса к криптовалютам, которые уже превзошли по объему торгов и капитализации ряд крупных компаний с физическими активами. Начало развития криптовалют связано с публикацией 31 октября 2008 года статьи Сатоши Накамото под названием «Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System», представившей концепцию первой децентрализованной цифровой валюты — биткойна. Уже в январе 2009 года была запущена первая версия программного клиента сети Bitcoin. Термин «криптовалюта» появился позже, в 2011 году, после выхода статьи в журнале Forbes, озаглавленной «Crypto Currency».

Технология блокчейна, лежащая в основе функционирования криптовалют, вызвала значительный интерес среди участников рынка и государственных органов управления в разных странах мира. Ее ключевое преимущество заключается в способности обеспечить финансовую систему без централизованного контроля, позволяющую осуществлять глобальные транзакции независимо от регулирующих инстанций. Этот технологический сдвиг

привел не только к созданию нового класса активов, но также выявил необходимость разработки соответствующего правового регулирования, которое пока остается недостаточно проработанным. Необходимо отметить, что, как и все экономические инструменты, криптовалюта своими возможностями, как известно, также привлекает внимание лиц, участвующих в противоправной деятельности, что подрывает безопасность добросовестных участников рынка.

В июле 2015 г. появляется Ethereum — криптовалюта и платформа для создания неподконтрольных единому центру онлайн-сервисов на базе блокчейна, работающих на основе «умных» контрактов. Реализована как единая децентрализованная виртуальная машина. Смарт-контракты представляют собой программные алгоритмы, записанные в блокчейне, которые автоматически выполняют заранее заданные условия по принципу «если-то». Их код является неизменным после создания, что обеспечивает надежное исполнение договоренностей, но всё также не уберегает от заключения незаконных сделок и уловок мошенников.

Международные организации прилагают значительные усилия для регулирования операций с использованием криптовалют, однако сталкиваются с серьезными препятствиями. Основной проблемой является разночтение в определении правовой природы самого термина «криптовалюта». Одни государства рассматривают криптовалюту как имущество, согласно ст.128 ГК РФ к их числу относятся и Российская Федерация [1], а другие – как финансовый актив. Это создает барьеры для формирования универсальных норм. Также остро стоит вопрос анонимности криптовалют, которая способствует их использованию в противоправных целях.

Согласно исследованиям Андреевой О.А. и Ляшенко М.С., мировая практика регулирования криптовалют демонстрирует существенную дифференциацию. В то время как Япония и Швейцария выступают в роли крипто-дружественных юрисдикций, стимулируя развитие отрасли, Китай применяет репрессивные меры. Примечательно, что даже в рамках единого экономического пространства, такого как ЕС, наблюдается разрозненность регуляторных подходов [2, с.259].

Власти США одними из первых приступили к регулированию криптовалютного рынка. Согласно директиве FinCEN (структура Минфина США) от мая 2013 года, операции по обмену цифровых валют на фиатные средства приравнены к обычному валютному обмену. В результате все площадки, работающие с криптовалютами, должны получить статус финансовых провайдеров и вести строгий учет всех операций, включая отслеживание потенциально незаконных транзакций.

Как отмечает И.В. Фадеев, в ходе

законодательных слушаний, прошедших в Соединённых Штатах Америки, было определено статусное положение биткоина. Учитывая его функциональность как средства платежа и возможность конвертации в фиатные деньги, криптовалюта была приравнена к валютным инструментам [3, с.135].

В то же время, китайские власти (КНР) признают невозможность полного технологического контроля над криптовалютным рынком. Несмотря на значительный интерес со стороны частных инвесторов и спекулянтов, Народный банк Китая ввел запрет на операции с цифровыми активами для юридических лиц. Ограничения распространяются не только на торговлю, но и на страхование криптовалютных продуктов и производных инструментов. При этом физические лица могут совершать операции, но полностью несут ответственность за возможные потери без права страхования рисков. Запрет также касается ICO (т.е. метод привлечения капитала, при котором компании предлагают инвесторам приобрести цифровые активы (токены) в обмен на финансирование) для всех компаний, включая те, что провели размещение токенов до введения закона. В то же время Китай активно развивает цифровой юань, который уже находит применение в повседневной жизни и рассматривается для использования в международных экономических расчетах. Джастин Сан, основатель блокчейна Tron (TRX), заявил, что материковый Китай вскоре также снимет запрет на цифровые активы, следуя примеру Гонконга, специального административного района Китая, который привлек множество криптокомпаний благодаря своей про-криптовалютной политике.

Российское правовое регулирование

активно адаптируется к появлению и распространению новых форм цифровых валют. Начиная с 2017 года, в нашей стране стартовала работа над созданием правовой основы для функционирования криптовалютного рынка. Центральным банком совместно с другими государственными органами инициированы первые шаги по ограничению оборота виртуальных денег, ставшие основой для дальнейшего формирования соответствующей нормативной базы [4]. В последующие годы были подготовлены законопроекты, направленные на легализацию криптовалют. Важным этапом стало принятие в 2020 году Федерального закона №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» [5]. Данный акт предоставил четкое определение цифровых активов и регламентировал порядок их эмиссии и обращения. Согласно закону, деятельность операторов инфраструктуры цифровых активов подлежит обязательной регистрации и соблюдению мер против мошенничества, установленных Банком России.

Кроме того, особый акцент сделан на обеспечении национальной информационной безопасности в условиях цифровой трансформации. Президентским указом №203 от 9 мая 2017 года утверждена стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на период до 2030 года, включающая меры защиты национальных интересов в сфере цифровизации и предотвращение использования криптовалют в противоправных целях [6].

Среди последующих нормативных актов важное значение имеют изменения, внесенные Федеральным законом №115-ФЗ «О противодействии легализации доходов, полученных преступным путем». Поправки,

принятые в 2022 году, существенно расширяют сферу мониторинга криптоопераций, включая сделки с цифровыми активами в список контролируемых операций [7]. Завершающим штрихом стали нововведения, введенные Федеральным законом №221-ФЗ от 8 августа 2024 года, дополняющие ранее существующие нормы применительно к специфическим аспектам криптовалютного сектора.

Центральный банк России объявил о возможности использования криптовалют для международных расчетов по внешнеторговым контрактам. Эта опция будет доступна российским компаниям-экспортерам и импортерам только в рамках экспериментального правового режима (ЭПР). Законопроект, разрешающий это, был одобрен Госдумой в ускоренном порядке. Законодательством предусмотрено, что условия реализации программы будут установлены Центробанком России после консультаций с профильными ведомствами. Среди ключевых элементов проекта выделяют ограничение круга субъектов, участвующих в экспериментах, установление сроков проведения экспериментов и формирование специального механизма учёта рисков. Кроме того, Госдума приняла закон, разрешающий обращение иностранных цифровых прав в России и российских цифровых прав за рубежом, что расширяет возможности использования цифровых прав в международных торговых операциях. В том числе, законодательный акт легализовал и дал определение майнинга, а также установил базовые принципы контроля над криптовалютным майнингом и регламентировал процедуру учета лиц, занимающихся майнингом, а также операторов соответствующей инфраструктуры [8].

Наличие перечисленных законодательных актов свидетельствует о признании криптовалюты в РФ, однако необходимость в совершенствовании законодательной базы по данному вопросу присутствует. Все ограничения действуют только на территории РФ и на российских платформах, что позволяет участникам хранить валюту на зарубежных кошельках и биржах, а также свободно проводить с помощью них транзакции. Данный вопрос сможет решиться только путем всемирного принятия единых законов по отношению к криптовалюте, технологиям блокчейн и майнингу.

Не менее важная проблема, требующая внимания, это сохранение первоначальной задумки создания цифровой валюты при помощи технологий блокчейн, включающей в себя децентрализацию финансов и анонимность. В настоящих реалиях достичь этого практически невозможно. Для того чтобы предотвратить использование криптовалюты в незаконной деятельности, требуется вышестоящий регулятор, который будет контролировать процесс и обеспечивать защиту прав участников криптовалютного рынка. Так или иначе, децентрализованная финансовая система станет очередным средством в руках государства.

Сравнение российского закона о криптовалютах с законодательством других стран показывает, что Россия стремится адаптировать успешный международный опыт. В то время как оплата товаров и услуг криптовалютами запрещена (как в Китае), инвестиции, спекуляции и ICO разрешены (по аналогии с ранними этапами в США). Главным препятствием на пути реализации закона является необходимость

разработки детальных и недвусмысленных подзаконных актов, обеспечивающих их однозначную интерпретацию. Важным шагом также является внедрение на биржах систем идентификации пользователей для эффективного отслеживания оборота криптовалют, выявления уклонения от уплаты налогов и борьбы с финансированием терроризма.

Лучшим подходом становится создание адаптивного правового поля, позволяющего контролировать криптовалютные операции без подавления инноваций. Ключевыми аспектами должны стать: идентификация пользователей, противодействие отмыванию средств и финансированию терроризма, а также защита потребительских прав.

Гизатулин И.Ю. указывает, что при отсутствии четкой правовой базы существует риск формирования теневой экономики, поддержки незаконной деятельности и уклонения от налогообложения. При этом чрезмерная регламентация может подавить инновационное развитие и отпугнуть инвесторов, что в перспективе приведет к замедлению экономического роста [9, с.86].

В современной экономической реальности Россия сталкивается с серьёзным вызовом — отсутствием легальной криптовалютной биржи на своей территории. Это вынуждает участников рынка прибегать к услугам зарубежных площадок для операций с валютой, что создаёт целый комплекс проблем. Многие предприниматели, не имея доступа к официальному инструменту торговли, вынуждены обращаться к посредникам. При этом они неизбежно несут дополнительные расходы в виде комиссий, которые могли бы быть инвестированы в развитие бизнеса. Особенно тревожным

последствием сложившейся ситуации становится рост числа «дропперов» — лиц, вовлечённых в сомнительные финансовые операции. Отсутствие официального регулирования создаёт благоприятную почву для различных мошеннических схем, что представляет серьёзную угрозу как для отдельных участников рынка, так и для экономики в целом.

Одним из перспективных решений существующей проблемы может стать внедрение официальной цифровой валюты на территории Российской Федерации. Речь идёт о создании стейблкоинов — стабильных криптоактивов, которые уже успешно функционируют во многих странах мира. Подобный опыт уже реализован в таких государствах, как: Китай (цифровой юань), ОАЭ (Emirates Coin), Швейцария (проекты на базе Ethereum), Япония (эксперименты с цифровой йеной), Соединённые штаты (USDT) а также некоторые страны Европейского союза. Внедрение собственной государственной криптовалюты позволит: создать прозрачную систему контроля финансовых операций, снизить зависимость от иностранных платёжных систем, обеспечить безопасность транзакций, стимулировать развитие цифровой экономики, привлечь новые инвестиции в финансовый сектор. Такой подход не только решит существующие проблемы с валютными операциями, но и выведет Россию на передовые позиции в сфере цифровых финансов.

Реализация предложенного решения требует фундаментальных изменений в правовом поле, касающемся криптовалютной сферы. В настоящее время наблюдается определённая двойственность правового статуса цифровых активов. С одной стороны,

в рамках экспериментального правового режима криптовалюта получила легитимный статус цифрового актива, который может применяться для осуществления расчётов во внешнеэкономической деятельности. С другой стороны, согласно нормам Гражданского кодекса Российской Федерации, криптовалюта по-прежнему рассматривается как объекты имущественных прав. Данная правовая коллизия требует тщательной проработки и внесения соответствующих изменений в законодательство для создания эффективной и прозрачной системы регулирования криптовалютного рынка.

Существенным пробелом в действующем законодательстве является отсутствие специализированных правовых норм, регулирующих ответственность за нелегальный майнинг. Несмотря на то, что подобная противоправная деятельность находится под контролем государства, привлечение к ответственности осуществляется посредством применения общих правовых норм, не учитывающих специфику майнинговой деятельности. Данная ситуация создаёт благоприятные условия для развития различных мошеннических схем и может привести к их дальнейшему распространению. Отсутствие целенаправленного правового регулирования в этой сфере существенно затрудняет эффективную борьбу с нелегальным майнингом и сопутствующими правонарушениями. Необходимо разработать и внедрить специализированные правовые механизмы, которые позволят: чётко определить критерии легального и нелегального майнинга, установить конкретные меры ответственности за нарушения, обеспечить эффективный контроль над данной деятельностью,

предотвратить использование майнинга в преступных целях.

Для повышения уровня защищенности и эффективности криптовалютного рынка необходима разработка чётких регуляторных норм и требований к участникам отрасли, включая криптобиржи и иных игроков экосистемы. Лицензионные механизмы смогут минимизировать риск мошеннических действий и повысить прозрачность операций, обеспечивая защиту инвестиций частных лиц и юридических структур.

Ключевую роль играет создание эффективной системы налогообложения криптовалютных операций, способствующей пополнению доходной части бюджета государства. Регулирование должно осуществляться в тесном взаимодействии государственных институтов, бизнес-сообщества и научных кругов, что позволит сформировать оптимально сбалансированные правовые рамки, стимулирующие развитие индустрии и минимизирующие негативные последствия её роста.

Особое внимание следует уделить формированию образовательных инициатив, направленных на повышение уровня финансовой грамотности населения. Необходимо информировать пользователей

о возможных рисках и перспективах инвестирования в криптовалюты, способствовать принятию взвешенных инвестиционных решений.

Целью регуляторных мероприятий является создание прозрачной и безопасной среды для устойчивого развития криптовалютной сферы, способной привлекать дополнительные капиталы, поддерживать инновационный потенциал и защищать права и интересы широкого круга экономических агентов.

Нормативно-правовая база Российской Федерации относительно криптовалют продолжает находиться в процессе становления. Действующие положения законов остаются недостаточно детализированными, оставляя значительные зоны неопределённости. Для полноценного внедрения криптовалют в российскую экономику необходимо дальнейшее совершенствование национального законодательства, учитывающего международный опыт и специфику отечественного финансового рынка. Это создаст необходимые предпосылки для эффективного и безопасного использования цифровых активов в хозяйственном обороте.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. Ст. 128. (12.07.2025)

[2] Ляшенко М.С., Андреева О.А. Теоретические методы правового регулирования цифровых финансовых валют (криптовалюты) в Российской Федерации // Вестник науки. – 2024. – №1 (70). – С. 258–261.

[3] Фадеев И.В. Правовой статус криптовалюты в РФ и зарубежных странах // Экономика и бизнес. – 2021. – С. 135–138.

[4] Доклад для общественных консультаций «Криптовалюты: тренды, риски, меры». Официальный сайт Центрального Банка – Банка России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf. (06.07.2025)

[5] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/. (06.07.2025)

[6] Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 мая 2017 г. №20. Ст. 2901.

[7] Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/. (06.07.2025)

[8] Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 N 221-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482417/. (14.07.2025)

[9] Гизатулин И.Ю. Правовое регулирование криптовалюты: международный опыт // Экономика и бизнес. – 2025. – №3. С. 79 – 88.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 (as amended on August 8, 2024, as amended on October 31, 2024). – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. Art. 128. (12.07.2025)

[2] Lyashenko M.S., Andreeva O.A. Theoretical methods of legal regulation of digital financial currencies (cryptocurrencies) in the Russian Federation // Bulletin of Science. – 2024. – №1 (70). – S. 258–261.

[3] Fadeev I.V. Legal status of cryptocurrency in the Russian Federation and foreign countries // Economy and business. – 2021. – S. 135–138.

[4] Report for public consultations «Cryptocurrencies: trends, risks, measures.» Official website of the Central Bank - Bank of Russia. - [Electronic resource]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf. (06.07.2025)

[5] Federal Law No. 259-FZ dated July 31, 2020 «On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation.» - [Electronic resource]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/. (06.07.2025)

[6] Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203 «On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030» // Collection of Legislation of the Russian Federation of May 15, 2017 No. 20. Art. 2901.

[7] Federal Law of 07.08.2001 N 115-FZ «On combating the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism.» – [Electronic resource]. – Режим доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/. (06.07.2025)

[8] Federal Law «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» dated 08.08.2024 N 221-FZ (latest edition).—[Electronic Resource].—Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482417/. (14.07.2025)

[9] Gizatulin I.Yu. Legal regulation of cryptocurrency: international experience//Economics and business.—2025.—No. 3. S. 79–88.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.24412/cl-37382-2025-3-42-52

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.10.2025 г.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,

*доктор юридических наук, профессор, председатель Московской городской коллегии адвокатов «Норма права», профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН,
e-mail: grudtsina@norma-prava.com*

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВОСУДИИ И БУДУЩЕЕ РОБОТОВ-СУДЕЙ

Аннотация. В статье исследованы теоретико-правовые вопросы возможностей и ограничений применения искусственного интеллекта в системе правосудия, будущее роботов-судей, которые могут заменить человека (профессионального судью), а также разграничены понятия «цифровизация правосудия» и «применение технологий искусственного интеллекта в правосудии». В рамках исследования проанализированы понятие искусственного интеллекта, основы правового регулирования применения искусственного интеллекта в разных современных юрисдикциях, намечен вектор дальнейшего развития рассматриваемых общественных отношений.

Автором статьи обозначены преимущества постепенного внедрения искусственного интеллекта в судебную систему, перспективные направления его использования в сфере информационно-аналитической, административной деятельности судов, делопроизводства и рассмотрения дел по заявлениям о вынесении судебных приказов. В рамках данной статьи автором высказаны некоторые опасения относительно внедрения технологий сильного искусственного интеллекта при недостаточно развитой технической и правовой составляющих. Исследованы недостатки работы искусственного интеллекта в рамках российской системы правосудия, рассмотрены актуальные проекты, направленные на использование технологий искусственного интеллекта в судебной системе. Представлены доктринальные позиции по исследуемой проблематике.

Ключевые слова: цифровое государство, гражданское общество, отрасль права, аддитивные технологии в праве, частное право, публичное право.

GRUDTSINA Ludmila Yurievna,

Doctor of Law, Professor, Chairman of the Moscow City Bar Association «Norm of Law,» Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia),» Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

APPLYING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TO JUSTICE AND THE FUTURE OF ROBOT JUDGES

Annotation. *The article explores the theoretical and legal issues of the possibilities and limitations of the use of artificial intelligence in the justice system, the future of robot judges who can replace a person (a professional judge), and also delineates the concepts of «digitalization of justice» and «the use of artificial intelligence technologies in justice.» As part of the study, the concept of artificial intelligence, the basics of legal regulation of the use of artificial intelligence in various modern jurisdictions were analyzed, the vector of further development of the social relations under consideration was outlined.*

The author of the article indicates the advantages of the gradual introduction of artificial intelligence into the judicial system, promising areas of its use in the field of information and analytical, administrative activities of the courts, office work and consideration of cases on applications for court orders. Within the framework of this article, the author expressed some concerns about the introduction of strong artificial intelligence technologies with insufficiently developed technical and legal components. The shortcomings of the work of artificial intelligence within the Russian justice system were investigated, relevant projects aimed at using artificial intelligence technologies in the judicial system were considered. Doctrinal positions on the issues under study are presented.

Key words: *digital state, civil society, branch of law, additive technologies in law, private law, public law.*

1. Введение

Появление новейших информационных технологий, обширное распространение которых связано с внедрением и повсеместным использованием сети Интернет, ознаменовало собой начало новой информационной и инновационной эпохи. Инновации по праву следует считать основным катализатором долгосрочного экономического роста, и важнейшую роль в их дальнейшем развитии и распространении играет та регуляторная среда, в которой они существуют [8].

В настоящее время общество стоит на пороге трансформации привычных общественных отношений в цифровые. Этим обусловлена необходимость изменения системы правового регулирования, которая является важнейшей частью любой социальной системы. В этой связи основной задачей каждого государства

является разработка нормативной базы для имплементации цифровых технологий в правовую систему [2].

На сегодняшний день вопросы цифровизации и автоматизации выполнения ежедневных задач, стоящих перед человеком, касаются всех сфер общественных отношений, в том числе области отправления правосудия. Электронные сервисы, упрощающие функционирование судебной системы, активно используются как участниками судебных разбирательств, так и работниками аппарата суда [5].

2. Методологическая база

Ведущим методом исследования проблемы явился дедуктивный метод, позволивший изучить правовую и социальную природу процессов цифровизации судебной деятельности и правосудия. Важно отметить,

что наиболее частыми направлениями цифровизации правосудия среди исследователей называются следующие: а) электронное правосудие; б) рассмотрение дел и вынесение судебных актов искусственным интеллектом.

Электронное правосудие - в отличие от технологий искусственного интеллекта - не предполагает самостоятельного принятия решений относительно поставленных задач заданным искусственным алгоритмом, а лишь позволяет посредством определенных информационных систем обеспечить взаимодействие с судом в созданном электронном поле. Применение технологий искусственного интеллекта предполагает имитацию когнитивных функций человека, в результате которых система способна самообучаться и осуществлять поиск решений без заранее заданного алгоритма.

3. Результаты

Рассмотрены возможности и пределы (ограничения) применения искусственного интеллекта в правосудии Российской Федерации, а также возможности внедрения роботов-судей в российскую правовую систему.

Применительно к современному правовому обществу одним из единственно возможных и ключевых правил внедрения искусственного интеллекта в судебную систему следует считать следующее: масштабное внедрение искусственного интеллекта в судебный процесс не должно повлечь за собой существенное изменение судебного порядка, регламентированного действующими процессуальными законодательными актами. Причем, окончательное решение должно оставаться за человеком-судьей, а не за роботом-судьей

[4]. Такое направление должно находить свое проявление в следующих аспектах:

- при любых формах искусственного интеллекта в судебном процессе ответственность за принятие окончательного решения по делу должна лежать на судьей;
- результаты, полученные от функционирования искусственного интеллекта, их качество и применимость в конкретном деле, оцениваются судьей применительно к каждому делу.

Исходя из вышеприведенного правила следует говорить о возможностях применения искусственного интеллекта в правосудии с точки зрения средства решения задачи правосудия. Причем, внедрение в деятельность суда конкретных алгоритмов искусственного интеллекта в настоящее время уже обеспечивает разрешение некоторых проблем, в том числе:

- уменьшение рутинной работы судей;
- уменьшение технической работы работников аппарата суда.

Разрешение указанных проблем с помощью искусственного интеллекта не вызывает противоречий среди исследователей. Однако на сегодняшний день остро встает вопрос потенциала использования искусственного интеллекта при осуществлении правосудия, который является предметом исследования в некоторых монографиях и научных статьях [4].

4. Обсуждения

Результатом работы системы искусственного интеллекта является выполнение задач, сопоставимых (как минимум) с результатами работы интеллектуальной деятельности человека. Подобным образом искусственный интеллект

определяется, например, в российской юрисдикции, в Федеральном законе от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» [17]. Само по себе определение искусственного интеллекта является достаточно размытым. Данное обстоятельство объяснимо, так как технологии искусственного интеллекта носят междисциплинарный, технический характер, что сложно описать исключительно с помощью юридических дефиниций. Среди понятий искусственного интеллекта, представленных в российской доктрине, наиболее развернутое, по нашему мнению, предложил П.М. Морхат в монографии «Искусственный интеллект: правовой взгляд» [15].

Следует отметить, что возможности и пределы использования искусственного интеллекта в деятельности судебной системы указанным нормативным актом не регламентированы. В связи с чем данный правовой пробел вызывает активную дискуссию в научном сообществе относительно ограничений применения искусственного интеллекта в правосудии.

Применение искусственного интеллекта в судебной системе разных государств тормозится, в том числе, из-за отсутствия правового базиса, регламентирующего использование искусственного интеллекта. Целесообразно предположить, что ускорение внедрения искусственного интеллекта в странах Европейского Союза зависит от определения

правовых рамок, в которых предполагается возможным функционирование его технологий [14].

К примеру, Европейской комиссией в 2018 году была принята Европейская этическая хартия использования искусственного интеллекта в судебной и правоохранительных системах, в соответствии с которой на территории Европейского союза утверждены базовые принципы применения искусственного интеллекта [7]. Согласно утвержденным принципам, механизм использования искусственного интеллекта обеспечивает права граждан на получение информации об алгоритмах вынесенного с помощью искусственного интеллекта решения, доступ к большим данным, послужившим основой вынесенного судебного акта, применение сертифицированных систем, на основе которых обеспечивается работа искусственного интеллекта с целью отсутствия возможности утечки персональных данных и конфиденциальной информации.

Немаловажной является возможность отправления правосудия без применения соответствующих технологий искусственного интеллекта по обращению заявителя и возможность обжалования судебного акта, вынесенного на основе технологий искусственного интеллекта.

Таким образом, создание более конкретных правовых основ внедрения искусственного интеллекта в российскую систему правосудия позволит обеспечить прозрачное и понятное функционирование технологий искусственного интеллекта, что, в свою очередь, обеспечит большее доверие со стороны гражданского общества.

Имея устойчивые правовые основы, иностранные государства накопили

определенный опыт использования технологий искусственного интеллекта в правосудии, анализ которого позволяет выделить некоторые риски, связанные с использованием искусственного интеллекта.

Передача отправления правосудия в руки роботизированной техники несет в себе возможность утечки персональных данных, так как работа искусственного интеллекта достаточно непредсказуема для обычного человека. Процесс работы искусственного интеллекта, опосредуемого техническим оборудованием, не позволяет исключить возникновение сбоев и ошибок, что, в свою очередь, может повлечь в перспективе потерю больших объемов информации и угрозу безопасности персональных данных.

Несмотря на описанные недостатки и имеющиеся в науке споры относительно дальнейшего применения и активного распространения искусственного интеллекта в правосудии, технологии искусственного интеллекта имеют ряд существенных преимуществ:

1) эффективность работы искусственного интеллекта: обработка и анализ больших объемов информации, снижение количества ошибок, вызванных человеческим фактором, повышение скорости судебного процесса;

2) устранение проблем судейского усмотрения, предвзятости со стороны суда, вынесение судебных актов исключительно на основе действующих норм права и представленных доказательствах;

3) снижение нагрузки на работников судебного аппарата.

Исходя из имеющихся на сегодняшний день возможностей использования искусственного интеллекта в доктрине

национального права принято выделять слабый и сильный искусственный интеллект. Возможности сильного искусственного интеллекта, воссоздающего интеллектуальную деятельность человека, напоминают работу робота-судьи, анализирующего представленные доказательства и выносящего справедливое решение по делу. Встает вопрос насколько это представляется вероятным в ближайшей перспективе. Представляется возможным говорить о применении искусственного интеллекта в российской системе правосудия в ближайшем будущем в узком контексте в качестве системы электронного правосудия, что подразумевает дальнейшую автоматизацию административных процессов, обеспечивающих работу судей. В подобных ситуациях искусственный интеллект играет роль помощника судьи, снижающего нагрузку по выполнению рутинной работы.

Анализируя, к примеру законодательство Франции, где вопросам внедрения искусственного интеллекта уделяется особое внимание, следует отметить, что вопрос возможности вынесения самостоятельных судебных актов искусственного интеллекта решен достаточно конкретно – установлен законодательный запрет на делегирование подобных полномочий со стороны судьи [6]. Кроме того, при вынесении судебного акта технологии искусственного интеллекта не должны каким-либо образом ограничивать возможности судьи в принятии того или иного решения, а решение, вынесенное с использованием искусственного интеллекта, должно быть достаточно обосновано [4].

Аналогичным образом построено законодательство всего Европейского Союза, призывающего не делегировать вопросы

отправления правосудия технологиям искусственного интеллекта. Подобные нормы напрямую коррелируют действующим нормам процессуального права Российской Федерации, согласно которым суд оценивает представленные сторонами доказательства по своему внутреннему убеждению, что, в свою очередь, искусственному интеллекту сделать не под силу ввиду отсутствия подобных нравственных категорий и качеств.

Однако подобный путь развития искусственного интеллекта в рамках имеющейся международной практики не является единственным. Например, большого прогресса в вопросе внедрения технологий искусственного интеллекта в систему правосудия достиг Китай, где рассмотрение судебных разбирательств осуществляется прямо в мессенджере Wechat. Искусственный интеллект самостоятельно оценивает представленные сторонами доказательства, рассматривая споры, возникшие в области нарушения авторских прав, предпринимательские споры, в том числе в области электронной коммерции.

Кроме того, нередкой является практика применения технологий искусственного интеллекта в рамках уголовного судопроизводства. Неудачно себя продемонстрировал опыт применения американского алгоритма COMPAS при рассмотрении вопроса о возможности рецидива совершения преступлений [12]. Когда речь заходила о представителях афроамериканской расы, система указывала на риск повторного совершения преступления вдвое чаще, нежели в отношении представителей иных народов. Таким образом, даже в отношении указанной системы можно отметить наличие дискриминационных характеристик. Поэтому практику внедрения подобных механизмов

следует считать преждевременной [11].

Применение искусственного интеллекта в рамках уголовного процесса целесообразно лишь в сопровождении и повышении эффективности отдельных процессуальных действий, например, привлечение искусственного интеллекта к распознаванию ложных показаний на основе визуальных изменений человеческой мимики или же голоса и манеры поведения (см., например, исследование «Being human in a technological age: rethinking theological anthropology», Edited by Steven C. van den Heuvel) [1].

5. Заключение

Опыт практики некоторых государств (Китай, Франция, Германия, США) свидетельствует о том, что деятельность робота в рамках отправления правосудия может носить исключительно вспомогательный, а не основной характер, должна иметь альтернативы и возможность отказа от использования технологий искусственного интеллекта при наличии определенных обстоятельств. Отсутствие четких принципов и пределов применения указанных технологий не позволит говорить о дальнейшем развитии данного вопроса.

В целом следует говорить о том, что ускоренное развитие информационных технологий и их проникновение во все сферы деятельности, в том числе в деятельность судов, подтверждают необходимость дальнейшего исследования возможностей и пределов (ограничений) применения искусственного интеллекта в правосудии с учетом опыта разных государств, а также с учетом особенностей разных национальных правовых систем.

Как свидетельствуют материалы

научных публикаций, определенное недоверие юридического сообщества к технологиям искусственного интеллекта связано с психологическим, субъективным фактором [16]. Одним из основных принципов судопроизводства, предполагающих реализацию гарантии на справедливое правосудие, является принцип независимости судей, исключительное подчинение судей законодательству Российской Федерации. В случае разработки искусственного интеллекта, основанного на языках программирования и зависящего от своего создателя, реализация данного принципа ставится под сомнение. Следовательно, возможности и ограничения применения искусственного интеллекта в российском правосудии зависят в основном от того объема полномочий, который на сегодняшний момент общество готово делегировать искусственному интеллекту.

Подводя итоги проведенного анализа следует отметить, что в настоящий момент законодатель и правоприменители многих стран мира сосредоточили свое внимание на дальнейшем развитии технологий слабого искусственного интеллекта в рамках своих национальных судебных систем, а также на развитии системы электронного правосудия. Совершенствование существующих сервисов и появление новых позволит обеспечить более удобный доступ к правосудию для непосредственных заявителей. При этом отметим, что построение актуальной правовой базы требует активного взаимодействия представителей различных специальностей [10].

Искусственный интеллект в судебной системе многих современных государств (Франция, Германия, США, Китай и др.) в краткосрочной перспективе рассматривается в роли помощника судьи,

способного осуществлять сопровождение делопроизводства, оцифровку документов любого формата, цифровое протоколирование судебных заседаний и автоматическое распределение дел между судьями исходя из их специализации и предусмотренной нагрузки. Возложение указанного функционала на искусственный интеллект существенно снизит нагрузку на судей и их помощников и освободит время для выполнения более серьезных задач. Передать рассмотрение сложных судебных разбирательств, оценку представленных доказательств, оценку поведения и добросовестности сторон на работа-судью сегодня не представляется возможным. Тогда возникает вопрос о направлениях передачи отдельных полномочий судьи в ближайшей перспективе к искусственному интеллекту [9].

При ответе на этот вопрос следует учитывать, что немалую нагрузку судов составляют дела, рассматриваемые в рамках приказного производства, где оценку представленных документов и вынесение судебных приказов вполне возможно передать искусственному интеллекту. Так как приказное производство предполагает рассмотрение требований о взыскании задолженности по договору, о взыскании обязательных платежей, а требования в таком случае подтверждаются документами, представленными взыскателем, искусственному интеллекту предстоит проверить:

- соответствие формы и содержания заявления о выдаче судебного приказа установленным законом требованиям;
- полноту прилагаемых документов;
- соответствие заявленных требований предусмотренным законом ограничениям по установленным суммам и категориям дел

(беспорность) [3].

Передача указанного функционала искусственному интеллекту уже являлась предметом пилотного проекта в некоторых государствах. Например, в России в процессе проведения указанного эксперимента искусственному интеллекту был передан функционал мировых судей по вынесению судебных приказов о взыскании имущественного, транспортного и земельного налога. Под руководством судьи искусственный интеллект проверял корректность имеющихся реквизитов и подготавливал проект судебного приказа. Таким образом, учитывая механический характер указанных действий, выполнение подобных процессов искусственным интеллектом представляется целесообразным и эффективным [13].

Проанализировав текущее состояние электронного правосудия, следует обозначить основные возможности применения технологий искусственного интеллекта, наиболее актуальные в настоящий момент и разделим их на определенные группы:

1. Информационно-административная поддержка деятельности судов, включая делопроизводство и работу судебных архивов: формирование и ведение судебных дел искусственным интеллектом в цифровом формате, поиск информации по имеющимся базам данных, обработка вынесенных по аналогичной категории споров судебных решений и прогнозирование на их основе проекта судебного акта, а именно превращение искусственного интеллекта в своеобразный аналог информационно-аналитической системы. На сегодняшний день, учитывая основы делопроизводства российских судов,

маловероятной видится возможность полной ликвидации бумажных дел, корреспонденции и иного рода документации. С целью снижения нагрузки работников суда по формированию судебных дел и повесток, копированию материалов, выполнению иной монотонной работы допустимо применение роботов, используемых в промышленном производстве.

2. Обеспечение населению более свободного доступа к правосудию. Указанный сервис позволит гражданам, не имеющим специальных знаний в области юриспруденции, не прибегать к помощи юристов и адвокатов, получая квалифицированную помощь, построенную на основе заданного алгоритма, а также обеспечит доступ к юридически обоснованным документам;

3. Разработка проектов приказов по бесспорным требованиям о взыскании обязательных платежей, так как использование сложных когнитивных функций человеческого мозга для рассмотрения подобного рода споров не требуется.

Таким образом, распространение цифровых технологий требует оформления фактически складывающихся правоотношений в рамках правового поля с целью защиты прав и законных интересов лиц, использующих современные инструменты для осуществления правосудия. Созданию нормативно-правовой базы, регулирующей применение технологий искусственного интеллекта, также способствует необходимость поиска способов оптимизации работы судебной системы в соответствии с имеющейся нагрузкой.

Список литературы:

- [1] *Being human in a technological age: rethinking theological anthropology / Edited by Steven C. van den Heuvel, Institute of Leadership and Social Ethics Research Institute of the Evangelische Theologische Faculteit, Leuven (Belgium). Leuven – Paris – Bristol, 2020.*
- [2] Бажанов С.А. О некоторых вопросах доказательственного процесса в гражданском судопроизводстве // *Право и управление*. 2024. № 2. С. 101.
- [3] Галицкая Н.В. Продовольственная безопасность как особая составляющая национальной безопасности // *Право и государственность*. 2024. № 3 (4). С. 64–69.
- [4] Грудцына Л.Ю. Критерии и границы влияния судебных систем на правовые системы современного мира в эпоху турбулентности. Окончание // *Право и управление*. 2023. № 3. С. 68.
- [5] Дич Р.А. Некоторые проблемы исполнения судебных актов арбитражных судов в России // *Право и управление*. 2023. № 4. С. 97-98.
- [6] Дюфло А. Искусственный интеллект во французском праве // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*. 2021. №1 (77).
- [7] Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях (Принята г. Страсбурге 03.12.2018 - 04.12.2018 на 31-м пленарном заседании Европейской комиссии по эффективности правосудия) // *Прецеденты Европейского Суда по правам человека: Электронное периодическое издание / учредитель ООО «Развитие правовых систем». Специальный выпуск*. 2021. № 10 (56).
- [8] Кирсанова А.Г. Понятие и особенности процессуального статуса обвиняемого в уголовном судопроизводстве // *Право и управление*. 2024. № 3. С. 193.
- [9] Кожевников О.А. Государственно-общественные и общественно-государственные объединения и право на объединение: некоторые размышления // *Право и государственность*. 2024. № 2 (3). С. 20–25.
- [10] Костоева П.М., Тамбиева Х.К.-С. Общие принципы и различия в работе с судебным органами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан // *Право и управление*. 2024. № 1. С. 21-24.
- [11] Кузнецов М.Н., Шайрян Г.П. «Симфония властей» как традиционная ценность отечественной государственности // *Право и управление*. 2024. № 2. С. 28.
- [12] Купчина Е.В. Применение технологии искусственного интеллекта в системе гражданского судопроизводства США // *Правовая парадигма*. 2021. Т. 20. № 4. С. 63-71.
- [13] Лихачев А.С. Изменение конституционной модели местного самоуправления: тридцатилетний опыт // *Право и государственность*. 2024. № 1 (2). С. 39–43.
- [14] Медведева И.Н. К вопросу об особенностях избрания мер пресечения в уголовном судопроизводстве Грузии // *Право и управление*. 2024. № 1. С. 251.
- [15] Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: Научная монография / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». – М.: Буки Веди, 2017. – 257 с.
- [16] Чуча С.Ю. Искусственный интеллект в правосудии: юридико-психологические

аспекты правоприменения // *Правоприменение*. 2023. № 2.

[17] Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 2020.

References:

[1] *Being human in a technological age: rethinking theological anthropology* / Edited by Steven C. van den Heuvel, Institute of Leadership and Social Ethics Research Institute of the Evangelische Theologische Faculteit, Leuven (Belgium). Leuven – Paris – Bristol, 2020.

[2] Bazhanov S.A. On some issues of the evidentiary process in civil proceedings//*Law and management*. 2024. № 2. S. 101.

[3] Galitskaya N.V. Food security as a special component of national security//*Law and statehood*. 2024. № 3 (4). S. 64-69.

[4] Grudtsyna L.Yu. Criteria and boundaries of the influence of judicial systems on the legal systems of the modern world in the era of turbulence. Completion//*Law and management*. 2023. № 3. S. 68.

[5] Dich RA. Some problems of execution of judicial acts of arbitration courts in Russia//*Law and management*. 2023. № 4. S. 97-98.

[6] Duflo A. Artificial Intelligence in French Law//*Bulletin of O. E. Kutafin University*. 2021. №1 (77).

[7] *European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and the Realities Surrounding Them (Adopted by Strasbourg 03.12.2018 - 04.12.2018 at the 31st plenary session of the European Commission on the Effectiveness of Justice)//Precedents of the European Court of Human Rights: Electronic periodical/founder of Legal Systems Development LLC. Special issue*. 2021. № 10 (56).

[8] Kirsanova A.G. The concept and peculiarities of the procedural status of the accused in criminal proceedings//*Law and management*. 2024. № 3. S. 193.

[9] Kozhevnikov O.A. State-public and public-state associations and the right to unite: some reflections//*Law and statehood*. 2024. № 2 (3). S. 20-25.

[10] Kostoeva PM, Tambieva H.K.-S. General principles and differences in work with judicial bodies of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation and the Commissioner for Human Rights in the Republic of Kazakhstan//*Law and Administration*. 2024. № 1. S. 21-24.

[11] Kuznetsov M.N., Shairyan G.P. «Symphony of the authorities» as a traditional value of domestic statehood//*Law and government*. 2024. № 2. S. 28.

[12] Kupchina E.V. Application of artificial intelligence technology in the US civil litigation system//*Legal paradigm*. 2021. T. 20. № 4. S. 63-71.

[13] Likhachev A.S. Change in the constitutional model of local self-government: thirty years of experience//*Law and statehood*. 2024. № 1 (2). S. 39-43.

[14] I.N. Medvedeva. *On the issue of the peculiarities of choosing preventive measures in the criminal proceedings of Georgia*//Law and management. 2024. № 1. S. 251.

[15] Morhat P.M. *Artificial intelligence: legal view: Scientific monograph*/RPO «Institute of State-Confessional Relations and Law.» - M.: Buki Vedi, 2017. - 257 p.

[16] Chucha S.Y. *Artificial Intelligence in Justice: Legal and Psychological Aspects of Law Enforcement*//Law Enforcement. 2023. № 2.

[17] Federal Law of 24.04.2020 No. 123-FZ «On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in the constituent entity of the Russian Federation - the city of federal significance Moscow and amending Articles 6 and 10 of the Federal Law «On Personal Data» //Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>. 2020.

DOI: 10.24412/cl-37382-2025-3-53-57

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.10.2025 г.

КРЮКОВА Алеся Алексеевна,
юрисконсульт Правового департамента Акционерного общества
«Технологии Доверия – Аудит»,
студент магистратуры, Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова»,
e-mail: krukova1109@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ДОГОВОРА ОКАЗАНИЯ КОНСУЛЬТАЦИОННЫХ УСЛУГ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. Данная статья посвящена анализу предмета договора оказания консультационных услуг через призму закона и судебной практики. Автор рассматривает понятие «результата услуг», целесообразность его включения в предмет договора, а также анализирует позиции судов относительно «полезности» результата услуг.

Ключевые слова: договор возмездного оказания услуг, консультационные услуги, результат услуг.

KRIUKOVA Alesia Alekseevna,
Legal counsel at the Legal Department of the Joint-Stock Company
«Technologies of Trust – Audit»,
student of the Higher School of Law of the Plekhanov Russian University of Economics

ON THE SUBJECT-MATTER OF THE CONSULTING SERVICES AGREEMENT: LEGISLATIVE REGULATION AND JUDICIAL PRACTICE

Annotation. This article is devoted to the analysis of the subject of the contract for the provision of consulting services through the prism of law and judicial practice. The author examines the concept of the «deliverables», the advisability of its inclusion in the subject of the contract, and also analyzes the positions of the courts regarding the «usefulness» of the deliverables.

Key words: service agreement, consulting services, deliverables.

В настоящее время предпринимателям и компаниям для эффективного ведения предпринимательской деятельности требуются различные услуги профессиональных консультантов: например, консультационные услуги по сопровождению сделок, услуги по налоговому консультированию для целей правильного ведения бухгалтерской отчетности, юридические услуги для целей защиты интересов в судебных спорах и др. В связи с этим проблема правового

регулирования отношений, возникающих из договоров оказания консультационных услуг, является весьма актуальной, поскольку от эффективности и степени проработанности правового регулирования в данной сфере зависит успешность осуществления бизнес-процессов участниками предпринимательской деятельности. Отношения, возникающие из договора возмездного оказания консультационных услуг, регулируются нормами главы 39 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), а также нормами общих положений о подряде и бытовом подряде в части, не противоречащей нормам главы 39 ГК РФ и существу предмета договора.

Существенными условиями договора оказания консультационных услуг являются предмет договора, а также иные условия, относительно которых по требованию стороны договора необходимо достичь взаимного согласия [1, с. 25].

В предмет договора оказания консультационных услуг входит осуществление исполнителем определенных действий, а именно – предоставление заказчику консультаций по различным вопросам [2, с. 83.] (в сфере налогообложения, аудита, валютного законодательства и т.д.), которые могут предоставляться исполнителем как в устной, так и в письменной форме. Условие о предмете является согласованным, если стороны указали совокупность действий, которые должен выполнить исполнитель, либо обозначили определенную деятельность, которую должен осуществлять исполнитель. В случае, когда договор на консалтинговые услуги содержит лишь общее описание деятельности исполнителя без конкретизации его действий, точный перечень его обязанностей можно установить, исходя из содержания переговоров и переписки

сторон, а также практики, которая сложилась в отношениях между ними [3].

При этом, согласно законодательной норме, в предмет договора оказания услуг не включено достижение или создание конкретного результата услуг. Наличие определенного результата является одним из критериев разграничения договора оказания услуг от договора подряда, для которого достижение и передача заказчику конкретного результата работы имеет существенное значение. Договор подряда направлен, как правило, на создание конкретной вещи или на её изменение, в то время как для договора возмездного оказания услуг ценность имеет сам процесс осуществления деятельности. В подтверждение позиции о том, что предметом услуг является именно деятельность исполнителя (а не её результат), можно привести мнение правоведа Е.Д. Шешенина, который определил следующие признаки услуги: а) это деятельность лица, оказывающего услугу; б) оказание услуги не оставляет вещественного результата; в) полезный эффект услуги потребляется в процессе предоставления услуги [4, с. 177].

На наш взгляд, отсутствие в законодательстве требования достижения конкретного результата оказания услуг связано также и с тем, что для некоторых видов консультационных услуг в принципе затруднительно определить (зафиксировать) точный результат услуг, а в некоторых видах консультационных услуг достижение такого результата может зависеть от множества факторов, находящихся за пределами действий исполнителя.

Например, если речь идет о предоставлении устных консультаций по вопросам толкования законодательства, то подлежит оплате именно сам процесс

консультирования, а результат применения этих консультаций, то есть правильно ли заказчик интерпретировал разъяснения исполнителя и корректно ли применил их на практике – зависит уже от самого заказчика.

Далее, если рассматривать юридические услуги по защите прав заказчика в суде, то для такого вида услуг, на мой взгляд, нецелесообразно предусматривать в качестве результата услуг факт принятия государственным органом решения, положительного для заказчика. Несмотря на все разумные и профессиональные усилия исполнителя, такой результат не всегда достижим, поскольку это зависит не только от качества услуг, но и от усмотрения судьи, от сложившейся судебной практики по тому или иному вопросу. Таким образом, согласно законодательным нормам, достижение определенного результата по окончании оказания услуг не включено в предмет договора оказания услуг и не является существенным условием для данного вида договора [5, с. 50]. Исходя из этого, исполнитель признается оказавшим услуги надлежащим образом при выполнении им указанных в договоре действий или деятельности. Однако, несмотря на вышесказанное, в последние годы в судебной практике сложилась позиция, согласно которой недостижение исполнителем определённого результата услуг может привести к тому, что исполнитель будет признан оказавшим услуги ненадлежащим образом. В частности, Верховный суд РФ, рассматривая спор о некачественном оказании юридических услуг, указал, что в силу принципа свободы договора стороны могут предусмотреть в качестве предмета договора оказания услуг не только выполнение конкретных действий, но также и передачу заказчику результата услуг, обусловленного договором [6].

Под результатом услуг стороны обычно обозначают определенную пользу (цель), которую должен принести заказчику исполнитель по окончании оказания услуг. Если же эта цель, обусловленная договором, не была достигнута, то суд оценивает, приложил ли исполнитель достаточные усилия по выполнению этой цели, а также имелась ли объективная возможность, с учетом конкретных обстоятельств дела, по достижению такой полезной цели. В данном определении суд также указывает, что в силу статей 721 и 783 ГК РФ не только результат работ, но и результат услуг должен иметь характеристики и качество, согласованные сторонами в договоре, а при отсутствии таких условий – он должен отвечать требованиям, которые, как правило, предъявляются к подобного рода услугам или работам.

Данная позиция Верховного суда находит своё отражение в решениях нижестоящих арбитражных судов. В частности, Арбитражный суд округа, разрешая спор о некачественном оказании услуг, отправил его на новое рассмотрение, поскольку нижестоящие суды при вынесении решения не определили, имели ли оказанные услуги потребительскую ценность для заказчика, а также проявил ли исполнитель такую степень заботливости, какую проявил бы разумный исполнитель при аналогичных (схожих) обстоятельствах дела для достижения цели оказания услуг [7]. Таким образом, с учётом положений, рассмотренных в данной статье, предметом договора оказания консалтинговых услуг является выполнение исполнителем определенных действий или деятельности в пользу заказчика. Несмотря на то, что в законодательное определение предмета договора оказания услуг не включено достижение исполнителем

определённого результата в ходе оказания услуг, тем не менее, согласно последней судебной практике, при определении вопроса о том, были ли оказаны консультационные услуги надлежащим образом, суды исходят из того, был ли достигнут исполнителем определённый результат услуг с учётом цели договора, имеет ли результат оказания услуг полезную ценность для заказчика. При недостижении исполнителем такого результата суд оценивает, действовал ли исполнитель с такой степенью заботливости, какую проявил бы разумный исполнитель при схожих обстоятельствах дела для достижения цели оказания услуг.

Список литературы:

- [1] Дорохова Н.А. Договоры об оказании информационных услуг: монография. Москва: Проспект, 2022. 176 с.
- [2] Петров А.И. Договор возмездного оказания консультационных услуг: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. 158 с.
- [3] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.09.1999 N 48 // СПС «КонсультантПлюс»: Судебная практика.
- [4] Шешенин Е.Д. Предмет обязательства по оказанию услуг // Сб. учен. тр. Свердловск, 1964. Вып. 3. С. 151 – 193.
- [5] Гутников О.В. Договор возмездного оказания услуг в современном гражданском праве: теоретическая конструкция и перспективы законодательной регламентации // Журнал российского права. 2024. N 7. С. 44 – 63.
- [6] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.04.2023 N 305-ЭС22-24429 по делу N А40-67639/2021 // СПС «КонсультантПлюс»: Судебная практика.
- [7] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.04.2024 по делу N А46-3127/2023 // СПС «КонсультантПлюс»: Судебная практика.

References:

- [1] Dorokhova N.A. *Agreements for the Provision of Information Services: Monograph*. Moscow: Prospect, 2022. 176 p.
- [2] Petrov A.I. *Agreement for the Provision of Consulting Services for a Fee: Diss. ... Cand. Sci. (Law)*. Ryazan, 2004. 158 p.
- [3] Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated September 29, 1999, No. 48 // SPS «ConsultantPlus»: Judicial Practice.
- [4] Sheshenin E.D. *Subject of the Obligation to Provide Services* // *Collection of Academic Works*. Sverdlovsk, 1964. Issue 3. pp. 151–193.
- [5] Gutnikov O.V. *Contract for the Provision of Services for a Fee in Modern Civil Law: Theoretical Structure and Prospects for Legislative Regulation* // *Journal of Russian Law*. 2024. No. 7. pp. 44–63.
- [6] *Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of*

the Russian Federation dated 04.04.2023 No. 305-ES22-24429 in case No. A40-67639/2021 // SPS ConsultantPlus: Judicial Practice.

[7] Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 02.04.2024 in case No. A46-3127/2023 // SPS ConsultantPlus: Judicial Practice.

ПАРШУКОВА Ирина Вячеславовна,

*обучающаяся по специальность/направление подготовки: 40.04.01, Юриспруденция/
Правовое регулирование экономики, квалификация магистр, Новосибирский государственный
университет экономики и управления,
e-mail: mail@law-books.ru*

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ РИСК В КОНТЕКСТЕ НАЛОГОВЫХ СПОРОВ (ДОЛЖНАЯ ОСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ И ОСТОРОЖНОСТЬ)

Аннотация. В статье рассматривается понятие предпринимательского риска в налоговых правоотношениях, а также его соотношение с обязанностью налогоплательщика проявлять должную осмотрительность и осторожность при выборе контрагентов и заключении сделок. Анализируется судебная практика и подходы налоговых органов к оценке поведения налогоплательщика, в том числе при выявлении необоснованной налоговой выгоды. Особое внимание уделяется критериям, по которым устанавливается добросовестность участника хозяйственной деятельности, проблемам правовой неопределенности к требованиям должной осмотрительности.

Ключевые слова: предпринимательский риск, должная осмотрительность, налоговые споры, налоговая проверка, добросовестность налогоплательщика, необоснованная налоговая выгода, контрагент, налоговая оптимизация, налоговая ответственность, судебная практика, ФНС России, осторожность, экономическая целесообразность сделки.

PARSHUKOVA Irina Vyacheslavovna,

*Master's degree student in the field of study 40.04.01 – Jurisprudence / Legal Regulation of the
Economy, Qualification: Master, Novosibirsk State University of Economics and Management
(NSUEM)*

ENTREPRENEURIAL RISK IN THE CONTEXT OF TAX DISPUTES: DUE DILIGENCE AND CAUTION

Annotation. The article examines the concept of entrepreneurial risk within tax legal relations and its correlation with the taxpayer's obligation to exercise due diligence and caution when selecting counterparties and entering into transactions. It analyzes court practice and the approaches of the tax authorities in evaluating the conduct of taxpayers, particularly in cases involving unjustified tax benefits. Special attention is paid to the criteria for establishing the good faith of business participants, as well as to the legal uncertainty associated with the application of due diligence requirements.

Key words: *entrepreneurial risk, due diligence, tax disputes, tax audit, taxpayer good faith, unjustified tax benefit, counterparty, tax optimization, tax liability, judicial practice, Federal Tax Service of Russia, caution, economic feasibility of a transaction.*

Одним из общепризнанных и основополагающих принципов гражданского права является принцип свободы договора. Д.П. Стригунова выделяет такие элементы свободы договора, как свобода заключения договора и выбора контрагента, свобода выбора вида договора, свобода определения условий договора, свобода выбора времени и места заключения договора, свобода формы договора, свобода изменения и расторжения договора и т.п [1].

При оценке налоговых последствий совершённых сделок гражданско- правовой принцип свободы договора фактически ограничивается фискальным принципом приоритета экономической сущности над юридической формой соответствующих договоров (сделок) и опосредованных ими финансово - хозяйственных операций.

Положения подп. 2 п. 2 ст. 54.1 НК РФ предусматривают требование об исполнении обязательства перед налогоплательщиком лицом, являющимся стороной договора, заключенного с налогоплательщиком, и (или) лицом, которому обязательство по исполнению сделки (операции) передано по договору или закону.

На практике если налоговый орган установит, что поставщик (исполнитель) по договору в период взаимодействия с налогоплательщиком не имел материальных, финансовых и трудовых ресурсов, необходимых для исполнения договора, в связи с чем сделка в действительности была исполнена иными лицами, которым обязательство по ее исполнению легально

не передавались в силу номинальности поставщика (исполнителя), данные обстоятельства могут указывать на то, что налогоплательщик не проявил должной осмотрительности при выборе контрагента.

Проявление осмотрительности может иметь практическое значение, когда налогоплательщику необходимо воспользоваться своими правами, реализующимися посредством активного использования. Например, посредством включения сумм налога на добавленную стоимость, уплаченного в составе цены контрагенту, и указанного в полученных от контрагента счетах-фактурах, в состав налоговых вычетов по налогу на добавленную стоимость при расчете суммы налога и составления налоговой декларации.

Впервые правовая доктрина должной осмотрительности была введена в обиход при разрешении налоговых споров с принятием Постановления Пленума Высшего Арбитражного суда РФ № 53 от 12.10.2006 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды».

Подход сформулирован в пункте 10:

«Факт нарушения контрагентом налогоплательщика своих налоговых обязанностей сам по себе не является доказательством получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды. Налоговая выгода может быть признана необоснованной, если налоговым органом будет доказано, что налогоплательщик действовал без должной

осмотрительности и осторожности и ему должно было быть известно о нарушениях, допущенных контрагентом, в частности, в силу отношений взаимозависимости или аффилированности налогоплательщика с контрагентом.

Налоговая выгода может быть также признана необоснованной, если налоговым органом будет доказано, что деятельность налогоплательщика, его взаимозависимых или аффилированных лиц направлена на совершение операций, связанных с налоговой выгодой, преимущественно с контрагентами, не исполняющими своих налоговых обязанностей» [2].

С того момента подходы судов к определению понятия должной осмотрительности значительно изменились и не в лучшую для предпринимателей сторону.

Так если в десять лет назад хозяйствующему субъекту было достаточно убедиться в правоспособности своего контрагента и наличия у подписывающего первичные учетные документы лица соответствующих полномочий (обычно такая задача решалась получением копий учредительных документов и решения о назначении единоличного исполнительного органа), то в настоящее время подход становится все более неформальным, и для проявления должной осмотрительности и осторожности может потребоваться убедиться в наличии у поставщика реальной возможности исполнить обязательства.

Складывающаяся судебная практика по налоговым спорам обязывает организации и индивидуальных предпринимателей при заключении сделок удостовериться в наличии у контрагента квалифицированного персонала, необходимого оборудования, финансовых ресурсов, а также факта исполнения таким контрагентом со своей стороны своих налоговых обязанностей. Например, осмотрительность может быть проявлена путем истребования штатного расписания, сведений об основных средствах, финансовой и налоговой отчетности.

Представляется, что в данном контексте, проявление должной осмотрительности не должно ограничиваться установлением лишь фактов правосубъектности контрагента и выявление наличия юридических полномочий на подписание правоустанавливающих документов и счетов-фактур.

При этом, является очевидным, что санкции за не проявление должной осмотрительности достаточно высоки: косвенный налог на добавленную стоимость становится прямым налогом с оборота (в данный момент это 20%), такого уровня маржинальности сделок нужно еще добиться.

Важным обстоятельством данной проблемы является то, чем конкретно должен руководствоваться налогоплательщик. По заложенной в систематику налогового законодательства идее, государство стремится кодифицировать налоговое законодательство, и все правила уплаты налогов должны быть размещены в соответствующих разделах Налогового Кодекса РФ.

Однако, на практике налогоплательщик, сталкивается тем, что в налоговом законодательстве нет четких

правил и инструкций, которых он мог бы придерживаться и при соблюдении которых он мог бы считаться добросовестным субъектом налоговых отношений.

Попытка кодификации правил о должной осмотрительности и осторожности была осуществлена путем введения специальной статьи 54.1 Налогового кодекса (НК) РФ [3], после накопления более чем 10-летней практики (часто противоречивой), следовавшей правовому подходу Постановления N 53. Однако законодатель пошел здесь не путем прямого указания правил выбора контрагента, а наоборот, обратился к результату проведенных налогоплательщиком хозяйственных операций. Были установлены четкие рамки для случаев исчисления и уменьшения налоговой базы и налога на основе достоверности сведений о фактах хозяйственной жизни налогоплательщика и его взаимодействия с контрагентом.

Так, в пояснительной записке при внесении законопроекта на голосование в Государственную Думу, в части, относящейся к статье 54.1 НК РФ, было указано, что предлагаемое регулирование имеет цель изменить главенствующий подход налоговых органов, заключающийся в том, что налогоплательщик должен перестать заботиться только о формальном соблюдении требований Налогового Кодекса. Данный подход был направлен на «борьбу с агрессивными механизмами налоговой оптимизации, и является инструментом в борьбе с размыванием налоговой базы путем использования фирм-однодневок и офшорных компаний» [4].

Статья 54.1 НК РФ стала содержать следующие правила:

1) налоговая база не подлежит уменьшению, если основания для такого уменьшения возникли в результате «искажения сведений о фактах хозяйственной жизни и об объектах налогообложения» (например, если счета-фактуры получены от недобросовестного поставщика, указавшего в них вычеты по НДС при неисполненных налоговых обязанностях);

2) уменьшение налоговой базы разрешается, если имеют место следующие обстоятельства:

- такое уменьшение не является главной целью хозяйственной операции, присутствует деловая цель;
- обязательство реально исполнено (либо не имеется разумных сомнений о его будущем исполнении).

Кроме того, перечислены обстоятельства, которые сами по себе не могут быть основанием для отказа в уменьшении налоговой базы (налога), но как показывает практика, могут быть в совокупности с другими обстоятельствами усиливать принятие решения об отказе в таком уменьшении.

В своем письме от 31.10.2017 N ЕД-4-9/22123@ «О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» ФНС России, в частности разъяснила, что ст. 54.1 НК РФ не просто продолжает принципы, заложенные в Постановление N 53, но фактически формирует подход, очерчивающий более четкую границу того момента, с которого начинается злоупотребление налогоплательщиком своими правами [5].

Здесь на помощь налогоплательщику должна бы прийти судебная практика,

но она бывает разнородна и изменчива с течением времени, а ситуацию осложняет то обстоятельство, что участники налоговых отношений «живут в прошлом», поскольку глубина налоговых проверок составляет 3 года, учитывая достаточно длительный срок налоговой проверки и обжалования ее результатов. Таким образом, в текущий момент времени участники налоговых отношений могут располагать судебной практикой, которая давала правовую оценку операциям, имевшим место зачастую более 5 лет назад.

Выработка универсального и стабильного подхода является проблемой.

За последние 20 лет, правоприменительная практика несколько раз подходила вплотную к вопросу взаимосвязи права на налоговую выгоду и исполнение контрагентом своих налоговых обязательств. Однако возникает объективная невозможность введения такого правила в налоговое законодательство, поскольку:

- во первых, у контрагента существует множество способов исполнения налоговых обязательств без прямой денежной уплаты суммы налога (например, путем подачи налоговой декларации и демонстрации оплаты сумм налога в минимальных значениях), поэтому установление факта исполнения налоговых обязательств таким контрагентом без проведения полноценной налоговой проверки не представляется возможным;

- во вторых, Конституционным судом РФ правовая доктрина в данном вопросе уже давно сформирована, и заключается в том, что налогоплательщик не должен нести прямую ответственность за исполнение контрагентами своих налоговых обязанностей

«Истолкование статьи 57 Конституции Российской Федерации в системной связи с другими положениями Конституции Российской Федерации не позволяет сделать вывод, что налогоплательщик несет ответственность за действия всех организаций, участвующих в многостадийном процессе уплаты и перечисления налогов в бюджет. По смыслу положения, содержащегося в пункте 7 статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации, в сфере налоговых отношений действует презумпция добросовестности. Правоприменительные органы не могут истолковывать понятие «добросовестные налогоплательщики» как возлагающее на налогоплательщиков дополнительные обязанности, не предусмотренные законодательством [6].

Тем не менее, применительно к такому виду налога как НДС, систематизированная практика Верховного Суда РФ последних лет исходит из того, что если источник возмещения налога в бюджете не сформирован, то бремя доказывания обстоятельств добросовестности возлагается на самого налогоплательщика с минимальными шансами на успех.

Так, в пункте 35 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2020), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2020). Верховный Суд сформулировал действующие по настоящее время несколько важных подходов к вопросу о должной осмотрительности:

«При оспаривании правомерности применения налоговых вычетов по основаниям, связанным с отсутствием экономического источника для вычета (возмещения) НДС налогоплательщиком-покупателем, значение имеет реальность приобретения им товаров (работ, услуг) для

осуществления своей облагаемой налогом деятельности, а также то, преследовал ли налогоплательщик-покупатель цель - уклонение от налогообложения в результате согласованных с иными лицами действий, либо в отсутствие такой цели - знал или должен был знать о допущенных этими лицами нарушениях.

При оценке проявления налогоплательщиком должной осмотрительности необходимо исходить из поведения в гражданском (хозяйственном) обороте, ожидаемого от его разумного участника в сравнимых обстоятельствах.

...отказ в праве на вычет «входящего» налога обуславливается фактом неисполнения обязанности по уплате НДС контрагентом налогоплательщика или (и) поставщиками предыдущих звеньев в той мере, в какой это указывает на отсутствие экономического источника вычета (возмещения) налога, но один лишь этот факт не может быть достаточным, чтобы считать применение налоговых вычетов покупателем неправомерным. Лишение права на вычет НДС налогоплательщика-покупателя, который не преследовал цель уклонения от налогообложения в результате согласованных с иными лицами действий, а при отсутствии такой цели - не знал и не должен был знать о допущенных этими лицами нарушениях, действуя в рамках поведения, ожидаемого от разумного участника хозяйственного оборота, по существу, означало бы применение меры имущественной ответственности за неуплату налогов, допущенную иными лицами, в том числе и при искажении ими фактов своей хозяйственной деятельности, к налогоплательщику-покупателю, не имевшему возможности предотвратить эти

нарушения и (или) избежать наступления их последствий.

Следовательно, к обстоятельствам, подлежащим установлению при оспаривании правомерности применения налоговых вычетов по основаниям, связанным с отсутствием экономического источника для вычета (возмещения) НДС налогоплательщиком-покупателем, помимо данного факта также относится реальность приобретения товаров (работ, услуг) налогоплательщиком для осуществления своей облагаемой налогом деятельности, и то, преследовал ли налогоплательщик-покупатель цель уклонения от налогообложения в результате согласованных с иными лицами действий, либо в отсутствие такой цели - знал или должен был знать о допущенных этими лицами нарушениях.

В тех случаях, когда налоговым органом не ставится вопрос об участии налогоплательщика в уклонении от уплаты НДС в результате согласованных действий с поставщиками (п. 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 г. N 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды», далее - постановление Пленума N 53), но приводятся доводы о том, что налогоплательщик знал или должен был знать об уклонении его поставщика, поставщиков предыдущих звеньев от уплаты НДС (п. 10 постановления Пленума N 53), при оценке данных доводов судебная практика исходит из стандарта осмотрительного поведения в гражданском (хозяйственном) обороте, ожидаемого от его разумного участника в сравнимых обстоятельствах».

Также приведенный Обзор практики №3

за 2020 год является ценным, поскольку в нем относительно четко сформулирован подход к проявлению должной осмотрительности, в соответствии с которым проверке подлежит:

- деловая репутацию;
- платежеспособность контрагента;
- риск неисполнения обязательств и предоставление обеспечения их исполнения;
- наличие у контрагента необходимых ресурсов (производственных мощностей, технологического оборудования, квалифицированного персонала) и соответствующего опыта;
- при совершении значимых сделок, например, по поводу дорогостоящих объектов недвижимости - история взаимоотношений предшествующих собственников.

Непроявление должной осмотрительности может повлечь для налогоплательщика:

1) Отказ в применении налоговых вычетов по НДС (поскольку налог контрагентом скорее всего не уплачен, и таким образом, источник возмещения налога из бюджета не сформирован);

2) Применение расчетного метода, когда фактически имело место встречное предоставление в адрес налогоплательщика (сделка реально исполнена), но налогоплательщик не проявил должной осмотрительности и не убедился кто конкретно ему осуществляет это встречное предоставление.

В этой части правовая позиция Верховного Суда достаточно понятна и последовательна:

«...расчетный способ определения налоговой обязанности на основании

имеющейся у налогового органа информации о налогоплательщике, а также данных об иных аналогичных налогоплательщиках (подпункт 7 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса) подлежит применению, если допущенное налогоплательщиком нарушение сводится к документальной неподтвержденности совершенной им операции, нарушению правил учета, что, как правило, имеет место, если налогоплательщик не участвовал в уклонении от налогообложения, организованном иными лицами, но не проявил должную осмотрительность при выборе контрагента и взаимодействии с ним (пункт 10 постановления Пленума № 53)» [7].

Такая правовая позиция широко применяется и арбитражными судами кассационной инстанции.

Например, Арбитражный суд Западно-Сибирского округа по делу А45-25913/2023 в Постановлении от 10.12.2024 применил данный подход и указал: «в силу положений пункта 7 постановления № 53, пункта 77 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» в тех случаях, когда для целей налогообложения учтены операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом или учтены операции, не обусловленные разумными экономическими или иными причинами (целями делового характера), полученная в связи с этим налоговая выгода может быть признана необоснованной, а объем прав и обязанностей налогоплательщика - определяется исходя из подлинного экономического содержания соответствующей операции или совокупности операций в их

взаимосвязи. Применение расчетного метода производится в соответствии с подпунктом 7 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса, согласно которому налоговый орган вправе определять суммы налогов расчетным путем на основании имеющейся у них информации о налогоплательщике, а также данных об иных аналогичных налогоплательщиках» [8].

Таким образом, применительно ко второй ситуации, когда решается вопрос о предоставлении налоговой выгоды в форме принятия расходов по спорным хозяйственным операциям, при установлении реальности хозяйственной операции, налоговый орган проводит налоговую реконструкцию.

Несмотря на то, что прямой обязанности проводить налоговую реконструкцию со стороны налогового органа законодательством не определено, тем не менее, согласно сформировавшимся подходам судебной практики на уровне высших судов, налоговый орган обязан принять к сведению имеющиеся документы и данные о реальных расходах налогоплательщика в связи с произведенными хозяйственными операциями (в том числе полученные не только от налогоплательщика, но и от иных источников).

Нежелание налоговых органов на местах принимать такие документы и сведения в работу при проведении проверок было настолько велико, что Федеральная налоговая служба РФ даже включила специальный пункт 7 в письмо от 02.03.2022 N БВ-4-7/2500@ [9], где указала на то, что «налоговые органы не освобождаются от обязанности в рамках контрольных процедур принимать исчерпывающие меры, направленные на установление действительного размера налогового обязательства налогоплательщика, что исключало бы возможность вменения

ему налога в размере большем, чем это установлено законом».

Данный подход является по своему демократичным, поскольку в более ранние налоговые периоды существовала практика применения налоговых ставок НДС и налога на прибыль на весь оборот налогоплательщика, совершенный с так называемыми «техническими компаниями» или «фирмами-однодневками».

«Применительно к операциям налогоплательщика, совершенным с использованием «технических» компаний это означает, что возможность применения «налоговой реконструкции», в том числе в условиях действия статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации, определяется не формальными, а материальными условиями - установлением по результатам налоговой проверки, в том числе при содействии самого налогоплательщика, лица, которое фактически производило исполнение по сделке, таким образом, чтобы вывести реально совершенные хозяйственные операции из «теневого» (не облагаемого налогами) оборота и осуществить их полное налогообложение» (был принят к сведению подход, изложенный в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.05.2021 N 309-ЭС20-23981).

«Противодействие злоупотреблениям в сфере налогообложения не должно приводить к определению налоговой обязанности в относительно более высоком размере - превышающем потери казны от неуплаты налогов, возникшие на той или иной стадии обращения товаров (работ, услуг), приобретенных налогоплательщиком. Иное означало бы применение санкции, что выходит за пределы мер, необходимых

для обеспечения всеобщности и равенства налогообложения.

Если в цепочку поставки товаров включены «технические» компании, и в распоряжении налогового органа имеются сведения и доказательства, в том числе раскрытые налогоплательщиком - покупателем, позволяющие установить лицо, которое действовало в рамках легального хозяйственного оборота (осуществило фактическое исполнение по сделке с товаром и уплатило причитающиеся при ее исполнении суммы налогов), то необоснованной налоговой выгодой покупателя может быть признана та часть расходов, учтенных при исчислении налога на прибыль организаций, и примененных им налоговых вычетов по налогу на добавленную стоимость, которая приходится на наценку, добавленную «техническими» компаниями» [10].

Одной из существующих проблем, связанных с дополнительными рисками бизнеса, является правовая неопределенность критериев добросовестности налогоплательщиков и его контрагентов.

По прошествии времени, кажущийся на дату совершения хозяйственной операции добросовестный контрагент, может в силу различных обстоятельств «превратиться» в недобросовестного, что может повлечь для налогоплательщика негативные последствия в виде отказа в применении налоговых вычетов по НДС и обложения данным налогом всех оборотов, имевшего место с данным поставщиком.

В этой связи остро встает вопрос о проявлении должной осмотрительности и ее границах, которые также могут меняться с течением времени в пределах срока

проведения налоговой проверки.

Более того, могут иметь место ситуации, когда контрагент налогоплательщика сознательно вводил его в заблуждение, изображая благонадежного партнера (это может быть характерно при поиске поставщика посредством торгов).

Так, по делу А33-3832/2019 судья Верховного суда Российской Федерации передал кассационную жалобу для рассмотрения в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ, приняв следующие доводы налогоплательщика как заслуживающие внимания:

«Компания в поданной кассационной жалобе оспаривает законность и обоснованность оспариваемых судебных актов, несоответствие выводов судов нормам материального права, сделанных без учета того, что такой подход судов поощряет недобросовестных контрагентов, возлагая все возможные риски и негативные последствия на добросовестных налогоплательщиков, вступивших в отношения с кондуитивными контрагентами, дезавуируя цель применения доктрины налоговой выгоды.

Истец считает, что ответчик как на этапе конкурсного отбора, так и при исполнении договора создавал видимость благонадежности, недостоверность представленной информации не могла быть обнаружена истцом, а деятельность по управлению своим имуществом и обеспечению текущих производственных операций (приобретение материалов, оборудование, техники, привлечение рабочей силы) относится к оперативно-хозяйственной деятельности и не подлежит проверке со стороны заказчика.

Не исполняя требования договора о выполнении его условий лично, привлекая других исполнителей в отсутствие своего управленческого и технического персонала, других работников, что было установлено по делу N А33-12005/2017, ответчик не только тем самым допустил нарушения условий гражданско-правовой сделки, но и повлиял негативно на утрату истцом права на возмещение НДС, в связи с чем спорная сумма является для него убытками» [11].

Итоговая позиция Верховного Суда РФ по вопросу взаимосвязи неосмотрительности и возможности применения вычетов по НДС недобросовестным контрагентом была сформулирована в Определении Верховного Суда РФ от 25.01.2021 N 309-ЭС20-17277:

«Принимая во внимание изложенное, к обстоятельствам, подлежащим установлению при оспаривании правомерности применения налоговых вычетов по основаниям, связанным с отсутствием экономического источника для вычета (возмещения) НДС налогоплательщиком-покупателем, помимо данного факта, также относится реальность приобретения товаров (работ, услуг) налогоплательщиком для осуществления своей облагаемой налогом деятельности и то, преследовал ли налогоплательщик-покупатель цель уклонения от налогообложения в результате согласованных с иными лицами действий, знал или должен был знать о допущенных этими лицами нарушениях (Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14.05.2020 N 307-ЭС19-27597, от 28.05.2020 N 305-ЭС19-16064)» [23].

По мнению В. Саськова, «...теперь налоговики в случае установления факта

неуплаты НДС звеньями контрагента-налогоплательщика без труда докажут и факт неосмотрительности со стороны самого налогоплательщика и налогоплательщик сможет претендовать на возмещение НДС только в части НДС, уплаченного его контрагентами» [13].

Таким образом, в настоящее время правоприменительная практика позволяет признать налогоплательщика добросовестным, действующим в пределах своих прав, предоставленных законодательством, независимо от факта исполнения налоговых обязательств контрагентом только в том случае, если налогоплательщиком была проявлена должная осмотрительность.

Насамом деле очень трудно представить ситуацию, в которой налогоплательщик, по мнению налоговых органов, проявил достаточную осмотрительность при выборе контрагента, но его контрагент не исполнил налоговые обязательства, о чем налогоплательщик не знал и не мог знать.

Очевидно, что такая конструкция в реальной жизни скорее всего невозможна, и у налоговых органов очевидно будут иметься претензии к проявлению налогоплательщиком должной осмотрительности, если будет установлено, что его контрагент не исполняет свои налоговые обязанности.

Верховный Суд РФ включил в Обзор судебной практики № 2 за 2021 год разбор конкретного дела, в котором указал следующее:

«По своей экономико-правовой природе НДС является косвенным налогом на потребление товаров (работ, услуг), взимаемым на каждой стадии их производства

и реализации субъектами хозяйственного оборота до передачи потребителю, исходя из стоимости (цены), добавленной на каждой из указанных стадий, и перелагаемым на потребителей в цене реализуемых им товаров, работ и услуг.

Обусловленная природой НДС стадийность взимания данного налога в процессе производства и коммерческой реализации товаров (работ, услуг) предполагает, что использование права на вычет налога покупателем предопределяется непрерывным предъявлением налога по мере движения товаров (работ, услуг) от одного хозяйствующего субъекта к другому (п. 1 ст. 168 НК РФ) и принятием в связи с этим каждым из участников оборота обязанности по уплате в бюджет предъявляемых сумм налога (п. 1 ст. 173 НК РФ). Соответственно, отказ в праве на налоговый вычет может иметь место, если процесс реализации товаров (работ, услуг) не сопровождается соблюдением корреспондирующей этому праву обязанности по уплате НДС в бюджет в денежной форме, на что обращено внимание в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 4 ноября 2004 г. N 324-О.

Таким образом, поскольку применение налогоплательщиками - покупателями вычетов НДС влечет уменьшение размера их налоговой обязанности и является формой налоговой выгоды, обоснованность получения этой выгоды может являться предметом оспаривания по основаниям, связанным со злоупотреблением правом, допущенным лицами, участвующими в обращении товаров (работ, услуг), и подлежит оценке судом с учетом необходимости реализации в правоприменительной практике

таких публичнозначимых целей, вытекающих из положений пп. 1 и 3 ст. 3 НК РФ, как поддержание стабильности налоговой системы, стимулирование участников оборота к вступлению в договорные отношения преимущественно с контрагентами, ведущими реальную хозяйственную деятельность и уплачивающими налоги, обеспечение нейтральности налогообложения по отношению ко всем плательщикам НДС, которые действовали осмотрительно в хозяйственном обороте и не участвовали в уклонении от налогообложения...

В сложившейся ситуации при рассмотрении вопроса о том, могут ли негативные последствия неуплаты НДС «техническими» компаниями быть возложены на налогоплательщика-покупателя в соответствии с пп. 4 и 9 постановления Пленума N 53, в частности, имеет значение установление факта причастности налогоплательщика к нарушениям, допущенным в процессе обращения товаров (работ, услуг), то есть направленность действий налогоплательщика на получение экономического эффекта за счет непосредственного участия в уклонении от уплаты НДС совместно с лицами, не осуществлявшими реальной экономической деятельности, а равно информированность налогоплательщика о допущенных этими лицами нарушениях. При установлении названных обстоятельств само по себе реальное исполнение операций по реализации товаров (работ, услуг) непосредственным контрагентом налогоплательщика («контрагентом первого звена») не позволяет налогоплательщику-покупателю претендовать на получение налоговой выгоды в отсутствие экономического источника вычета (возмещения) налога [14].

Вышеназванный подход, выработанный в судебной практике, по существу, не был изменен федеральным законодателем, определившим пределы осуществления прав налогоплательщиками в ст. 54.1 НК РФ, по смыслу п. 1 которой налогоплательщик отвечает за искажения сведений о фактах хозяйственной деятельности (совокупности таких фактов), в которых он участвовал.

Следует отметить, что в настоящее время, имея относительно стабильный подход к оценке права налогоплательщика на получения «налоговой выгоды», законодатель пытается «автоматизировать» взаимосвязь этого права с проявлением должной осмотрительности при выборе контрагента, хотя теоретически налогоплательщик не теряет полностью шансов на получение налоговой выгоды при работе и с недобросовестным контрагентом.

Так, ФНС России еще в 2018 году издала специальный Приказ №ММВ-7-15/561 от 28.09.2018, в котором заложила основы управления рисками, где подчеркивается необходимость создания условий профилактики не проявления должной осмотрительности налогоплательщиками:

«Отраслевые проекты реализуются ФНС России в рамках разработанной концепции Системы управления поведением налогоплательщиков (сокращенно - СУП), целью которой является плавный переход от проверки отдельного налогоплательщика к созданию прозрачной контрольной среды в отраслях и рынках, не допуская при этом получения конкурентного преимущества за счет уклонения от уплаты налогов.

На сегодняшний день наиболее эффективные подходы к государственному управлению предполагают наличие

такого контроля со стороны государства, который при развитии инструментов аналитики позволяет формировать системы общественного самоконтроля таким образом, что государственный контроль становится создателем и наблюдателем за системой самоконтроля каждого субъекта, существующего в границах государственного образования, и вмешивается в этот самоконтроль только в самом крайнем случае, когда существует риск нарушения общественного баланса, когда интересы определенной группы лиц идут по пути нарастающего ущемления интересов других групп и общества в целом.

Так, ФНС России, развивая автоматизированные инструменты контроля, переходит к наблюдению за поведением налогоплательщиков путем создания систем самоконтроля в отраслях и рынках экономики.

Необходимость постоянного вмешательства государства при функционировании такой системы самоконтроля отпадает, нарушителей становится все меньше, и даже при их появлении, сначала, такие нарушители проходят через общественный самоконтроль, и только в самом крайнем случае требуется применение механизма государственного воздействия» [15].

Очевидно, что за данными формулировками «ретушируется» главная проблема, возникающая у предпринимателей, применительно к проявлению «должной осмотрительности», заключающаяся в фактическом перекалывании на них ответственности за уплату налога контрагентом. Особенно это характерно при исчислении НДС, который, являясь косвенным налогом, должен применяться только к

сумме добавленной стоимости товара. Но в силу изначально заложенного механизма его применения, подразумевающего базового исчисления налога со всей суммы хозяйственной операции, при отсутствии (либо отказе налоговым органом в принятии) счетов-фактур от поставщика, фактически становящимся налогом со всей выручки. Очевидно, что не является справедливым отказ в применении налоговых вычетов по НДС на основе «отсутствия сформированного в бюджете источника возмещения».

Однако, эта проблема скорее всего не найдет своего решения до тех пор, пока не будет изменен кардинально правовой механизм взимания НДС, и не будет исключена зависимость от счетов-фактур, предоставляемых контрагентом (например, если налогоплательщик будет сам рассчитывать и декларировать свою добавленную стоимость). Но в этом случае, будут ущемлены интересы экспортеров. Таким образом проблема носит характер «замкнутого круга», и очевидно, не будет решена в ближайшей перспективе.

В такой ситуации очевидно, что максимальное проявление осмотрительности при выборе контрагента остаётся единственным способом для налогоплательщика остаться «крайним» в случае наличия недоимки в цепочке непрерывного предъявления налога по мере движения товаров (работ, услуг) от одного хозяйствующего субъекта к другому.

Вопрос очевидно является очень многогранным, и окончательное понимание этой проблематики не достигнуто даже на уровне правовой доктрины.

На этом фоне требовать от

налогоплательщика уметь проявлять должную осмотрительность сверх того, что ему доступно из открытых и официальных источников, представляется достаточно спорным.

Более того, налоговые органы совершенно не волнует, что излишнее проявление осмотрительности (например, следование распространенному «совету» от налоговых органов – ставить последнюю часть оплаты поставщикам в зависимость от результата проверок налоговых деклараций по НДС) может существенно сузить круг потенциальных контрагентов, предлагающих выгодные с коммерческой точки зрения, условия сделок.

Приказом от 24.03.2023 № ЕД-7-31/181@ [16] ФНС России утвердила новые инструменты для оценки благонадежности налогоплательщика и реализации должной осмотрительности. Однако изложенная в приказе методика является инструментом для оценки должной осмотрительности налогоплательщиков самими налоговыми органами и в настоящее время не может использоваться бизнесом в виду ограничений в предоставлении коммерческой и налоговой тайны.

Минфин России разработал поправки в законодательство, согласно которым Федеральная налоговая служба получит полномочия по проведению анализа деятельности юридических лиц и предоставления результатов такой работы в виде выписок самому проверяемому лицу или другим организациям, в частности, при осуществлении государственных закупок. Предполагается, что налоговые органы будут проверять показатели отчетности и иных сведений о компании. В пояснительной

записке авторы законопроекта отмечают, что результаты оценки могут использоваться в целях безопасного расходования бюджетных средств, выделяемых для обеспечения обороноспособности и исполнения гособоронзаказа, а также в рамках предоставления региональных налоговых льгот бизнесу.

Предоставится ли возможность использовать информацию от налоговых органах о любом субъекте хозяйственной деятельности неограниченному кругу лиц, и

будет ли это являться гарантией проявления должной осмотрительности и осторожности предпринимателя при осуществлении пределов прав по исчислению налоговой базы, пока остается неопределенным.

Представляется, что в текущих условиях сочетания действующего законодательства и правоприменительной практики вопрос проявления должной осмотрительности при выборе контрагента стоит достаточно остро, а действующее правовое регулирование требует совершенствования.

Список литературы:

[1] Стригунова Д.П. Принцип свободы договора: российский и зарубежный опыт // *Гражданское право*. – 2018. – № 3. – С. 10–11

[2] Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 N 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // СПС «Консультант Плюс»

[3] Налоговый кодекс Российской Федерации: Часть первая (Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ; ред. от 19.11.2024 с изм. от 21.01.2025) // СПС «Консультант Плюс»

[4] Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменения в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» // URL: <http://asozd.duma.gov.ru>

[5] Письмо ФНС России от 31.10.2017 № ЕД-4-9/22123@ «О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»

[6] Определение Конституционного Суда РФ от 16.10.2003 N 329-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Экспорт-Сервис» на нарушение конституционных прав и свобод положениями абзаца первого пункта 4 статьи 176 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»

[7] «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2020)», (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2020) // Официальный сайт Верховного суда РФ <http://vsrf.ru>

[8] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.12.2024 по делу А45-25913/2023 Арбитражного суда Новосибирской области (ООО «Мир фруктов» против Межрайонной ИФНС России № 20 по Новосибирской области) // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1dd6ca08-9da1-445f-95fa-de4025158559/15b5d357-4c4e-4ff8-aa79-31e07db1d692/A45-259132023_20241210_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True

[9] Письмо ФНС России от 02.03.2022 N БВ-4-7/2500@ «О направлении Обзора

правовых позиций, отраженных в судебных актах Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, принятых в четвертом квартале 2021 года по вопросам налогообложения»// Официальный сайт <http://nalog.ru>

[10] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.05.2021 N 309-ЭС20-23981 по делу N A40-131167/2020 (ООО «Снецхимпром» против ИФНС России № 27 по г. Москве)// URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/5be24fa3-1181-49f3-bd78-6ed058644931>

[11] Определение Верховного Суда РФ от 21.07.2021 N 302-ЭС21-5294 по делу N A33-3832/2019 (АО «Таймырская топливная компания» против ООО «Таймырстрой»)// URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/39683faa-0cba-4d6e-b48f-8cda2e4cd3a9/47278dd2-d797-42d0-801b-8867b935b0b6/A33-3832-2019_20210909_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True

[12] Определение Верховного Суда РФ от 25.01.2021 N 309-ЭС20-17277 по делу № А76-2493/2017 (АО «Уралбройлер» против Межрайонной ИФНС России №м24 по Челябинской области)// СПС «Консультант плюс»;

[13] Саськов В. Верховный Суд поправил ФНС. Где можно применять расчетный метод по НДС - Финансовая газета – 2021 - N 6. - с. 10.4

[14] «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2021)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021)// Официальный сайт Верховного суда РФ <http://vsrf.ru>

[15] Приказ ФНС России от 28.09.2018 N ММВ-7-15/561@ «Об утверждении Ведомственной программы профилактики рисков причинения вреда охраняемым законом ценностям Федеральной налоговой службы на период 2018 - 2020 годы»// СПС «Консультант-Плюс»

[16] Приказ ФНС России от 24.03.2023 N ЕД-7-31/181@ (ред. от 27.01.2025) «Об утверждении Методики проведения оценки юридического лица на базе интерактивного сервиса «Личный кабинет налогоплательщика юридического лица» АИС «Налог-3» и Методики проведения оценки индивидуального предпринимателя на базе интерактивного сервиса «Личный кабинет налогоплательщика «Индивидуального предпринимателя» АИС «Налог-3»//СПС «Консультант плюс».

References:

[1] Strigunova D.P. The principle of freedom of contract: Russian and foreign experience// Civil law. – 2018. – № 3. - S. 10-11

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 12.10.2006 No. 53 «On the Assessment by Arbitration Courts of the Reasonableness of the Taxpayer Receiving Tax Benefits «//SPS» Consultant Plus «

[3] Tax Code of the Russian Federation: Part One (Federal Law No. 146-FZ dated July 31, 1998; as amended on November 19, 2024, as amended on January 21, 2025)//SPS Consultant Plus

[4] Explanatory note «To the draft Federal Law «On Amending Part One of the Tax Code of the Russian Federation «//URL: <http://asozd.duma.gov.ru>

[5] Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 31.10.2017 No. ED-4-9/22123 @ «On Recommendations for the Application of the Provisions of Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation «//SPS» Consultant Plus

[6] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.10.2003 N 329-O «On Refusal to Accept the Complaint of Export-Service Limited Liability Company on Violation of Constitutional Rights and Freedoms by the Provisions of the First Paragraph 4 of Article 176 of the Tax Code of the Russian Federation «//SPS» Consultant Plus «

[7] «Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2020),» (approved by. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 25.11.2020) // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation <http://vsrf.ru>

[8] Decision of the Arbitration Court of the West Siberian District of 10.12.2024 in the case of the A45-25913/2023 Arbitration Court of the Novosibirsk Region (Mir Frukt LLC v. Interdistrict Inspectorate of the Federal Tax Service of Russia No. 20 for the Novosibirsk Region)//URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1dd6ca08-9da1-445f-95fa-de4025158559/15b5d357-4c4e-4ff8-aa79-31e07db1d692/A45-259132023_20241210_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True

[9] Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 02.03.2022 N BV-4-7/2500@ «On Sending a Review of Legal Positions Reflected in Judicial Acts of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation Adopted in the Fourth Quarter of 2021 on Taxation Issues «//Official website <http://nalog.ru>

[10] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.05.2021 N 309-ES20-23981 in case N A40-131167/2020 (Spetskhimprom LLC v. Federal Tax Service Inspectorate of Russia No. 27 for Moscow)//URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/5be24fa3-1181-49f3-bd78-6ed058644931>

[11] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.07.2021 N 302-ES21-5294 in case N A33-3832/2019 (Taimyr Fuel Company JSC v. Taimyrstroy LLC)//URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/39683faa-0cba-4d6e-b48f-8cda2e4cd3a9/47278dd2-d797-42d0-801b-8867b935b0b6/A33-3832-2019_20210909_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True

[12] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.01.2021 N 309-ES20-17277 in case No. A76-2493/2017 (Uralbroiler JSC v. Interdistrict Inspectorate of the Federal Tax Service of Russia No. m24 for the Chelyabinsk Region)//SPS Consultant Plus;

[13] Saskov V. The Supreme Court corrected the Federal Tax Service. Where can the VAT settlement method be applied - Financial newspaper - 2021 - N 6. - p. 10.4.

[14] «Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2021),» (approved by. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 30.06.2021) // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation <http://vsrf.ru>

[15] Order of the Federal Tax Service of Russia of 28.09.2018 N MMV-7-15/561@ «On Approval of the Departmental Program for the Prevention of Risks of Harm to Legally Protected Values of the Federal Tax Service for the Period 2018 - 2020 «//SPS» Consultant-Plus «

[16] Order of the Federal Tax Service of Russia dated 24.03.2023 N ED-7-31/181@ (ed. 27.01.2025) «On Approval of the Methodology for Assessing a Legal Entity Based on the Interactive

Service» Personal Account of a Taxpayer of a Legal Entity «AIS» Tax-3 «and the Methodology for Assessing an Individual Entrepreneur Based on the Interactive Service» Personal Account of a Taxpayer «AIS» Tax-3 «//SPS «Consultant Plus.»

ШЕРИЕВ Альберд Малилевич,
старший преподаватель кафедры специальных дисциплин СКИ(ф) КрУ МВД России,
кандидат юридических наук, подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОНЯТИЕ, ТИПОЛОГИЯ, ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ПРОЯВЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИИ

Аннотация. В статье проводится исследование такого социально-негативного явления как коррупция. Приводится научное толкование различных авторов, проводивших анализ по теме исследования. Также рассматриваются причины и условия проявления коррупции.

Ключевые слова: коррупция, явление, бюрократия, полномочия, борьба, противодействие, последствия, причины, условия.

SHERIEV Alberd Malilevich,
Senior Lecturer, Department of Special Disciplines, SKI (f) KrU of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Police Lieutenant Colonel

CONCEPT, TYPOLOGY, CAUSES AND CONDITIONS OF CORRUPTION IN RUSSIA

Annotation. The article is a study of such a socially negative phenomenon as corruption. The scientific interpretation of various authors who conducted an analysis on the topic of research is given. The reasons and conditions for the manifestation of corruption are also considered.

Key words: corruption, phenomenon, bureaucracy, authority, struggle, counteraction, consequences, causes, conditions.

Касаемо коррупции, как понятия, сформулировать точное определение данному термину представляет собой сложную задачу по причине того, что даже у авторов нет одного общего для всех мнения. Таким образом, верным является замечание ряда авторов, в том числе и Д.П. Миловановой, которая относит понятие коррупция к числу дискуссионных [1].

При изучении научной литературы, исследуемой темы, стало понятно, что социально-юридическая категория коррупция определяется как в широком, так и в узком смысле. Рассматривая определение в узком

смысле, как это делает С.А. Федоров в своем исследовании вопросов противостоянии данному явлению, коррупция, определяется как преимущественно пренебрежительное отношение должностными лицами к своим должностным обязанностям для получения материального преимущества [2].

В исследовании А.Г. Цопанова, З.А. Волошина, А.П. Шевчука, также дано узкое истолкование смысла данной категории, она описывается, как факт «злоупотребления полномочиями для извлечения выгоды, как для себя, так и третьих лиц» [3].

Подытоживая проведенный анализ авторами истолкований категории коррупция в ее узком смысле, можно выделить такую общую мысль: коррупция – это совокупность составов правонарушений, для которой характерно использование должностным лицом своего положения и статуса (своей должности) в корыстных целях, преследуя мотив: обогатиться самому или же приобрести материальную выгоду, интересующую третьих лиц.

Рассмотрев примеры истолкования узкого понятия термина, перейдем к рассмотрению его широкого смысла, представленного в трудах таких авторов, как: Д.А. Головань, К.Ч. Султанбеков, Ч.Т. Алиева и др.

Общей чертой, на которую стараются делать акцент представленные выше авторы, является корыстно-направленное поведение лица, исполняющего должностные обязанности, в любом его проявлении: «неверно коррупцию сводить только к незаконному обогащению. Данное негативное явление состоит из причин и условий, способствующих получению должностным лицом незаконной выгоды» (Д.А. Головань) [4].

Авторы К.Ч. Султанбеков и Ч.Т. Алиева же считают, что: «коррупция, представляющая собой общественно опасное и противоправное деяние, за которое предусмотрены меры правового воздействия, проявляется в любой сфере общественной жизни, пронизывая экономику, политику, государственное управление» [5].

Официальное определение понятия «коррупция» на законодательном уровне описано в ФЗ «О противодействии

коррупции»: «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение этих деяний от имени или в интересах юридического лица» [6].

Однако со стороны научной среды это истолкование поддерживается и принимается далеко не всеми, так В.А. Якимчук в своих работах раскрывал несовершенство предложенного законодателем определения в связи с обнаружением в нем подмену понятий, обнаруженную автором. По этой причине он расценил его, как: «простую юридическую констатацию, а перечисление преступлений через запятую считать частью целого» [7].

Конкретные признаки понятия можно выделить как в широком, так и в узком понимании определения, ниже перечислим особо значимые из них:

- это социально опасное явление;
- это явление, которое существует и проявляющееся в абсолютно любой сфере человеческой деятельности или на всех уровнях власти;
- это запрещенное явление, которое должно караться наказанием;
- это явление, которое благоприятствует бюрократизации органов государственной власти;

• это явление, при котором используются полномочия по службе для поиска личной или сторонней выгоды из корыстных побуждений.

У научного сообщества, которое изучает эту тему, нет единого мнения в отношении типологии коррупции, что уж говорить о едином понимании самого понятия. На настоящий момент существует множество всевозможных проявлений коррупции. Так, в своей статье С.А.К. Аседулаев и А.Ю. Морозов описывают классификацию коррупции по «профессиональному» признаку, дифференцируя ее в образовании, на таможне, при заключении государственных (муниципальных) контрактов и др. [8]

Ряд авторов (Баранов В.Н., Конышев В.Н., Кузьминов Я.И., Ожигов Э.Н.) приводят в своих работах несколько иных классификаций коррупции:

- по степени организованности коррупции: а) неорганизованная, подразделяющаяся на повседневную, бытовую и низовую, б) сетевая, в которой выделяют: организованную, системную, институциональную, высшую и крупную коррупцию;

- по субъектному составу;

- по объекту воздействия с подразделением на гражданскую, деловую и политическую коррупцию;

- по территориальному охвату и др.

В отдельный тип некоторые исследователи выделяют бытовую коррупцию, определение которой не нашло отражение в связи с систематизацией нормативно-правовых документов. Так, в своей работе В.Д. Селиванова указывает: первое упоминание бытовой коррупции было в Национальном плане противодействия коррупции на 2010-

2011 гг., где этот тип коррупции, ее категория, обозначена, как «коррупционные нарушения, с которыми граждане встречаются наиболее часто» [9]. Условно, если опираться на данное определение, можно охарактеризовать этот вид коррупции, как одну из форм по решению вопросов и проблем повседневной жизни.

Что же касается некоторых авторов, таких как В.Г.Гриб и Р.Э. Адамян, то они в своих работах пишут, что «...бытовая коррупция является нормой в сознании российских граждан.... Подарить подарок учителю или врачу является нормой современной действительности...» [10]. Таким образом, В.Г. Греб и Р.Э. Адамян придают бытовой коррупции значение способа по налаживанию отношений «с нужным человеком», к примеру: презент преподавателю или учителю, в сумме, не превышающей 10000 рублей, значительно упрощает решение проблемы с успеваемостью ребенка, а водители автомобилей считают приемлемым «более простой» разговор с представителем ДПС (дорожно-постовая служба), подразумевающий до беседы передачу денежных средств в виде различных сумм.

Наука, изучающая право, отличается от законодательства тем, что у нее в наличии достаточно много определений для понятия «бытовая коррупция», и большинство исследователей делают акцент «на специфике субъектов коррупционных отношений» [11]. Так В.И. Васильев предлагает дифференцировать «служащих государственных и муниципальных органов» [12].

М.М. Решетников делает дополнение, что «...в это явление вынужденно вовлекаются обычные граждане [13]. Л. Орленко соглашается со сказанным выше и

подтверждает, что в «бытовую» коррупцию вовлечено более половины населения» [14].

Причины коррупции, по мнению научных исследователей, также различны и многообразны, как и множество различных взглядов на определение коррупции, как понятия, так и его видов. Ряд ученых предлагает мнение, несущее в себе зерно истины: причина коррупции – в самом обществе.

Так, достойного внимания заслуживает мнение Л.А. Назаровой, которая описывает в качестве причин коррупции факторы, появляющиеся под влиянием человеческой психологии, что и приводит к формированию коррупционного характера поведения. Полную классификацию причин коррупции Л.А. Назарова подразделяет на две группы: в первую включены причины, которые связаны непосредственно с мышлением человека, с особенностями его мировосприятия, заключающиеся в желании иметь больше, а также сложившиеся традиции прибегать к незаконному решению проблем; во вторую входят причины служебного характера, включающие в себя отсутствие удовлетворенности от тех денежных средств, которые человек получает, отсутствие перспектив в продвижении по карьерной лестнице, но наличие амбиций и желания их удовлетворить, а также формальное

отношение, как к профессиональной, так и к служебной деятельности [15].

Другой же автор, Р.Т. Мухаев, связывает причины коррупции «с рентоориентированным поведением чиновничьего аппарата», и в качестве аргументирования своего мнения, приводит в качестве примера преступления 2022 года, имеющие коррупционную направленность и фигурантами которых были в основном «сотрудники правоохранительных органов и системы Минобороны» [16].

В работах А.В. Ковтуна прослеживается мысль, что коррупционные проявления происходят «не столько в экономических и политических неопределенностях, сколько в законодательной неопределенности» [17].

Другие же причины, такие как «низкий уровень доходов населения и слабости институтов, политико-правовой направленности» выделяют О.Е. Иванова и С.О. Шумилина [18].

Эффективность их применения резко снижается из-за того, что нормативные правовые акты содержат сложные тексты, не соответствующие юридической терминологии и правилам составления и согласования текстов. Из-за декларативности принятых антикоррупционных законов и нормативных правовых актов, они неэффективны в применении [20].

Список литературы:

- [1] Милованова Д.П. *Коррупция в современной России: проблемы противодействия и меры борьбы с коррупцией* // Студенческий вестник. – 2023. – № 10-4 (249). – С. 5.
- [2] Федоров С.А. *Коррупция и противодействие коррупции средствами прокурорского надзора* // Решение. – 2022. – Т. 1. – С. 320.
- [3] Цопанова А.Г., Волошина З.А., Шевчук А.П. *Коррупция: понятие, сущность коррупции как правонарушения* // В сборнике: Управление государственное, муниципальное и

корпоративное: теория и лучшие практики. - Ростов-на-Дону: РГУПС, 2022. – С. 126.

[4] Головань Д.А. Коррупция как угроза экономической безопасности, актуальные вопросы и методы борьбы с коррупцией в современной России // В сборнике: Первые шаги в науке. Альманах научных работ студентов. – СПб: СПб. им. В.Б. Бобкова филиал РТА, 2023. – С. 91.

[5] Геляхова Л.А., Машекуашева М.Х. Профессиональное антикоррупционное самоопределение как важнейшая характеристика личностного статуса. Право и управление. 2023. № 9. С. 48-50.

[6] Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. 08.08.2024 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12164203/>.

[7] Якимчук В.А. Коррупция как социальное явление // В сборнике: Научный форум: юриспруденция, история, социология, политология и философия. – М.: ООО «Международный центр науки и образования», 2023. – С. 132.

[8] Аседулаев С.А.К., Морозов А.Ю. Понятие и виды коррупции // В сборнике: Современная наука: ключевые проблемы и инновационные разработки. – Краснодар: РЭА, 2023. – С. 30

[9] Селиванова В.Д. Бытовая коррупция: понятие и признаки // Молодой ученый. – 2017. – № 50.1. – С. 71.

[10] Гриб В.Г., Адамян Р.Э. Факторы, влияющие на борьбу с хищениями и коррупцией, и меры по их устранению // Российский следователь. – 2015. – № 13. – С. 25

[11] Трунцевский Ю.В. Бытовая (повседневная) коррупция: понятие и социальное значение // Журнал российского права. – 2018. – №1 (253). – С. 159.

[12] Васильев В.И. Борьба с коррупцией и местное самоуправление // Журнал российского права. – 2012. – № 4. – С. 6.

[13] Решетников, М.М. Психология коррупции. Утопия и антиутопия: монография – М.: Издательство Юрайт, 2022. – С. 11-12.

[14] Орленко Л. Коррупция и теневая экономика / // Советник президента. Информационно-аналитическое издание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/153896/readpart-ekonomika-rossii-xxi-veka-ot-kapitalizma-k-sotsializmu-leonid-orlenko/>.

[15] Назарова Л.А. Причины коррупции на государственной службе // Символ науки. – 2022. – №1-1 – С. 47-49.

[16] Мухаев Р.Т. Политика противодействия коррупции в России в контексте новых реалий: актуальные проблемы теории и практики // Знание. Понимание. Умение. – 2022. – №2. – С. 233.

[17] Ковтун А.В. Проблемы противодействия коррупции в Российской Федерации // Интернаука: электрон. научн. журн. - 2022. - № 29(252). – С. 76-77.

[18] Иванова, О.Е., Шумилина С.О. Коррупция в таможенных органах: причины, особенности и меры противодействия // Право, экономика и управление: состояние, проблемы и перспективы. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары, 2022. – С. 39-43.

[19] Насыров К.И. Правовые причины коррупции и ее факторы, «Вопросы студенческой

науки», №11. 2023.

[20] Проблемы борьбы с организованной преступностью (учебное пособие) (Королева М.В., Мацкевич И.М.: 6 под. общ. ред. д.ю.н., проф. И.М. Мацкевича; науч. ред. Т.В. Редникова). - «Проспект», 2021.

References:

[1] Milovanova D.P. Corruption in modern Russia: problems of counteraction and anti-corruption measures//Student Bulletin. – 2023. – № 10-4 (249). - S. 5.

[2] Fedorov S.A. Corruption and anti-corruption by means of prosecutorial supervision//Decision. – 2022. - VOL. 1. - S. 320.

[3] Tsopanova A.G., Voloshina Z.A., Shevchuk A.P. Corruption: the concept, essence of corruption as an offense//In the collection: State, municipal and corporate management: theory and best practices. - Rostov-on-Don: RGUPS, 2022. - S. 126.

[4] Golovan D.A. Corruption as a threat to economic security, topical issues and methods of combating corruption in modern Russia//In the collection: The first steps in science. Almanac of students' scientific papers. - St. Petersburg: St. Petersburg. named after V.B. Bobkov branch of RTA, 2023. - S. 91.

[5] Gelyakhova L.A., Mashekuasheva M.Kh. Professional anti-corruption self-determination as the most important characteristic of personal status. Law and governance. 2023. № 9. S. 48-50.

[6] Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008 «On Combating Corruption» (as amended in 08.08.2024) [Electronic Resource]. - Access mode: <https://base.garant.ru/12164203/>.

[7] Yakimchuk V.A. Corruption as a social phenomenon//In the collection: Scientific forum: jurisprudence, history, sociology, political science and philosophy. - M.: International Center for Science and Education LLC, 2023. - S. 132.

[8] Asedulaev S.A.K., Morozov A.Yu. Concept and types of corruption//In the collection: Modern science: key problems and innovative developments. -Krasnodar: REA, 2023. - S. 30

[9] Selivanova V.D. Domestic corruption: concept and signs//Young scientist. – 2017. - NO. 50.1. - P. 71.

[10] Grib VG, Adamyan RE. Factors affecting the fight against theft and corruption, and measures to eliminate them//Russian investigator. – 2015. – № 13. - S. 25

[11] Truntsevsky Yu.V. Everyday (everyday) corruption: concept and social significance//Journal of Russian Law. – 2018. – №1 (253). - S. 159.

[12] Vasiliev V.I. The fight against corruption and local self-government//Journal of Russian Law. – 2012. – № 4. - S. 6.

[13] Reshetnikov, M.M. Psychology of corruption. Utopia and dystopia: monograph - M.: Yuright Publishing House, 2022. - S. 11-12.

[14] Orlenko L. Corruption and the shadow economy///Advisor to the President. Information and analytical publication [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/153896/readpart-ekonomika-rossii-xxi-veka-ot-kapitalizma-k-sotsializmu-leonid-orlenko/>.

[15] Nazarova L.A. Causes of corruption in the public service//Symbol of science. – 2022. - NO. 1-1 - S. 47-49.

[16] Mukhaev R.T. *Anti-corruption policy in Russia in the context of new realities: current problems of theory and practice*//Knowledge. Understanding. Skill. – 2022. – №2. - S. 233.

[17] A.V. Kovtun. *Problems of Combating Corruption in the Russian Federation*//Internauca: Electron. scientific journal. - 2022. - № 29(252). - S. 76-77.

[18] Ivanova, O.E., Shumilina S.O. *Corruption in customs authorities: causes, features and countermeasures*//Law, economics and management: state, problems and prospects. Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Cheboksary, 2022. - S. 39-43.

[19] Nasyrov K.I. *Legal Causes of Corruption and Its Factors*, «Student Science Issues,» No. 11. 2023.

[20] *Problems of combating organized crime (training manual)* (Koroleva M.V., Matskevich I.M.:6 under. general ed. Doctor of Legal Sciences, prof. IM Matskevich; scientific. ed. T.V. Rednikov) .- «Prospect,» 2021.

БАРКОВ Константин Борисович,

*Аспирант, по направлению подготовки Частно-правовые (цивилистические) науки, Кафедра
Юриспруденции Российский Университет Кооперации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: barkov@resurspravo.ru*

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИИ-ПЛАТФОРМ ЗА ДЕЙСТВИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье исследуется актуальная и малоизученная проблема применения института субсидиарной ответственности к ИИ-платформам, предоставляющим доступ к технологиям искусственного интеллекта (ИИ), за вредоносные действия их пользователей. Анализируется применимость существующих правовых моделей субсидиарной ответственности, а также статус информационного посредника и концепцию источника повышенной опасности, к специфике функционирования ИИ-платформ. Рассматриваются теоретические основания для возложения на такие платформы дополнительной ответственности, вытекающие из их роли в создании, контроле и монетизации мощных генеративных систем. Особое внимание уделяется разграничению субсидиарной ответственности между пользователем как основным причинителем вреда и платформой как субъектом, создавшим условия для такого причинения. На основе анализа делается вывод о возможных направлениях развития законодательства и судебной практики в целях обеспечения баланса между стимулированием инноваций и защитой прав потерпевших.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ-платформа, субсидиарная ответственность, ответственность за действия пользователей, информационный посредник, правовое регулирование ИИ.

BARKOV Konstantin Borisovich,

*PhD student in Private Law (Civil) Sciences, Department of Jurisprudence, Russian University of
Cooperation, Moscow, Russian Federation*

SUBSIDIARY LIABILITY OF I-PLATFORMS FOR USER ACTIONS

Annotation. The article explores the urgent and little-studied problem of applying the institution of subsidiary liability to AI platforms that provide access to artificial intelligence (AI) technologies for the malicious actions of their users. The applicability of existing legal models of subsidiary liability, as well as the status of an information intermediary and the concept of a source of increased danger, to the specifics of the functioning of AI platforms is analyzed. Theoretical grounds are considered for assigning additional responsibility to such platforms, arising from their role in the creation, control and monetization of powerful generative systems. Particular attention is paid to the delimitation of subsidiary liability between the user as the main causer of harm and the platform as the entity that created the conditions for such harm. Based on the analysis, it is concluded on possible

directions for the development of legislation and judicial practice in order to ensure a balance between stimulating innovation and protecting the rights of victims.

Key words: *artificial intelligence, AI platform, subsidiary responsibility, responsibility for user actions, information intermediary, legal regulation of AI.*

Введение

Стремительное развитие и повсеместное внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) знаменуют собой новую эру технологической революции, сравнимую по своему масштабу с изобретением интернета. Генеративные модели, способные создавать тексты, изображения, программный код и иной контент, становятся доступными миллионам пользователей через специализированные онлайн-платформы. Доступность порождает не только возможности для творчества и производительности, но и создает беспрецедентные риски. Пользователи могут применять ИИ-инструменты для совершения противоправных действий: создания дипфейков с целью диффамации, генерации вредоносного кода, распространения дезинформации в промышленных масштабах, нарушения авторских прав и многого другого.

Когда вред причинен, возникает закономерный вопрос: кто должен нести за него ответственность? Очевидным ответчиком является пользователь, непосредственно использовавший ИИ для совершения правонарушения. Однако установить его личность зачастую бывает крайне сложно, а взыскать с него полную компенсацию причиненного ущерба - невозможно.

В отличие от солидарной или прямой ответственности, субсидиарная ответственность предполагает, что ИИ-платформа привлекается к ответу только в том случае, если основной должник

(пользователь) не может возместить вред. В соответствии со ст. 399 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), требование к субсидиарному ответчику (платформе) может быть предъявлено только после того, как основной должник отказался его удовлетворить или не ответил в разумный срок. Имеется в виду «резервный» механизм, который включается для защиты интересов кредитора (потерпевшего), когда взыскание с основного правонарушителя невозможно или затруднено.

Актуальность темы обусловлена как экспоненциальным ростом использования ИИ-технологий, так и отсутствием специального правового регулирования, которое создает зону правовой неопределенности и требует скорейшего научного осмысления.

Результаты исследования

Прежде чем анализировать вопросы ответственности, необходимо определить объект исследования. Понятие «искусственный интеллект» до сих пор является предметом научных дискуссий. Как отмечает И. Н. Габдулов, ИИ является технологий, направленной на имитацию познавательных процессов человека для осуществления целенаправленной деятельности [1]. Понятие «искусственный интеллект» закреплено в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Согласно Указу - «комплекс технологических

решений, имитирующий когнитивные функции человека (самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) чтобы получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека».

С юридической точки зрения, как подчеркивает В. А. Лаптев, основным является вопрос о правосубъектности ИИ [4]. На текущем этапе развития технологий большинство исследователей сходятся во мнении, что ИИ не обладает сознанием и свободой воли, а значит, не может быть признан субъектом права. Он является сложным, но все же объектом права, инструментом в руках человека. Следовательно, ответственность за его «действия» должен нести человек [3]. Однако, когда речь идет о современных ИИ-платформах ситуация усложняется. Такие платформы (например, предоставляющие доступ к большим языковым моделям) не просто передают пользователю готовый продукт, а оказывают услугу по доступу к динамичной, самообучающейся системе. И. Ю. Пащенко справедливо указывает на информационную природу ИИ и смежных технологий, подчеркивая их роль в создании, обработке и передаче информации [6].

ИИ-платформа, таким образом, выступает не просто как производитель инструмента, а как оператор сложной информационно-технологической инфраструктуры, которая предоставляет пользователям возможность генерировать новый контент. Именно роль оператора, получающего коммерческую выгоду от деятельности системы, ставит вопрос о его ответственности за результаты этой деятельности.

Для анализа субсидиарной ответственности ИИ-платформ в российском праве, прежде всего, необходимо определить их правовой статус.

Субсидиарная ответственность – дополнительная ответственность, которую несет второе лицо в случае, если основное ответственное лицо не исполнило или не может исполнить свое обязательство [6]. В соответствии со ст. 399 ГК РФ, кредитор вправе требовать исполнения обязательства от лица, несущего субсидиарную ответственность, только если основной должник отказался удовлетворить требование или кредитор не получил от него в разумный срок ответ на предъявленное требование.

В большинстве случаев ИИ-платформы, предоставляющие услуги по размещению, передаче или доступу к информации, могут быть отнесены к категории информационных посредников.

Основопологающей нормой, регулирующей ответственность информационных посредников в Российской Федерации, является ст. 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). Данная статья, введенная Федеральным законом от 02.07.2013 № 187-ФЗ, устанавливает особенности ответственности этих лиц за нарушение интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в первую очередь в сети «Интернет». Ст. 1253.1 ГК РФ выделяет три основных вида информационных посредников:

1. Лицо, передающее материал в сети «Интернет».
2. Лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения.

3. Лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в сети «Интернет».

Многие ИИ-платформы, особенно те, что дают пользователям генерировать и публиковать контент (например, текст, изображения, код), подпадают под второй или третий вид, так как они, по сути, предоставляют возможность размещения или доступ к материалу, созданному с помощью их инструментов.

Согласно ст. 1253.1 ГК РФ, информационный посредник освобождается от ответственности за нарушение интеллектуальных прав, если он одновременно соблюдает ряд условий, ключевыми из которых являются:

- он не является инициатором передачи или не определяет получателя материала;
- он не изменяет материал (за исключением изменений, необходимых для технологического процесса);
- он не знал и не должен был знать о том, что использование соответствующего результата интеллектуальной деятельности является неправомерным;
- при получении письменного заявления правообладателя он своевременно принял необходимые и достаточные меры для прекращения нарушения (например, удалил спорный контент).

Однако, важно отметить, что ст. 1253.1 ГК РФ прямо регулирует только ответственность за нарушение интеллектуальных прав. в то время как вред от использования ИИ может быть гораздо разнообразнее (диффамация, мошенничество, вред жизни и здоровью). Во-вторых, ИИ-платформы не просто пассивно хранят контент, созданный пользователем; она предоставляет ему инструмент,

который является со-творцом, генератором контента. Модель ИИ, ее архитектура, данные, на которых она обучалась, является вкладом платформы в конечный результат. Следовательно, утверждать, что платформа не является «инициатором» и не «изменяет» контент, становится сложнее. Она создает саму возможность и определяет параметры генерации контента, что выводит ее за рамки пассивного посредника.

Информационный посредник (например, хостинг-провайдер или социальная сеть) освобождается от ответственности за нарушение интеллектуальных прав, если он не был инициатором передачи незаконного контента, не изменял его и после получения заявления правообладателя принял необходимые и достаточные меры для прекращения нарушения.

В контексте ИИ-платформ и действий пользователей, речь идет о возможности привлечения платформы к ответственности за деликты (правонарушения), совершенные пользователями, такие как:

- распространение клеветы, порочащих сведений, фейковых новостей;
- нарушение чести, достоинства и деловой репутации;
- размещение экстремистских материалов или призывов;
- нарушение норм об охране персональных данных.

Действующее законодательство РФ не предусматривает субсидиарной ответственности информационных посредников (и, соответственно, ИИ-платформ) за деликты интернет-пользователей (кроме случаев нарушения интеллектуальных прав, где, как было показано, установлены

особые условия).

Тем не менее, российское законодательство устанавливает ряд специальных обязанностей для информационных посредников, неисполнение которых может повлечь ответственность. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ФЗ об информации), а именно ст. 10.5 устанавливает обязанности для владельцев сайтов и страниц сайтов, являющихся организаторами распространения информации в сети «Интернет», а также обязанность хранить информацию о фактах приема, передачи, доставки и обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений пользователей и информацию о самих пользователях, а также предоставлять информацию уполномоченным государственным органам. Ст. 15.7 (об удалении противоправной информации) устанавливает, что при нарушении авторских и (или) смежных прав информационный посредник обязан удалить информацию в течение 24 часов с момента получения соответствующего заявления правообладателя. Ст. 15.1 - 15.8 регулируют порядок ограничения доступа к информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено (детская порнография, экстремистские материалы, призывы к массовым беспорядкам и т.д.). ИИ-платформы, как владельцы ресурсов, обязаны исполнять требования Роскомнадзора по блокировке такой информации. Неисполнение этих требований влечет административную ответственность по Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), например,

по ст. 13.41 КоАП РФ (Нарушение порядка ограничения доступа к информации, информационным ресурсам, доступ к которым подлежит ограничению).

Другой активно обсуждаемый подход - признание ИИ-платформ источником повышенной опасности по аналогии с транспортными средствами или сложными механизмами. В этом случае ответственность владельца такого источника наступает по ст. 1079 ГК РФ независимо от вины. Владелец освобождается от ответственности, только если докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла самого потерпевшего.

Тем не менее, неясно, кого считать «владельцем» источника повышенной опасности: разработчика, оператора платформы или пользователя, который в данный момент использует систему? А. Н. Кирсанов и У. В. Костылева отмечают, что основания и условия субсидиарной ответственности за ущерб, причиненный работой ИИ-платформ, требуют четкого определения субъекта [2]. Если считать владельцем пользователя, то цель защиты потерпевшего не достигается. Если же владельцем признать платформу, то будет означать введение режима строгой (безвиновной) ответственности для целой отрасли, что может затормозить ее развитие. Категория «источник повышенной опасности» традиционно применялась к объектам материального мира, создающим повышенный риск физического вреда. Распространение ее на информационные системы, причиняющие в основном нематериальный или имущественный вред, требует серьезного доктринального и законодательного обоснования.

С. В. Петухов и С. А. Иванова в своей

работе анализируют влияние цифровых технологий на институт субсидиарной ответственности, в частности, в корпоративных отношениях [6]. Их исследование показывает, что цифровизация усложняет традиционные связи и требует адаптации существующих правовых институтов. Хотя их работа сфокусирована на контролирующих лицах должника, сам вектор мысли о трансформации субсидиарной ответственности в цифровой среде является крайне важным.

ИИ-платформы, в отличие от традиционных сайтов, обладают уникальной способностью к генерации контента, а не только к его размещению. Тем самым усложняют вопрос о том, «должна ли была знать» платформа о неправомерности контента. Если ИИ-модель обучена на данных, содержащих неправомерный контент, или если алгоритм помогает пользователю создать, например, клеветнический текст или фальшивое изображение, возникает вопрос о более высокой степени вовлеченности платформы.

В отношении интеллектуальных прав, правоприменительная практика в рамках ст. 1253.1 ГК РФ ориентируется на критерии действительного и предполагаемого знания о нарушении. Применительно к ИИ, «должен был знать» может быть интерпретировано как обязанность платформы внедрять разумные и достаточные технические и организационные меры для фильтрации и модерации генерируемого контента. В частности:

- Использование фильтров для блокировки известных экстремистских символов или материалов.
- Внедрение систем распознавания и блокировки контента, нарушающего

авторские права (аналогично механизмам «Content ID»).

Ввиду отсутствия прямого регулирования субсидиарной ответственности ИИ-платформ за все виды деликтов пользователей, правовое поле находится в состоянии развития. России введено экспериментальное правовое регулирование в сфере ИИ. Так, Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в ст. 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных», хотя и направлен преимущественно на внедрение технологий, может стать основным для апробации подходов к ответственности. Однако в нем прямо не решен вопрос субсидиарной ответственности ИИ-платформ.

На международном уровне активно обсуждаются новые подходы. Европейский Союз, в частности, работает над Актом об искусственном интеллекте (AI Act), который устанавливает классификацию систем ИИ по уровню риска и накладывает соответствующие обязанности. Хотя Акт сфокусирован на безопасности и прозрачности, он является примером регуляторного ответа на вызовы ИИ. В ЕС также обсуждались директивы, касающиеся ответственности за ущерб, причиненный ИИ, с возможным введением объективной или квази-объективной ответственности для операторов высокорисковых систем.

Применительно к ИИ-платформам можно выделить несколько аргументов в пользу

введения субсидиарной ответственности:

1. Контроль и создание риска. ИИ-платформа не просто создает технологию, но и полностью контролирует ее. Она определяет архитектуру модели, подбирает данные для обучения, устанавливает правила использования и имеет техническую возможность модерировать и отслеживать генерируемый контент. Предоставляя доступ к такому инструменту, ИИ-платформа создает повышенные риски для третьих лиц и извлекает из этого коммерческую выгоду. Логично, чтобы часть рисков ложилась на того, кто их создает и контролирует.

2. Асимметрия информации и ресурсов. Потерпевший и платформа находятся в заведомо неравном положении. ИИ-платформа обладает всей технической информацией о работе своей системы и данных о пользователе. Для потерпевшего же установление личности анонимного пользователя и сбор доказательств его вины могут оказаться непосильной задачей. Введение субсидиарной ответственности стимулировало бы платформы к эффективной идентификации пользователей и содействию в расследованиях.

3. Стимулирование превентивных мер (критерий «должен был знать»): Субсидиарная ответственность мотивирует платформы к принятию «разумных и достаточных технических и организационных мер» для фильтрации и модерации генерируемого контента. В контексте ИИ, критерий «должен был знать» из ст. 1253.1 ГК РФ может быть расширен и интерпретирован как обязанность внедрять ИИ-системы для распознавания и блокировки известного неправомерного или опасного контента (например, систем, аналогичных «Content ID» для авторских прав,

но применительно к диффамации и фейкам).

4. Справедливое распределение бремени. Пользователь, совершивший противоправное деяние, должен нести основную ответственность, что соответствует принципу вины. Однако, если он скрылся или неплатежеспособен, оставление потерпевшего без возмещения вреда является несправедливым. Субсидиарная ответственность ИИ-платформы, которая является бенефициаром всей экосистемы, помогает восстановить справедливость и гарантировать потерпевшему возмещение.

Ввиду отсутствия прямого регулирования, будущее правовое поле, необходимо развивать. Наиболее системным решением является разработка специальной нормы, регулирующей ответственность за вред, причиненный ИИ.

Заключение

Проблема ответственности ИИ-платформ за действия пользователей является одной из наиболее сложных и дискуссионных в современном праве цифровых технологий. В настоящее время субсидиарная ответственность ИИ-платформ за неимущественные деликты (клевета, честь, достоинство) или обычные гражданско-правовые нарушения пользователей прямо не предусмотрена действующим законодательством Российской Федерации. Исключение составляет лишь нарушение интеллектуальных прав, где ответственность информационного посредника регулируется ст. 1253.1 ГК РФ и является ограниченной.

Однако, учитывая возрастающую роль ИИ-платформ как операторов мощных генеративных систем, юридическое сообщество и законодатель должны двигаться

в сторону установления специальных платформ, которая несет ответственность за норм ответственности. Субсидиарная недостаточный контроль над созданными ею ответственность с одной стороны, рисками. Главная задача - найти баланс между сохраняет принцип вины за основным стимулированием инноваций и защитой прав правонарушителем (пользователем), а с другой и свобод граждан в условиях беспрецедентной - обеспечивает защиту прав потерпевших скорости распространения информации, за счет привлечения финансово устойчивой генерируемой искусственным интеллектом.

Список литературы:

- [1] Габдулов, И. Н. *Определение понятия искусственного интеллекта* / И. Н. Габдулов // *Аллея науки*. – 2019. – Т. 1, № 9(36). – С. 173–176.
- [2] Кирсанов А.Н., Костылева У.В. *Основания и условия ответственности за ущерб, причиненный работой искусственного интеллекта. Право и управление. XXI век. 2022;18(4):55-60.* <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2022-4-65-55-60>.
- [3] Кутаев, В. В. *Деликтная ответственность и искусственный интеллект* / В. В. Кутаев // *Российское право онлайн*. – 2020. – № 4. – С. 5–12.
- [4] Лаптев, В. А. *Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу* / В. А. Лаптев // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2019. – № 2. – С. 79–102.
- [5] Пащенко, И. Ю. *Искусственный интеллект и смежные технологии: о понятии, информационной природе и публично-правовых аспектах* / И. Ю. Пащенко // *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. – 2022. – № 2. – С. 99–105.
- [6] Петухов С. В., Иванова С. А. *Влияние цифровых технологий на институт субсидиарной ответственности контролирующих лиц* // *Право и управление*. 2023. №7. С. 121-127.

References:

- [1] Gabdulov, I.N. *Definition of the concept of artificial intelligence*/I.N. Gabdulov//*Alley of Science*. – 2019. - T. 1, NO. 9 (36). - S. 173-176.
- [2] Kirsanov A.N., Kostyleva U.V. *Grounds and conditions of liability for damage caused by the work of artificial intelligence. Law and governance. XXI century. 2022;18(4):55-60.* <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2022-4-65-55-60>.
- [3] Kutaev, V.V. *Tort Liability and Artificial Intelligence*/V.V. Kutaev//*Russian Law Online*. – 2020. – № 4. - S. 5-12.
- [4] Laptev, V. A. *The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work*/V. A. Laptev//*Law. Journal of the Higher School of Economics*. – 2019. – № 2. - S. 79-102.
- [5] Pashchenko, I. Yu. *Artificial intelligence and related technologies: on the concept, information nature and public legal aspects*/I. Yu. Pashchenko//*Legal Bulletin of Kuban State University*. – 2022. – № 2. - S. 99-105.
- [6] Petukhov S.V., Ivanova S.A. *Impact of digital technologies on the institution of subsidiary liability of controlling persons*//*Law and management*. 2023. №7. S. 121-127.

DOI: 10.24412/cl-37382-2025-3-90-97

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.07.2025 г.

СВЕТОЗАРОВ Роман Владимирович,

Магистрант, ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»

г. Москва,

e-mail: mail@law-books.ru

ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА. КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И СОЦИАЛЬНОГО БЮДЖЕТА ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *Противоречия современного социального государства являются одной из наиболее острых и обсуждаемых тем в области государственной политики и экономики. Основное напряжение в функционировании социального государства проявляется в конфликте между потребностями общественного развития и ограничениями, налагаемыми социальным бюджетом государства. Это противоречие становится особенно заметным в условиях растущих социальных ожиданий граждан, увеличивающихся расходов на социальные программы и одновременной необходимости финансировать проекты, способствующие экономическому росту и развитию инфраструктуры. Столкновение этих двух направлений — социальных обязательств и экономических приоритетов — создаёт сложный узел, который требует от государств поиска новых способов решения этих проблем и установления компромиссов.*

«Социальное государство, как институт, стремится гарантировать определённый уровень благосостояния своим гражданам через предоставление разнообразных социальных услуг, таких как здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение и социальные выплаты.» [9, с. 11-38] Однако с каждым годом бремя социальных обязательств становится всё более ощутимым для государственных бюджетов. Это связано с несколькими факторами: увеличением численности пенсионеров вследствие старения населения, ростом расходов на здравоохранение в связи с прогрессирующими демографическими изменениями, а также необходимостью поддержки уязвимых слоёв населения. Все эти тенденции приводят к значительному увеличению доли бюджета, направляемого на социальные нужды, что сокращает возможности государства для финансирования других приоритетных сфер, таких как наука, технологии, инфраструктурные проекты и другие отрасли, критически важные для экономического развития.

Одним из ключевых противоречий является тот факт, что рост социальных обязательств нередко требует увеличения налоговой нагрузки на экономически активное население и бизнес. Это, в свою очередь, может сдерживать инвестиции и препятствовать экономическому росту, что создаёт своеобразный замкнутый круг: увеличение социальных

расходов ведёт к необходимости повышения налогов, что замедляет экономическое развитие и снижает способность государства генерировать доходы для дальнейшего финансирования социальных программ. Таким образом, социальное государство оказывается перед сложной дилеммой: оно должно либо сокращать социальные расходы, рискуя вызвать социальное недовольство и политическую нестабильность, либо продолжать увеличивать налоговое бремя, что, в свою очередь, может подорвать экономический потенциал страны.

В условиях усиливающейся глобализации и растущей экономической конкуренции между странами необходимость инвестирования в долгосрочные проекты становится особенно важной. Государства, желающие оставаться конкурентоспособными на мировой арене, должны вкладывать значительные ресурсы в развитие инфраструктуры, инновации и образование, что также требует существенных финансовых затрат. Однако, когда значительная часть государственного бюджета уходит на социальные программы, возможность таких инвестиций ограничена. «Это создаёт ещё одно ключевое противоречие современного социального государства: краткосрочные обязательства перед населением (в виде социальных выплат и льгот) конфликтуют с долгосрочными инвестиционными целями, которые могли бы стимулировать экономический рост и улучшить благосостояние в будущем.» [3, с. 10-40]

Наглядным примером этого конфликта можно считать финансовые кризисы, которые возникли в некоторых европейских странах в начале XXI века. «В ряде случаев государства, стремясь поддерживать высокий уровень социальных гарантий, оказались на грани бюджетного дефицита и вынуждены были резко сокращать расходы, что вызвало массовое недовольство и социальные протесты.» [11, с. 16-42] Это продемонстрировало хрупкость социального государства, когда отсутствие гибкости в управлении бюджетом привело к экономической нестабильности и ухудшению благосостояния граждан.

Для решения противоречий между социальными обязательствами и необходимостью общественного развития требуются инновационные подходы к бюджетной политике. «Один из возможных путей — это повышение эффективности социальных программ через их оптимизацию и использование современных технологий, позволяющих снизить затраты.» [4, с.15-50] Также важным фактором является создание более гибких бюджетных механизмов, которые позволяли бы государству адаптировать социальные расходы в зависимости от экономической ситуации, не ставя под угрозу развитие других сфер. Внедрение таких механизмов способно помочь социальному государству справляться с растущими вызовами и одновременно поддерживать экономическое развитие.

Ключевые слова: Конфликт, Развитие, Бюджет, Обязательства, Экономика, Расходы, Налоги, Давление, Политика.

SVETOZAROV Roman Vladimirovich,

Master student, Russian State Social University, Moscow

CONTRADICTIONS OF THE MODERN SOCIAL STATE. CONFLICT OF INTERESTS IN SOCIAL DEVELOPMENT AND THE STATE SOCIAL BUDGET

Annotation. *The contradictions of the modern welfare state are one of the most acute and discussed topics in the field of public policy and economics. The main tension in the functioning of the welfare state is manifested in the conflict between the needs of social development and the restrictions imposed by the state social budget. This contradiction becomes especially noticeable in the context of growing social expectations of citizens, increasing expenditures on social programs and the simultaneous need to finance projects that promote economic growth and infrastructure development. The clash of these two directions - social obligations and economic priorities - creates a complex knot that requires states to find new ways to solve these problems and establish compromises. The welfare state, as an institution, seeks to guarantee a certain level of well-being to its citizens through the provision of various social services, such as health care, education, pensions and social benefits. However, every year the burden of social obligations becomes more and more noticeable for state budgets. This is due to several factors: an increase in the number of pensioners due to the aging population, an increase in health care costs due to progressive demographic changes, as well as the need to support vulnerable groups of the population. All these trends lead to a significant increase in the share of the budget allocated to social needs, which reduces the state's ability to finance other priority areas, such as science, technology, infrastructure projects and other sectors that are critical to economic development.*

One of the key contradictions is the fact that the growth of social obligations often requires an increase in the tax burden on the economically active population and businesses. This, in turn, can restrain investment and hinder economic growth, which creates a kind of vicious circle: an increase in social spending leads to the need to raise taxes, which slows down economic development and reduces the state's ability to generate revenues for further financing of social programs. Thus, the welfare state faces a difficult dilemma: it must either reduce social spending, risking social discontent and political instability, or continue to increase the tax burden, which, in turn, can undermine the country's economic potential.

In the context of increasing globalization and growing economic competition between countries, the need to invest in long-term projects is becoming especially important. States that want to remain competitive on the global stage must invest significant resources in infrastructure development, innovation and education, which also requires significant financial outlays. However, when a significant portion of the state budget is spent on social programs, the possibility of such investments is limited. This creates another key contradiction of the modern welfare state: short-term obligations to the population (in the form of social payments and benefits) conflict with long-term investment goals that could stimulate economic growth and improve welfare in the future.

A clear example of this conflict can be considered the financial crises that arose in some European countries at the beginning of the 21st century. In a number of cases, states, striving to maintain a high level of social guarantees, found themselves on the verge of a budget deficit and were forced to sharply cut spending, which caused mass discontent and social protests. This demonstrated the fragility of the welfare state, when the lack of flexibility in budget management led to economic instability and a deterioration in the welfare of citizens.

Innovative approaches to budget policy are required to resolve the contradictions between social obligations and the need for social development. One of the possible ways is to increase the

efficiency of social programs through their optimization and the use of modern technologies that reduce costs. Another important factor is the creation of more flexible budget mechanisms that would allow the state to adapt social spending depending on the economic situation, without jeopardizing the development of other areas. The introduction of such mechanisms can help the social state cope with growing challenges and simultaneously support economic development.

Key words: *Conflict, Development, Budget, Commitments, Economy, Expenditures, Taxes, Pressure, Politics.*

Историческая эволюция социального государства

Концепция социального государства берет своё начало в XIX веке, когда вследствие индустриальной революции стало очевидным, что государству необходимо вмешательство для решения социальных проблем. С ростом индустриального производства и урбанизацией обострились проблемы нищеты, неравенства и социальной нестабильности. Это потребовало от государства взять на себя новые обязательства, направленные на защиту наиболее уязвимых слоёв населения и обеспечение минимальных стандартов жизни для всех граждан. Основные идеи социального государства формировались в трудах европейских мыслителей, таких как Отто фон Бисмарк, который инициировал первые шаги в сторону создания системы социального страхования в Германии. «Его реформы включали страхование от несчастных случаев на производстве, медицинскую помощь и пенсионные выплаты, что стало основой для современных социальных систем.» [5, с. 20-45]

В XX веке концепция социального государства получила широкое распространение, особенно в период после Второй мировой войны. В индустриальном обществе того времени роль государства как гаранта социальной защиты стала особенно важной. Британский экономист Уильям

Беверидж предложил модель всеобъемлющего социального государства, которая включала все основные сферы: здравоохранение, образование, жильё и пенсионное обеспечение. Этот подход способствовал укреплению социальных обязательств государства в индустриально развитых странах и заложил основы для современных моделей социального государства.

С переходом к постиндустриальной эпохе, когда на первый план вышли информационные технологии и глобализация, социальное государство столкнулось с новыми вызовами. Изменение структуры экономики и увеличение числа работников в сфере услуг привело к пересмотру социальных обязательств. «Современные потребности населения включают не только традиционные формы социальной защиты, такие как пенсии и здравоохранение, но и новые программы, связанные с переобучением кадров, адаптацией к изменяющимся условиям рынка труда и поддержкой молодых специалистов. В этих условиях государству пришлось адаптировать свои бюджетные стратегии, чтобы справиться с увеличением числа социальных обязательств, включая программы по поддержке образования, здравоохранения и социальной защиты в условиях демографического старения населения и увеличения продолжительности жизни.» [12, с. 15-29]

«Распределение бюджетных средств на социальные программы также претерпело значительные изменения на протяжении XX и XXI веков. Первоначально основное внимание уделялось базовой поддержке – пенсиям, страхованию и здравоохранению. Однако с течением времени социальный бюджет начал включать в себя более разнообразные статьи, такие как программы социальной интеграции, трудоустройства и повышения квалификации. Изменения в бюджетной политике были необходимы для того, чтобы учитывать растущие ожидания населения и поддерживать социальную стабильность в новых экономических условиях.» [2, с. 5-30]

Конфликт интересов: социальные расходы и экономическое развитие

Современное социальное государство сталкивается с серьёзными финансовыми вызовами, так как поддержка социальных программ требует значительных ресурсов, что в свою очередь увеличивает нагрузку на бюджет. Пенсионные выплаты, система здравоохранения и образование — это основные категории, которые требуют стабильного и длительного финансирования. «В условиях старения населения, когда доля трудоспособных граждан уменьшается, а число получателей социальных выплат увеличивается, нагрузка на социальные программы продолжает расти.» [14, с. 13-30]. В результате увеличивается давление на государственный бюджет, и страны вынуждены находить пути для балансирования этих затрат с необходимостью поддержания экономического роста.

«Многие развитые страны, такие как Германия, Франция и Великобритания, сталкиваются с ситуацией, когда рост социальных расходов начинает вытеснять

возможности для инвестиций в экономическое развитие. В некоторых случаях государства вынуждены делать выбор между удовлетворением социальных потребностей и стимулированием экономики через инвестиции в инфраструктуру, науку и технологии.» [1, с. 1-25] Однако подобное сокращение инвестиций в развитие может привести к долгосрочным негативным последствиям, таким как снижение производительности труда и конкурентоспособности на мировой арене.

«Одной из наиболее явных иллюстраций кризиса социальной системы можно считать события, произошедшие в Греции во время экономического кризиса 2008 года.» [10, с. 9-25]. В результате резкого увеличения социальных обязательств при низких темпах экономического роста, страна оказалась не в состоянии обслуживать свой долг, что привело к строгим мерам экономии и сокращению социальных программ. Это вызвало массовые протесты и ухудшение качества жизни. Испания также столкнулась с трудностями в социальной системе, где высокий уровень безработицы и социальные выплаты создали давление на бюджет, ограничивая возможности для экономического развития.

Социальные расходы в этих условиях становятся не только средством поддержания социального мира, но и источником политического давления, особенно в странах с высоким уровнем популизма. Политики, стремящиеся получить поддержку на выборах, часто обещают увеличение социальных выплат, не учитывая при этом возможные последствия для экономики. «В условиях растущих социальных обязательств государства сталкиваются с дилеммой: как

поддерживать социальную защиту населения, не ставя под угрозу экономическое развитие и конкурентоспособность страны на международной арене.» [7, с. 8-28]

Социальные обязательства государства: моральные и политические аспекты

Социальное государство существует не только в экономических и политических, но и в моральных рамках. Государство обязано заботиться о тех, кто не может самостоятельно обеспечивать себя: пенсионеры, люди с ограниченными возможностями, безработные и другие уязвимые группы. Эта моральная ответственность — основа концепции социальной справедливости, которая утверждает, что все граждане имеют право на достойный уровень жизни и доступ к базовым социальным услугам. Поддержка социального государства в значительной степени основывается на этих моральных принципах, и отказ от них может вызвать серьёзные социальные конфликты.

«Политический аспект проблемы заключается в том, что социальные обязательства государства часто используются как инструмент популизма. В периоды выборов политические лидеры нередко обещают увеличение социальных выплат или расширение программ социальной защиты, не принимая во внимание долгосрочные экономические последствия таких решений.» [13, с. 18-35] Это приводит к росту социальных программ, которые, в свою очередь, создают нагрузку на бюджет и ограничивают возможности для инвестиций в развитие экономики. В долгосрочной перспективе такой подход может привести к серьёзным экономическим проблемам и кризису социальной системы, когда государство будет вынуждено сокращать расходы на социальные

программы под давлением бюджетных ограничений.

Модели финансирования социального государства в разных странах

Модели социального государства значительно различаются в разных странах, что зависит как от экономических условий, так и от исторических и культурных особенностей. «Одной из наиболее устойчивых и успешных моделей является скандинавская. В странах Северной Европы, таких как Швеция, Норвегия и Дания, наблюдается высокий уровень налогообложения, что позволяет государству поддерживать обширные социальные программы. Высокие налоги на доходы граждан и корпораций обеспечивают стабильные поступления в бюджет, что даёт возможность финансировать программы в области здравоохранения, образования и пенсионного обеспечения. При этом скандинавские страны сохраняют высокие темпы экономического роста за счёт инвестиций в человеческий капитал и инновации.» [8, с. 14-32]

Англо-американская модель, представленная в странах, таких как США и Великобритания, делает акцент на развитии экономики через стимулирование частного сектора и ограничение социальных обязательств государства. Социальные программы в этих странах более ограничены, а основной акцент делается на самофинансирование населения через частные страховые компании и пенсионные фонды. Это позволяет правительствам направлять больше ресурсов на развитие экономики, однако создаёт проблемы неравенства и доступности базовых социальных услуг, таких как здравоохранение и образование.

«Европейская континентальная модель, представленная такими странами, как Франция и Германия, является компромиссом между скандинавским и англо-американским подходами. Государство активно участвует в финансировании социальных программ, но при этом поддерживает развитие экономики через государственные инвестиции в науку и технологии.» [15, с. 7-25] Это позволяет сохранить социальную стабильность, но требует гибкости в бюджетной политике и поиска компромиссов между социальными и экономическими приоритетами.

Пример азиатских стран, таких как Китай, показывает, что приоритет экономического роста может сочетаться с минимальными социальными обязательствами. «В Китае социальные программы ограничены, а основное внимание уделяется инвестициям в инфраструктуру и промышленное производство. Этот подход позволяет добиваться высоких темпов

экономического роста, но создаёт риск социального неравенства и политической нестабильности.» [4, с. 15-50]

Возможные стратегии разрешения конфликта

Для решения конфликта между социальными обязательствами и экономическим развитием необходимы гибкие механизмы, которые позволяют адаптировать социальные программы к изменяющимся экономическим условиям. «Одной из стратегий является введение автоматической корректировки социальных расходов в зависимости от экономической ситуации.» [6, с. 12-36] Это может включать временное сокращение расходов на социальные программы в периоды экономических спадов и их расширение в периоды роста. Такие системы позволяют поддерживать баланс между социальными обязательствами и необходимостью инвестирования в развитие.

Список литературы:

- [1] Авгутин, И. Н. *Социальное государство: принципы и современное состояние*. — М.: Наука, 2015. — с. 1-25.
- [2] Багрова, Л. И. *Финансирование социального государства в условиях глобализации*. — СПб.: Питер, 2019. — с. 5-30.
- [3] Веймер, Д. Л., Вининг, А. Р. *Политический анализ и государственная политика*. — М.: Весь мир, 2013. — с. 10-40.
- [4] Гаспарян, Т. Н. *Социальные обязательства государства и экономическое развитие*. — Екатеринбург: Уральский университет, 2018. — с. 15-50.
- [5] Долгова, С. М. *Социальная политика в условиях постиндустриального общества*. — М.: Эксмо, 2021. — с. 20-45.
- [6] Жуков, А. И. *Государственные расходы на социальные программы: вызовы XXI века*. — М.: Юрайт, 2017. — с. 12-36.
- [7] Зотов, К. В. *Социальная ответственность государства: история и современность*. — Казань: Казанский университет, 2016. — с. 8-28.
- [8] Иванова, О. Л. *Экономика социального государства: проблемы и перспективы*. — СПб.: Политехника, 2020. — с. 14-32.
- [9] Карцев, В. М. *Социальное государство и глобальные вызовы*. — М.: Альпина Паблишер, 2018. — с. 11-38.
- [10] Лепский, В. Е. *Модели социального государства: опыт различных стран*. — М.:

Издательство МГУ, 2014. — с. 9-25.

[11] Никифоров, А. В. Демографическое старение и его влияние на социальные программы. — М.: Инфра-М, 2021. — с. 16-42.

[12] Петров, Ю. А. Социальные расходы в условиях экономических кризисов. — М.: ВШЭ, 2016. — с. 15-29.

[13] Соколов, И. П. Экономика и социальная политика: поиск баланса. — Новосибирск: Издательство НГУ, 2022. — с. 18-35.

[14] Ткаченко, Е. И. Финансирование социальной защиты в условиях постиндустриальной экономики. — М.: Дашков и Ко, 2020. — с. 13-30.

[15] Федоров, С. В. Социальное государство: перспективы и угрозы. — М.: Российская академия наук, 2017. — с. 7-25.

References:

[1] Augutin, I. N. *Social state: principles and current state*. - M.: Nauka, 2015. - p. 1-25.

[2] Bagrova, L. I. *Financing of the social state in the context of globalization*. - St. Petersburg: Peter, 2019. - p. 5-30.

[3] Weimer, D. L., Vining, A. R. *Political analysis and public policy*. - M.: The whole world, 2013. - from. 10-40.

[4] Gasparyan, T. N. *Social obligations of the state and economic development*. - Yekaterinburg: Ural University, 2018. - p. 15-50.

[5] Dolgova, S. M. *Social policy in a post-industrial society*. - M.: Eksmo, 2021. - from. 20-45.

[6] Zhukov, A. I. *State spending on social programs: challenges of the XXI century*. - M.: Yurayt, 2017. - p. 12-36.

[7] Zotov, K.V. *Social responsibility of the state: history and modernity*. - Kazan: Kazan University, 2016. - p. 8-28.

[8] Ivanova, O. L. *The economy of the social state: problems and prospects*. - St. Petersburg: Polytechnic, 2020. - p. 14-32.

[9] Kartsev, V. M. *Social state and global challenges*. - M.: Alpina Publisher, 2018. - p. 11-38.

[10] Lepsky, V.E. *Models of the social state: the experience of various countries*. - M.: Moscow State University Publishing House, 2014. - p. 9-25.

[11] Nikiforov, A. V. *Demographic aging and its impact on social programs*. - M.: Infra-M, 2021. - p. 16-42.

[12] Petrov, Yu. A. *Social spending in economic crises*. - M.: HSE, 2016. - p. 15-29.

[13] Sokolov, I.P. *Economics and social policy: finding a balance*. - Novosibirsk: NSU Publishing House, 2022. - p. 18-35.

[14] Tkachenko, E. I. *Financing social protection in a post-industrial economy*. - M.: Dashkov and Co., 2020. - p. 13-30.

[15] Fedorov, S.V. *Social state: prospects and threats*. - M.: Russian Academy of Sciences, 2017. - p. 7-25.

ШЕРИЕВ Альберд Малилевич,
старший преподаватель кафедры специальных дисциплин СКИ(ф) КрУ МВД России,
кандидат юридических наук, подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИИ

Аннотация. В статье проводится анализ правовых основ противодействия коррупции. В частности, приводятся федеральные законы, нормы международного права, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ в сфере противодействия коррупции. Также рассматривается деятельность правоохранительных органов по противодействию коррупции.

Ключевые слова: коррупция, закон, нормативный акт, противодействие, раскрытие, пресечение, государственная служба.

SHERIEV Alberd Malilevich,
Senior Lecturer, Department of Special Disciplines, SKI (f) KrU of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Police Lieutenant Colonel

LEGAL BASIS FOR COMBATING CORRUPTION IN RUSSIA

Annotation. The article analyzes the legal framework for combating corruption. In particular, federal laws, norms of international law, decrees of the President of the Russian Federation, decrees of the Government of the Russian Federation in the field of combating corruption are given. The activities of law enforcement agencies to combat corruption are also considered.

Key words: corruption, law, normative act, counteraction, disclosure, suppression, public service.

В России в сфере противодействия коррупции в качестве правовых основ следует понимать законы и нормативные акты, которые в совокупности содержат правовые нормы, ориентированные на борьбу с коррупцией.

Противодействие коррупции в своей правовой основе по структуре состоит из: Конституции РФ, федеральных конституционных законов, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ, нормативных правовых актов Президента Российской Федерации, нормативных

правовых актов Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов иных федеральных органов государственной власти, нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальных правовых актов. Изучение содержания ст. 2 ФЗ № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» показывает и доказывает: на данный момент для борьбы с коррупцией создана обширная правовая база.

Наивысшей юридической силой в Российской Федерации обладает Конституция РФ – важнейший закон страны, согласно

которому на территории РФ и в вопросе антикоррупционной деятельности в приоритете нормы международного права[1]. Таким международным документом, заключающим всеобъемлющие положения, направленные на борьбу с коррупцией, является Конвенция ООН против коррупции (являющаяся универсальным международным договором, направленным на борьбу с коррупцией)[2].

Также важными документами, касающимися данного вопроса являются: Федеральный закон «О противодействии коррупции», Уголовный кодекс Российской Федерации[3], законодательство об административных правонарушениях.

В Федеральном законе «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ в статье 30.1 указано, что за несоблюдение сотрудником полиции ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции в соответствии с Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и другими федеральными законами, налагаются взыскания, предусмотренные федеральным законом, определяющим порядок и условия прохождения службы сотрудниками органов внутренних дел[4].

В соответствии с Федеральным законом «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ ст. 71 п.3 сотрудник органов внутренних дел обязан принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов в соответствии с Федеральным

законом «О противодействии коррупции»[5].

Федеральный закон «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» от 07.05.2013 № 79-ФЗ. Чиновникам запрещается, во-первых, открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные деньги и ценности в зарубежных банках за границей. Во-вторых, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами. Помимо этого их обязывают указывать сведения о принадлежащей им, их супругам и несовершеннолетним детям заграничной недвижимости, об источниках получения средств, на которые она приобретена, об обязательствах имущественного характера за рубежом[6].

Постановление Правительства РФ от 9 января 2014 г. № 10 «О порядке сообщения отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с их должностным положением или исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации»[7]. Чиновники обязаны сообщать своему работодателю обо всех случаях получения ими подарков, которые были вручены на официальных мероприятиях в связи с должностным положением одаряемого или исполнением им служебных (должностных) обязанностей. Это не касается канцелярских принадлежностей, цветов и поощрений (наград).

Среди антикоррупционных положений можно отметить нормы, которые содержатся

в следующих законах: в ФЗ РФ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»[8] определена процедура контроля за расходами государственных служащих, а также их супругов и несовершеннолетних детей.

В Федеральном законе № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 г. в статье 1 ч.2 «Основные понятия, используемые в Федеральном законе» приводится определение понятия «противодействие коррупции». То есть деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

1) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);

2) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);

3) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений[9].

Лицам, находящимся на государственной службе, надлежит отчитываться о каждой сделке любого характера, какую бы они не совершали, будь то недвижимость, приобретение транспортных средств или ценных бумаг. Под контролем должны находиться и источники, на средства которых это имущество приобретается.

В положениях ФЗ «Об

антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [10] определены как правовые, так и организационные основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Так, независимую экспертизу имеют право проводить граждане и общественные организации за свой счет, и после проведенной экспертизы должно быть составлено заключение, отражающее результаты. Данное заключение будет подлежать обязательному рассмотрению, независимо от того будет носить рекомендательный характер.

В ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» конкретно рассмотрены вопросы, касаемо государственной гражданской службы в Российской Федерации, а именно: прописаны вопросы поступления, прохождения и прекращения службы и др. [11].

Законодательная база по борьбе с коррупцией включает и ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», где зафиксировано, что за надзорную деятельность над исполнением законодательства, соблюдением прав граждан, реализацией иных функциональных обязанностей (к которым можно отнести борьбу с коррупционными проявлениями), следит прокуратура [12].

Правовая основа борьбы с коррупцией в РФ, как сказано ранее, состоит из общепризнанных принципов, к которым относятся:

1. признание основных прав и свобод человека и гражданина, их обеспечение и защита;

2. законность;

3. становление деятельности

государственных органов и органов местного самоуправления публичными и открытыми;

4. неизбежность наказания за совершенные коррупционные правонарушения;

5. использование мер для предупреждения коррупции в порядке приоритета;

6. использование в противодействии комплекса мер политических, организационных, социально-экономических, информационно-пропагандистских, правовых, специальных и т. д.;

7. необходимость сотрудничества и коллаборации государства с международными организациями и физическими лицами, а также с институтами гражданского общества.

Нормы международного права в сфере борьбы с коррупцией очень широки. Целесообразно рассматривать некоторые юридические документы, к примеру, одно из первых юридически обязательных соглашений по борьбе с коррупцией – Конвенцию ООН против коррупции от 31 октября 2003 года - в которой приведены криминализируемые коррупционные деяния, такие как подкуп национальных публичных должностных лиц; воспрепятствование отправлению правосудия; злоупотребление влиянием в корыстных целях; хищение имущества в частном секторе; подкуп в частном секторе и др.

Второй ключевой документ, относящийся к рассматриваемой в данном пособии теме, - принятая 21 ноября 1997 г. Конвенция о борьбе с дачей взяток иностранным государственным должностным лицам при осуществлении международных деловых операций.

Как считают ученые, в число документов, которые, «вобрали в себя попытку определения норм международного характера в области гражданского права и коррупции» входит Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию. Особенно важной и интересной в ключе рассматриваемого вопроса является ст. 2 этого документа, где коррупция характеризуется, как «требования, предложения, предоставления или принятия, прямо или косвенно, взятки или другого недолжного преимущества, которое искажает надлежащее исполнение обязанностей получателем взятки или недолжного преимущества». Этот документ был применен с определенной целью – создать качественные механизмы правовой защиты для тех, кто стал жертвой коррупции. Структурно Конвенция разделена на три главы, включающие: меры, необходимые для принятия на национальном уровне, международное сотрудничество, контрольно-надзорная деятельность за выполнением норм документа, а также заключительные положения. Страны, ратифицировавшие Конвенцию, обязуются инкорпорировать нормы и принципы, выраженные в Конвенции, в свое внутреннее законодательство.

В Конвенции подробно рассматриваются следующие пункты:

- ответственность за проявления коррупции, совершенные должностными лицами публичных органов власти, которую несет и государство;
- неосторожность лица, которое пострадало от коррупции;
- юридическая сила сделок;
- обеспечение защиты предоставивших информацию должностных лиц;

- отчеты и аудиты должны быть точными и ясными;
- получение доказательственной базы;
- постановления суда о сохранении собственности необходимы для обеспечения исполнения окончательных постановлений и поддержания правового положения до решения окончательных вопросов;
- международный уровень сотрудничества[13].

Указ Президента РФ № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы» был принят 16 августа 2021 года[14]. В документе утверждены органы государственной власти и другие субъекты, которые принимают участие в мероприятиях по борьбе с коррупцией на территории Российской Федерации.

Определяющую роль в раскрытии коррупционных фактов играют подразделения МВД России, Федеральной службы безопасности, Следственного комитета РФ и других ведомств. При проведении координационной деятельности Генеральной прокуратурой руководителям правоохранительных органов постоянно ставятся задачи по усилению этой работы.

Вектор борьбы с коррупцией в Российской Федерации устанавливает Президент, а реализуется данная борьба непосредственно соответствующими министерствами и ведомствами. Исчерпывающий перечень органов государственной власти, которые принимают непосредственное участие в борьбе с коррупцией указан в Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы.

В контексте характеристики мер

борьбы с коррупцией, кратко остановимся на функциональных обязанностях отдельных субъектов в соответствии с вышеуказанным документом. Например, в Администрации Президента РФ есть Совет по противодействию коррупции и профильное Управление, которое участвует в разработке и подготовке законодательных проектов, мер и рекомендаций по противодействию коррупции, анализирует опыт реализации Федерального закона о противодействии коррупции и участвует в борьбе с коррупцией. Основная задача Управления ограничивается надзором за выполнением Федерального закона «О противодействии коррупции» государственными органами власти и поддержкой деятельности Совета при президенте РФ по борьбе с коррупцией.

Первоочередный приоритет в антикоррупционной борьбе – представляет собой деятельность Генеральной прокуратуры как надзорного органа, в задачи которого в отношении данной конкретной проблемы входит анализ и контроль исполнения Федерального закона «О противодействии коррупции». Обязанностями данного органа являются также, и координация деятельности правоохранительных органов в отношении противодействия коррупции и ведение административных и уголовных расследований коррупционных правонарушений.

Действия против коррупционеров находятся под надзором Следственного комитета Российской Федерации, который обязан получать и обрабатывать сообщения о коррупционных преступлениях и их расследование, разработка антикоррупционных мер, направленных на качественную реализацию Федерального

закона «О противодействии коррупции».

Ключевую роль в борьбе с коррупцией играют Федеральная служба безопасности Российской Федерации (ФСБ РФ) и Министерство внутренних дел Российской Федерации (МВД РФ).

Органы надзора, которые зачастую являются инициаторами расследований коррупционных дел, являются Росфинмониторинг, Минюст РФ, Счетная палата, Минтруд, Федеральная налоговая служба, Росреестр [15].

Российская правовая база по борьбе с коррупцией включает рекомендации по методам предотвращения коррупционной практики, к примеру, такие как «Реализация профилактических мероприятий подразделениями кадровых служб федеральных госорганов», «Организация антикоррупционного обучения» и т.д. Хотя законодательный подход к борьбе с коррупцией достаточно логичен, в действительности четкое понимание этого механизма противодействия отсутствует, в связи с чем, проявления коррупции все еще не редкость.

Также следует обратить внимание и на психологию граждан, подключить к борьбе и социально-психологические меры помимо имеющихся мер, ведь любые действия, совершаемые с корыстной целью, и действия в целом, - дело рук человека, гражданина, который желает заполучить выгоду для третьих лиц или для самого себя. По этой причине одним из наиболее важных, ключевых направлений в антикоррупционной борьбе может стать социально-психологический метод и его действия, а также исследование поведения человека, несущее коррупционные мотивы.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что на настоящий момент в России создана внушительная законодательная база для борьбы с коррупцией. Одновременно с этим очевидно то, что только лишь правовых мер для искоренения этого негативного социального явления недостаточно. Необходимо активно внедрять в практику противодействия коррупции методологию социально-психологического воздействия.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения 15.05.2025 г.)

[2] Доронина Н.Г., Семилютина Н.Г. Борьба с коррупцией как проблема национального, международного или «супернационального» правового регулирования// Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – Т. 19. – № 6. – С. 52.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения 15.07.2025 г.)

[4] Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 15.08.2023 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12182530/> (дата обращения 15.08.2023 г.)

16.06.2025 г.)

[5] Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 01.06.2025 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12192456/> (дата обращения 16.06.2025 г.)

[6] Федеральный закон от 07.05.2013 № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» (ред. от 10.07.2023 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70372954/> (дата обращения 16.04.2025 г.)

[7] Постановление Правительства РФ от 9 января 2014 г. № 10 «О порядке сообщения отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с их должностным положением или исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации. (ред. от 24.03.2023 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70457294/> (дата обращения 16.06.2025 г.)

[8] Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (ред. от 10.07.2023 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70271682/> (дата обращения 18.05.2025 г.)

[9] Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 30.12.2023 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12164203/> (дата обращения 20.06.2025 г.)

[10] Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (ред. от 5.12.2022 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/195958/> (дата обращения 10.05.2025 г.) 11. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 22.04.2024 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12136354/> (дата обращения 21.05.2025 г.)

[11] Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10164358/> (дата обращения 23.05.2025 г.)

[12] Доронина Н.Г., Семилютина Н.Г. Борьба с коррупцией как проблема национального, международного или «супернационального» правового регулирования// Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – Т. 19. – № 6. – С. 57.

[13] Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402519978/> (дата обращения 25.05.2025 г.)

[14] Макарова Е.И., Крупко Н.А. Взаимодействие субъектов борьбы с коррупцией: определение понятия // В сборнике: Современные научные изыскания в сфере государственного

References:

- [1] *Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993)* [Electronic resource]. - Access mode: <https://base.garant.ru/10103000/> (accessed 15.05.2025)
- [2] Doronina N.G., Semilyutina N.G. The fight against corruption as a problem of national, international or «super-national» legal regulation//*Journal of foreign legislation and comparative law*. – 2023. - VOL. 19. – № 6. - S. 52.
- [3] *Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on 04.08.2023)* [Electronic resource]. - Access mode: <https://base.garant.ru/10108000/> (accessed 15.07.2025)
- [4] *Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ «On the Police» (as amended on 15.08.2023)* [Electronic Resource]. - Access mode: <https://base.garant.ru/12182530/> (accessed 16.06.2025)
- [5] *Federal Law of November 30, 2011 No. 342-FZ «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (as amended on June 1, 2025)* [Electronic Resource]. - Access mode: <https://base.garant.ru/12192456/> (accessed 16.06.2025)
- [6] *Federal Law No. 07.05.2013 of 79-FZ «On the Prohibition of Certain Categories of Persons to Open and Have Accounts (Deposits), to Keep Cash and Valuables in Foreign Banks Located Outside the Territory of the Russian Federation, to Own and (or) to Use Foreign Financial Instruments» (as amended on 10.07.2023)* [Electronic Resource]. - Access mode: <https://base.garant.ru/70372954/> (accessed 16.04.2025)
- [7] *Decree of the Government of the Russian Federation of January 9, 2014 No. 10 «On the procedure for reporting by certain categories of persons on receipt of a gift in connection with their official position or performance of official (official) duties, delivery and evaluation of a gift, sale (redemption) and crediting of funds received from its sale. (as amended 24.03.2023)* [Electronic Resource]. - Access mode: <https://base.garant.ru/70457294/> (accessed 16.06.2025)
- [8] *Federal Law of December 3, 2012 No. 230-FZ «On Control over the Compliance of Expenses of Persons Holding Public Office and Other Persons with their Income» (as amended on December 10.07.2023)* [Electronic Resource]. - Access mode: <https://base.garant.ru/70271682/> (accessed 18.05.2025)
- [9] *Federal Law No. 25 dated December 2008, 273-FZ «On Combating Corruption» (as amended on 30.12.2023)* [Electronic resource]. - Access mode: <https://base.garant.ru/12164203/> (accessed 20.06.2025)
- [10] *Federal Law No. 17 dated July 2009, 172-FZ «On Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts» (as amended on July 5.12.2022)* [Electronic Resource]. - Access mode: <https://base.garant.ru/195958/> (accessed 10.05.2025) 11. *Federal Law of July 27, 2004 No. 79-FZ «On the State Civil Service of the Russian Federation» (as amended on 22.04.2024)* [Electronic Resource]. - Access mode: <https://base.garant.ru/12136354/> (accessed 21.05.2025)
- [11] *Federal Law of January 17, 1992 No. 2202-I «On the Prosecutor's Office of the Russian*

Federation» (as amended on 25.12.2023) [Electronic Resource]. - Access mode: <https://base.garant.ru/10164358/> (accessed 23.05.2025)

[12] Doronina N.G., Semilyutina N.G. The fight against corruption as a problem of national, international or «super-national» legal regulation//Journal of foreign legislation and comparative law. – 2023. - VOL. 19. – № 6. - S. 57.

[13] Decree of the President of the Russian Federation of August 16, 2021 No. 478 «On the National Anti-Corruption Plan for 2021 - 2024» [Electronic Resource]. - Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402519978/> (accessed 25.05.2025)

[14] Makarova E.I., Krupko N.A. Interaction of anti-corruption actors: definition of the concept//In the collection: Modern scientific research in the field of state and municipal administration. - Lugansk: Knowledge, 2023. - S. 6.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

DOI: 10.24412/cl-37382-2025-3-107-112

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2025 г.

МИЛЮКОВА Александра Сергеевна,

Обучающаяся 2 курса магистратуры ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»,

e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:

ФИЛИПОВА Елена Олеговна,

Доцент, кандидат педагогических наук ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»,

e-mail: mail@law-books.ru

ЖЕРТВЫ БЫТОВОГО НАСИЛИЯ, КТО ОНИ?

Аннотация. В настоящей научной статье проводится комплексный анализ личности жертвы бытового насилия с позиций юриспруденции и криминологической виктимологии. Исследуется понятийный аппарат, раскрываются социально-демографические, психологические и поведенческие характеристики жертв. Особое внимание уделяется анализу криминогенных детерминант, способствующих виктимизации личности в семейно-бытовой сфере. На основе изучения теоретических подходов и эмпирических данных формируется многоаспектный портрет жертвы, рассматриваются проблемы ее правового статуса и защиты.

Ключевые слова: бытовое насилие, жертва, виктимология, виктимность, криминологическая характеристика, потерпевший, семейно-бытовые преступления, правовой статус жертвы, криминогенные факторы.

MILYUKOVA Alexandra Sergeevna,

2-year master's degree student of FSBEI HE «Orenburg State University»

Supervisor:

FILIPPOVA Elena Olegovna,

Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University»

VICTIMS OF DOMESTIC VIOLENCE, WHO ARE THEY?

Annotation. This scientific article provides a comprehensive analysis of the personality of a victim of domestic violence from the perspective of jurisprudence and criminological victimology.

The conceptual framework is explored, and the socio-demographic, psychological, and behavioral characteristics of victims are revealed. Special attention is given to the analysis of criminogenic determinants that contribute to the victimization of individuals in the family and domestic sphere. Based on the study of theoretical approaches and empirical data, a multifaceted portrait of the victim is formed, and the issues of their legal status and protection are addressed.

Key words: *domestic violence, victim, victimology, victimization, criminological characteristics, victim, family and domestic crimes, legal status of the victim, and criminogenic factors.*

Проблема бытового насилия сохраняет свою исключительную актуальность для современного российского общества и правовой науки. Обладая высокой степенью латентности, данный вид противоправного поведения наносит колоссальный ущерб не только физическому и психическому здоровью граждан, но и подрывает фундаментальные основы института семьи, формирует деструктивные модели поведения, воспроизводящиеся в последующих поколениях. Согласно данным Консорциума женских неправительственных объединений, полученным в результате анализа судебных приговоров, в 2020-2021 гг. более 70% всех убитых в России женщин стали жертвами именно домашнего насилия, что свидетельствует о системном характере и угрожающих масштабах данного явления.

Несмотря на общественный резонанс, фигура жертвы бытового насилия до сих пор окружена множеством социальных стереотипов и научных дискуссий. Ответ на вопрос «Кто они, жертвы бытового насилия?» требует глубокого междисциплинарного исследования, выходящего за рамки сугубо формально-юридического анализа.

Для формирования научного представления о жертве бытового насилия необходимо обратиться к семантике и юридической доктрине. Как справедливо

отмечает К. В. Филиппенко, ссылаясь на толковый словарь В. И. Даля, категория «жертва» исторически имеет несколько значений: от сакрального приношения до лица, пострадавшего от каких-либо причин [1; 3]. В юридическом языке понятие «жертва» зачастую синонимично термину «потерпевший», который имеет строго определенное процессуальное содержание, закрепленное в ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Однако криминологическое учение о жертве – виктимология – трактует это понятие значительно шире.

Виктимология (от лат. *victima* – жертва и греч. *logos* – учение) рассматривает жертву не только как пассивный объект преступного посягательства, но и как активного участника криминогенной ситуации. Расширенное толкование допускает причисление к жертвам лиц, которым причинен вред не только в результате преступлений, но и вследствие иных внешних воздействий [3]. Такой подход позволяет анализировать не только свершившийся факт причинения вреда, но и предпосылки, приведшие к нему.

Особый интерес представляет концептуальное различие в системах отношений, на которое указывает К. В. Филиппенко. Традиционное понимание основано на объект-субъектных отношениях: есть субъект (наильник) и объект его

воздействия (жертва). Однако существует и иная система, субъект-субъектного типа, отраженная в формуле В. И. Даля: «другой же [бывает жертвой] необузданности своей» [3]. В этом контексте сам правонарушитель может рассматриваться как жертва собственных страстей, неспособности прогнозировать правовые последствия своих действий. Эта идея, заключающаяся в том, что бытовые насильники становятся жертвами собственных деяний, не предвидя наступления ответственности, является важным элементом для понимания психологии агрессора, но в рамках нашего исследования мы сосредоточимся на традиционном понимании жертвы как лица, которому причинен вред в результате насильственных действий со стороны другого лица.

Таким образом, для целей криминологического анализа под жертвой бытового насилия следует понимать физическое лицо, которому в результате умышленных противоправных действий другого лица, состоящего с ним в семейно-бытовых отношениях, причинен физический, психический, сексуальный или имущественный вред, независимо от того, был ли виновный установлен и привлечен к уголовной ответственности.

Бытовое насилие представляет собой не единичный акт, а, как правило, систематический процесс, характеризующийся эскалацией. Оно может проявляться в различных формах, которые зачастую сочетаются друг с другом:

Действия, направленные на причинение телесных повреждений различной степени тяжести – от побоев до убийства. Сюда же относятся угрозы применения силы и иные действия, вызывающие у жертвы страх за свою жизнь и здоровье.

Совершение действий сексуального характера вопреки воле партнера, принуждение к неприемлемым формам сексуальных отношений.

Наиболее распространенная и трудно доказуемая форма, включающая в себя словесные оскорбления, унижения, шантаж, тотальный контроль, изоляцию от социального окружения (родственников, друзей), игнорирование эмоциональных потребностей [6].

Контроль над финансовыми ресурсами жертвы, отказ в выделении средств на необходимые нужды (питание, лечение, содержание детей), принуждение к экономической зависимости [6].

Длительное пребывание в ситуации насилия приводит к формированию у жертвы специфических психологических особенностей и комплексов, которые затрудняют выход из деструктивных отношений. Ключевыми из них являются:

1. Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР). Жертвы могут испытывать навязчивые воспоминания о пережитом насилии, панические атаки, тревожность, нарушения сна. Любые триггеры, напоминающие о травмирующей ситуации, могут вызывать острую стрессовую реакцию [4, с. 112].

2. Синдром приобретенной (выученной) беспомощности. Вследствие многократных неудачных попыток изменить ситуацию или избежать насилия у жертвы формируется убеждение в собственной неспособности контролировать происходящее. Она перестает предпринимать какие-либо действия для своего спасения, пассивно принимая насилие как неизбежность.

3. Низкая самооценка и чувство вины. Агрессор систематически внушает жертве мысль о ее никчемности, неполноценности, провоцируя ее на «неправильные» действия. В результате жертва начинает верить в свою виновность в происходящем, оправдывая поведение насильника («я сама его спровоцировала»). Это чувство вины является мощным барьером, мешающим обратиться за помощью [4, с. 115].

4. Социальная изоляция и трудности в отношениях. Насильник целенаправленно ограничивает социальные контакты жертвы, что лишает ее внешней поддержки. Пережитый травматический опыт формирует глубокое недоверие к людям, что в будущем затрудняет построение здоровых межличностных отношений.

5. Эмоциональный дистресс. Постоянное нахождение в состоянии страха, гнева, фрустрации и уныния истощает нервную систему, приводя к депрессивным расстройствам и психосоматическим заболеваниям.

Совокупность этих черт формирует так называемое виктимное поведение – особый образ мышления и действий, характеризующийся ощущением бессилия и фатальной предрешенности своей участи [2].

Виктимизация личности в сфере быта является результатом сложного взаимодействия множества факторов как микро-, так и макроуровня. Анализ, проведенный К. В. Филиппенко, позволяет выделить ряд ключевых криминогенных детерминант [3].

Во-первых, общая социально-психологическая обстановка в обществе. Высокий уровень недоверия к государственным

институтам (правоохранительным органам, судам, местным властям), убежденность в тотальной коррумпированности приводят к неверию в возможность правового разрешения конфликтов. Как следствие, граждане предпочитают «разбираться» самостоятельно, что часто приводит к эскалации бытовых ссор до преступного насилия.

Во-вторых, социально-экономическая неустроенность. Низкий уровень доходов, неудовлетворенность материальным положением, безработица, жилищные проблемы создают перманентное состояние психической напряженности. По данным, приводимым К. В. Филиппенко, 89% опрошенных не удовлетворены своим доходом. Эта неудовлетворенность, проецируемая на близких, становится катализатором конфликтов. Человек, чувствующий себя неудачником во внешнем мире, стремится компенсировать это за счет доминирования и утверждения своей власти в семье, используя для этого силовые методы.

В-третьих, трансформация ценностных ориентаций и досуговых практик. Смещение акцентов с духовных ценностей на материальные, культ потребительства, пропагандируемый многими телевизионными программами, формируют искаженную картину мира. Преобладание пассивных форм досуга (просмотр ТВ, пребывание дома) сужает круг социальных контактов и усиливает концентрацию на бытовых проблемах. Как отмечается, «оседлая жизнь увеличивает шанс усиления противоречий в быту», поскольку смена обстановки отвлекает от рутинных проблем, а ее отсутствие, наоборот, обостряет их [3].

В-четвертых, употребление алкоголя является одним из мощнейших катализаторов

бытовой агрессии. В состоянии опьянения снимаются внутренние социальные и моральные тормоза, ослабевает самоконтроль, что приводит к немотивированной жестокости.

В-пятых, модель взаимоотношений, усвоенная в родительской семье, часто воспроизводится в собственной. Данные Фонда «Общественное мнение» показывают, что физические наказания детей широко распространены: каждый второй респондент подвергался им в детстве [3]. Ребенок, наблюдающий насилие между родителями или подвергающийся ему сам, интериоризирует эту модель как норму разрешения конфликтов. Впоследствии он с высокой вероятностью станет либо агрессором, либо жертвой. Это создает замкнутый, детерминированный круг насилия, где жертва и насильник могут меняться ролями.

Таким образом, жертва бытового насилия оказывается в эпицентре пересечения множества негативных факторов: личной психологической предрасположенности, деструктивных семейных сценариев, а также

общего социального и экономического неблагополучия в стране.

Феномен бытового насилия демонстрирует, что жертва и агрессор находятся в тесной, патологической взаимосвязи, образуя замкнутую систему, подпитываемую как внутренними противоречиями, так и внешним социальным давлением. Эффективное противодействие этому явлению невозможно без комплексного подхода, сочетающего в себе совершенствование законодательства, создание действенной системы помощи жертвам (кризисные центры, убежища), повышение правовой культуры граждан и работу по изменению общественных стереотипов, оправдывающих насилие в семье. Дальнейшие научные изыскания должны быть направлены на разработку эффективных виктимологических программ профилактики и реабилитации жертв бытового насилия, а также на изучение правоприменительных проблем, связанных с защитой их прав и законных интересов.

Список литературы:

- [1] Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, 1989. – Т. 1. – 699 с.
- [2] Институт современных психологических технологий : [сайт]. – Москва, 2024. – URL: <https://www.paracels.ru/populjarnaja-psihologija/viktimnoe-povedenie-v-psihologii/> (дата обращения: 15.08.2025).
- [3] Филиппенко, К. В. Криминологические особенности жертв бытового насилия / К. В. Филиппенко // Вестник Омской юридической академии. – 2010. – № 1 (12). – С. 36-39.
- [4] Качаева, М. А., Дозорцева Е.Г., Нуцкова Е.В. Отсроченные последствия пережитого домашнего насилия у женщин и девочек // Психология и право. – 2017. – Том 7, № 3. – С. 110-126.
- [5] Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 1997. – 510 с.
- [6] Семерикова, А. А. Психологические особенности виктимного поведения женщин в ситуации домашнего насилия / А. А. Семерикова, Н. Р. Анисимова // Сервис в России и за

рубежом. – 2015. – Т. 9, № 1 (57). – С. 98-107.

[7] Ривман, Д. В. Криминальная виктимология / Д. В. Ривман. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 304 с.

References:

[1] Dahl, V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes/V.I. Dahl. - Moscow: Russian language, 1989. - VOL. 1. - 699 s.

[2] Institute of Modern Psychological Technology: [website]. - Moscow, 2024. – URL: `<https://www.paracels.ru/populjarnaja-psihologija/viktimnoe-povedenie-v-psihologii/>` (дата обращения: 15.08.2025).

[3] Filippenko, K.V. Criminological features of victims of domestic violence/K.V. Filippenko// Bulletin of the Omsk Law Academy. – 2010. – № 1 (12). - S. 36-39.

[4] Kachaeva, M.A., Dozortseva E.G., Nutskova E.V. Delayed consequences of experienced domestic violence in women and girls//Psychology and law. – 2017. - Volume 7, No. 3. - S. 110-126.

[5] Criminology: textbook/ed. V.N. Kudryavtseva, V.E. Eminova. - 2nd ed., Revised and add. - Moscow: Lawyer, 1997. - 510 s.

[6] Semerikova, A. A. Psychological features of victimized behavior of women in a situation of domestic violence/A. A. Semerikova, N. R. Anisimova//Service in Russia and abroad. – 2015. - Т. 9, NO. 1 (57). - S. 98-107.

[7] Rivman, D. V. Criminal Victimology / D. V. Rivman. – Saint Petersburg : Peter, 2002. – 304 p.

КАЗАКОВ Аслан Аликович,
*преподаватель кафедры ГиГПД Северо-Кавказского института (филиал) Краснодарского
университета МВД РФ,
e-mail: mail@law-books.ru*

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ КОРРУПЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые проблемы расследования взяточничества, а также представлены возможные пути их решения в контексте современного уровня развития российского государства.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, расследование, оперативно-розыскные мероприятия, совершенствование законодательства, планирование.

KAZAKOV Aslan Alikovich,
*Lecturer at the Department of Civil Defense of the North Caucasus Institute (branch) of the
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

RESEARCH ON CORRUPTION IN LAW ENFORCEMENT

Annotation. The article considers some problems of investigation of bribery, and also presents possible ways of their solution in the context of the modern level of development of the Russian state.

Key words: corruption, bribery, investigation, operational-search measures, improvement of legislation, planning.

В Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Президентом РФ в 2021 г., искоренение коррупции обозначено в качестве национальных интересов государства на современном этапе, что подчеркивает его значимость для обеспечения стабильности и безопасности как на уровне государства, так и в общественном сознании [1].

В последние годы наблюдается позитивная тенденция в борьбе с коррупцией в Российской Федерации, что выражается в постепенном снижении уровня коррупционных преступлений.

Однако коррупция по-прежнему

оказывает негативное влияние на все сферы жизнедеятельности. Проблема коррумпированности является серьезным препятствием на пути к достижению стабильного и гармоничного развития как внутри страны, так и в рамках международного сотрудничества, подрывает доверие к институтам власти, ухудшает инвестиционный климат и препятствует реализации национальных проектов, что в свою очередь сказывается на общем уровне благосостояния граждан.

Ключевым инструментом в борьбе с рассматриваемым негативным явлением современной действительности

является эффективное и результативное расследование коррупционных преступлений [2], способствующее укреплению основ демократии и справедливости в обществе, законности и правопорядка.

Основой успешного расследования данного вида преступлений является грамотное и продуманное планирование предстоящих следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, включающее в себя не только разработку четкого плана действий, но и обеспечение его реализации в строго определенные сроки, что позволяет оперативно реагировать на любые изменения в ситуации и предотвращать возможность совершения новых коррупционных преступлений.

Характер полученной информации по факту взяточничества провоцирует выдвижение различных версий, как например: взятка уже передана, либо только вымогается; заявитель из личных побуждений (месть, зависть) пытается оговорить, скомпрометировать должностное лицо; заявитель заблуждается касаясь характера переданных ценностей (переданы правомерно, с актом передачи в силу связи должностного лица с предполагаемым взяткодателем); имеется заблуждение касаясь должностного положения лица (получил вознаграждение за профессиональную деятельность); по факту наличие иного преступления (злоупотребления должностным положением, мошенничество) [3].

В случае установления факта, что взяточничество является наиболее вероятной версией, продолжается анализ полученных фактов и их дальнейшее сопоставление с имеющимися материалами, а также выдвижение иных версий по

всем обстоятельствам, которые подлежат установлению в ходе расследования.

Как показывает практика проведение четко организованных оперативно-розыскных мероприятий и первоначальных проверочных действий повышает эффективность раскрытия и расследования коррупционных преступлений.

Для оперативного и эффективного расследования коррупционных преступлений важную роль играет правильный выбор меры пресечения для подозреваемого, что способствует недопущению уничтожения или сокрытия важной для расследования информации, имеющей криминалистическую ценность.

Исследование проблематики взяточничества в контексте правоохранительной деятельности позволяет выделить определенные проблемы, затрагивающие не только непосредственно процесс выявления и документирования фактов коррупции, но и сбора доказательственной базы, необходимой для качественного расследования и передачи дела в судебные органы [4].

Важно не только выявить факт дачи или получения взятки, но и обеспечить надлежащую доказательственную базу для последующего судебного разбирательства, что возможно посредством использования современных технологий слежения, прослушивания телефонных разговоров, а также привлечения специалистов в области финансовой аналитики.

Роль таких специалистов в коррупционных делах нельзя недооценивать: они способны не только выявлять факты коррупционных действий, но и отслеживать

финансовые потоки, в т.ч. скрытые механизмы передачи взяток. коррупционными преступлениями.

Представляется, что для решения проблем, связанных с расследованием взяточничества, особую значимость имеет совершенствование законодательства, а именно внесение изменений и дополнений в действующие нормативно-правовые акты, регламентирующие указанную деятельность.

Нельзя недооценивать важность и значимость повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов, от профессионализма которых, умения действовать независимо и сохранять непредвзятость, во многом зависит успешность и результативность борьбы с

Коррупционные преступления имеют сложную структуру и требуют от сотрудников правоохранительных органов не только знания законодательства, но и способности к аналитическому мышлению, а также умения работать в команде и принимать взвешенные решения.

В заключение следует отметить, что проблемы, связанные с расследованием взяточничества, требуют комплексного подхода и взаимодействия различных государственных структур, а также активного участия гражданского общества в борьбе с коррупцией.

Список литературы:

[1] Низаева С.Р. *Тактические особенности расследования взяточничества // Актуальные проблемы правового регулирования, организации и тактики производства следственных действий: Матер. межд. науч.-практ. конф.. Омск, 2024. С. 66.*

[2] Геляхова Л.А., Машекуашева М.Х. *Профессиональное антикоррупционное самоопределение как важнейшая характеристика личностного роста. Право и управление. 2023. № 9. С. 48-50.*

[3] Манукян А.Р., Машекуашева М.Х. *Понятие антикоррупционного просвещения и его роль в механизме противодействия коррупции. Право и управление. 2023. № 8. С. 126-129.*

[4] В.Н. Косарев, Л.В. Косарева, И.В. Макогон. *Некоторые особенности механизма детерминации коррупции. Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (19 апреля 2013 г., г. Хабаровск) / В.А. Авдеев, О.А. Авдеева, В.В. Агильдин и др.; под ред. Т.Б. Басовой, К.А. Волкова; Хабаровский краевой суд, Дальневосточный филиал Российской академии правосудия. Хабаровск: ООО Издательство «Юрист», 2013. 200 с.*

References:

[1] Nizaeva S.R. *Tactical features of bribery investigation // Actual problems of legal regulation, organization and tactics of investigative actions: Mater. inter. scientific-practical conf.. Omsk, 2024. S. 66.*

[2] Gelyakhova L.A., Mashekuasheva M.Kh. *Professional anti-corruption self-determination as the most important characteristic of personal growth. Law and governance. 2023. № 9. S. 48-50.*

[3] Manukyan A.R., Mashekuasheva M.Kh. *The concept of anti-corruption education and its*

role in the anti-corruption mechanism. Law and governance. 2023. № 8. S. 126-129.

[4] V.N. Kosarev, L.V. Kosareva, I.V. Makogon. Some features of the mechanism for determining corruption. Actual problems of countering corruption crimes: Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (April 19, 2013, Khabarovsk)/V.A. Avdeev, O.A. Avdeeva, V.V. Agildin and others; ed. T.B. Basova, K.A. Volkova; Khabarovsk Regional Court, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Justice. Khabarovsk: LLC Publishing House «Lawyer,» 2013. 200 s.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

DOI: 10.24412/cl-37382-2025-3-117-120

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.08.2025 г.

КУМЕХОВА Марьяна Борисовна,
*преподаватель кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения
квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД РФ,
e-mail: mail@law-books.ru*

О ФАКТОРАХ, СПОСОБСТВУЮЩИХ РОСТУ КОРРУПЦИОННЫХ НАРУШЕНИЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье рассмотрены существующие объективные и субъективные причины проявлений коррупции, которые носят различный характер: от политических и экономических, до социально-психологических и имеющих нравственный характер. Обозначены точки зрения, которых придерживается ряд авторов, занимающихся изучением этого вопроса.

Ключевые слова: коррупция, явление, бюрократия, полномочия, борьба, противодействие, последствия, причины, условия.

KUMEKHOVA Maryana Borisovna,
*Lecturer of the Department of Specialized Disciplines North Caucasian Institute for Advanced
Studies (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian
Federation*

ON FACTORS CONTRIBUTING TO THE GROWTH OF CORRUPTION VIOLATIONS AND CRIMES

Annotation. The article considers the existing objective and subjective reasons for the manifestations of corruption, which are of a different nature: from political and economic, to socio-psychological and having a moral character. The points of view held by a number of authors studying this issue are indicated.

Key words: corruption, phenomenon, bureaucracy, authority, struggle, counteraction, consequences, causes, conditions.

Правосознание представляет собой внутренний регулятор человеческого поведения. Неверно говорить, что все люди живут по нравственным принципам, верным же является то, что противоправное поведение в виде дачи или получения взятки является нормой для многих людей.

Таким образом, у исследователей нет единого мнения в отношении понятия «коррупция», что же касается данного исследования, то мы даем следующее определение данного социально-негативного явления: под «коррупцией» подразумевается запрещенная деятельность[1], которая

создается должностными лицами, занимающими посты в органах государственной власти, и простыми людьми для удовлетворения личных потребностей или потребностей третьих лиц.

Коррупция, как понятие, многогранно, невозможно выделить ее отдельный тип. В наибольшей степени правильная классификация видов коррупции выглядит следующим образом: коррупция в области экономической деятельности, управленческой деятельности, идейная, кадровая и бытовая коррупция[2].

Итак, изучим подробнее причины, перечисленные ранее в более подробной классификации.

1. Причины, несущие в себе экономический характер:

- низкая зарплата, инфляция, безработица, различного рода бюрократические преграды, препятствующие осуществлению предпринимательской деятельности;

- разделение общества на материально обеспеченных и не обеспеченных, где первые могут воспользоваться своей возможностью решения проблем при помощи взяток, порой в больших и даже огромных суммах, так что у представителей различных органов власти порой не хватает силы отказаться от взяток (так случается особенно, если у самого служащего есть желание получить эту обещанную выгоду и имеется низкий уровень правосознания).

Существуют также и случаи, при которых служащие добиваются успеха в результате коррупционной деятельности (подкуп, взятки, которые они получают либо дают сами), а не из-за служебной[3].

2. Причины, несущие политический характер:

- отсутствие «прозрачности» власти, госслужащие органов государственной власти для простых граждан не должны находиться за занавесом, а должны быть ближе к народу;

- недостаточный государственный и общественный контроль институтов гражданского общества за деятельностью государственных служащих органов власти;

- «политическая целесообразность», назначение наказания в отношении должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления должно соответствовать принципу уголовного права - принципу справедливости;

- деятельность должностных лиц без достаточного уровня профессионального образования, необходимого для исполнения обязанностей;

- «правовой нигилизм», уверенность в силе действующего закона лица, совершающего коррупционное преступление, начинает снижаться, в итоге, лицо, дойдя до крайностей, перестает верить в силу закона;

- недостатки в правовом регулировании и в практике взаимодействия федеральных, региональных и муниципальных органов государственной власти.

3. Социально-психологические и нравственные причины, объединенные по своему смыслу и принципу в одну категорию:

- отсутствие гарантий самосохранения усиливает искушение по отношению к коррупции;

- чувство неуверенности, которое зарождается и укрепляется при нестабильности в стране;

• изначальная подготовка психологии человека к коррупции. Так исторически сложилось, что большинство людей считает, что все можно в этой жизни сделать за деньги, а без денежных средств невозможно решить ни одну проблему [4]. Истоки данной причины – в периодах дефицита в стране, когда «подношения», на тот момент имеющие вид подарков, были обязательным ритуалом, который гарантировал хорошую работу, отpravку детей в школу, и не воспринималось за взятку.

Одним из основных факторов, способствующих росту коррупционных нарушений и преступлений, выступают правовые факторы, являющиеся основной причиной коррупции [5]. В

российском законодательстве существуют пробелы в нормативно-правовых актах, отсутствие или неопределенность сроков и оснований принятия решений, а также неурегулированность правовых норм, выражающаяся в том, что государственные органы, органы местного самоуправления и организации (их должностные лица) используют двусмысленные термины и категории оценочной направленности, наличие коллизий норм права и лингвистической неопределенности [6]. Нестабильность законодательства может стать причиной произвола и коррупции. Благоприятные условия для коррупции создаются благодаря постоянным изменениям в нормативном правовом регулировании управления.

Список литературы:

- [1] Милованова Д.П. Коррупция в современной России: проблемы противодействия и меры борьбы с коррупцией // *Студенческий вестник*. – 2023. – № 10-4 (249). – С. 5.
- [2] Федоров С.А. Коррупция и противодействие коррупции средствами прокурорского надзора // *Решение*. – 2022. – Т. 1. – С. 320.
- [3] Цопанова А.Г., Волошина З.А., Шевчук А.П. Коррупция: понятие, сущность коррупции как правонарушения // В сборнике: *Управление государственное, муниципальное и корпоративное: теория и лучшие практики*. - Ростов-на-Дону: РГУПС, 2022. – С. 126.
- [4] Манукян А.Р., Машекуашева М.Х. Понятие антикоррупционного просвещения и его роль в механизме противодействия коррупции // *Право и управление*. 2023. № 8. С. 126-129.
- [5] Проблемы борьбы с организованной преступностью (учебное пособие) (Королева М.В., Мацкевич И.М.: 6 под. общ. ред. д.ю.н., проф. И.М. Мацкевича; науч. ред. Т.В. Редникова). - «Проспект», 2021.
- [6] Геляхова Л.А., Машекуашева М.Х. Профессиональное антикоррупционное самоопределение как важнейшая характеристика личностного статуса. *Право и управление*. 2023. № 9. С. 48-50.

References:

- [1] Milovanova D.P. Corruption in modern Russia: problems of counteraction and anti-corruption measures//*Student Bulletin*. – 2023. – № 10-4 (249). - S. 5.
- [2] Fedorov S.A. Corruption and anti-corruption by means of prosecutorial supervision//

Decision. – 2022. - VOL. 1. - S. 320.

[3] *Tsopanova A.G., Voloshina Z.A., Shevchuk A.P. Corruption: the concept, essence of corruption as an offense//In the collection: State, municipal and corporate management: theory and best practices. - Rostov-on-Don: RGUPS, 2022. - S. 126.*

[4] *Manukyan A.R., Mashekuasheva M.Kh. The concept of anti-corruption education and its role in the anti-corruption mechanism*

Law and governance. 2023. № 8. S. 126-129.

[5] *Problems of combating organized crime (training manual) (Queen M.V., Matskevich I.M.:6 under. general ed. Doctor of Legal Sciences, prof. IM Matskevich; scientific. ed. T.V. Rednikov). - «Prospect,» 2021.*

[6] *Gelyakhova L.A., Mashekuasheva M.Kh. Professional anti-corruption self-determination as the most important characteristic of personal status. Law and governance. 2023. № 9. S. 48-50.*

DOI: 10.24412/cl-37382-2025-3-121-123

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.08.2025 г.

МАШЕКУАШЕВА Маргарита Хасанбиевна,
*доцент кафедры ГиГПД Северо-Кавказского института (филиал) Краснодарского
университета МВД России, кандидат психологических наук,
e-mail: mail@law-books.ru*

КОЧЕСОКОВА Залина Хазраталиевна,
*доцент кафедры СД Северо-Кавказского института (филиал) Краснодарского
университета МВД России, кандидат экономических наук,
e-mail: mail@law-books.ru*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Аннотация. В статье проводится исследование такого социально-негативного явления как коррупция и особенности антикоррупционного просвещения. Приводится мнение различных авторов, проводивших анализ по теме исследования. Также рассматриваются причины и условия проявления коррупции.

Ключевые слова: коррупция, явление, бюрократия, полномочия, борьба, противодействие, последствия, причины, условия.

MASHEKUASHEVA Margarita Khasanbievna,
*Associate Professor of the Department of GIPD of the North Caucasus Institute (branch) of the
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Psychological
Sciences*

KOCHEKOKOVA Zalina Khazratallievna,
*Associate Professor of the Department of SD of the North Caucasus Institute (branch) of the
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Economic Sciences*

SOME FEATURES OF ANTI-CORRUPTION EDUCATION

Annotation. The article is a study of such a socially negative phenomenon as corruption and features of anti-corruption education. The opinion of various authors who conducted an analysis on the topic of the study is given. The reasons and conditions for the manifestation of corruption are also considered.

Key words: corruption, phenomenon, bureaucracy, authority, struggle, counteraction, consequences, causes, conditions.

При изучении научной литературы, исследуемой темы, стало понятно, что социально-юридическая категория коррупция определяется как в широком, так и в узком смысле. Рассматривая определение в узком смысле, коррупция, определяется как преимущественно пренебрежительное отношение должностными лицами к своим должностным обязанностям для получения материального преимущества[1].

Причины коррупции, по мнению научных исследователей, также различны и многообразны, как и множество различных взглядов на определение коррупции, как понятия, так и его видов. Ряд ученых предлагает мнение, несущее в себе зерно истины: причина коррупции – в самом обществе.

Ряд авторов приводят в своих работах несколько иных классификаций коррупции: по степени организованности коррупции:

1) неорганизованная, подразделяющаяся на повседневную, бытовую и низовую,

2) сетевая, в которой выделяют: организованную, системную, институциональную, высшую и крупную коррупцию;

- по субъектному составу;
- по объекту воздействия с подразделением на гражданскую, деловую и политическую коррупцию;
- по территориальному охвату и др.

Авторы В.Г. Гриб и Р.Э. Адамян, то они в своих работах пишут, что «... бытовая коррупция является нормой в сознании российских граждан.... Подарить подарок учителю или врачу является нормой

современной действительности...» [2]. Таким образом, В.Г. Гриб и Р.Э. Адамян придают бытовой коррупции значение способа по налаживанию отношений «с нужным человеком», к примеру: презент преподавателю или учителю, в сумме, не превышающей 10000 рублей, значительно упрощает решение проблемы с успеваемостью ребенка, а водители автомобилей считают приемлемым «более простой» разговор с представителем ДПС (дорожно-постовая служба), подразумевающий до беседы передачу денежных средств в виде различных сумм.

Наука, изучающая право, отличается от законодательства тем, что у нее в наличии достаточно много определений для понятия «бытовая коррупция», и большинство исследователей делают акцент «на специфике субъектов коррупционных отношений» [3].

В.И. Васильев предлагает дифференцировать «служащих государственных и муниципальных органов» [4].

М.М. Решетников делает дополнение, что «... в это явление вынужденно вовлекаются обычные граждане» [5].

Л.М. Орленко соглашается со сказанным выше и подтверждает, что в «бытовую» коррупцию вовлечено более половины населения» [6].

Причины коррупции, по мнению научных исследователей, также различны и многообразны, как и множество различных взглядов на определение коррупции, как понятия, так и его видов.

В заключение отметим, что важнейшую роль при оценке качества организации антикоррупционного просвещения в органах

внутренних дел, играет наличие механизмов обеспечения общественного контроля над организацией и осуществлением антикоррупционного просвещения. Эти механизмы до настоящего времени не разработаны, поэтому их разработка является одним из перспективных направлений исследований по антикоррупционной тематике на ближайшую перспективу.

Список литературы:

- [1] Геляхова Л.А., Машекуашева М.Х. Профессиональное антикоррупционное самоопределение как важнейшая характеристика личностного статуса. *Право и управление*. 2023. № 9. С. 48-50.
- [2] Гриб В.Г., Адамян Р.Э. Факторы, влияющие на борьбу с хищениями и коррупцией, и меры по их устранению // *Российский следователь*. – 2015. – № 13. – С. 25.
- [3] Манукян А.Р., Машекуашева М.Х. Понятие антикоррупционного просвещения и его роль в механизме противодействия коррупции *Право и управление*. 2023. № 8. С. 126-129.
- [4] Васильев В.И. Борьба с коррупцией и местное самоуправление // *Журнал российского права*. – 2012. – № 4. – С. 6.
- [5] Решетников, М.М. Психология коррупции. Утопия и антиутопия: монография – М.: Издательство Юрайт, 2022. – С. 11-12.
- [6] Орленко Л. Коррупция и теневая экономика /// Советник президента. Информационно-аналитическое издание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/153896/readpart-ekonomika-rossii-xxi-veka-ot-kapitalizma-k-sotsializmuleonid-orlenko/>

References:

- [1] Gelyakhova L.A., Mashekuasheva M.Kh. Professional anti-corruption self-determination as the most important characteristic of personal status. *Law and governance*. 2023. № 9. S. 48-50.
- [2] Grib VG, Adamyan RE. Factors affecting the fight against theft and corruption, and measures to eliminate them//*Russian investigator*. – 2015. – № 13. - S. 25.
- [3] Manukyan A.R., Mashekuasheva M.Kh. The concept of anti-corruption education and its role in the anti-corruption mechanism *Law and governance*. 2023. № 8. S. 126-129.
- [4] Vasiliev V.I. The fight against corruption and local self-government//*Journal of Russian Law*. – 2012. – № 4. - S. 6.
- [5] Reshetnikov, M.M. Psychology of corruption. Utopia and dystopia: monograph - M.: Yuright Publishing House, 2022. - S. 11-12.
- [6] Orlenko L. Corruption and the shadow economy///Advisor to the President. Information and analytical publication [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/153896/readpart-ekonomika-rossii-xxi-veka-ot-kapitalizma-k-sotsializmuleonid-orlenko/>

ПОВАЛИЙ Светлана Ивановна,

Старший преподаватель, Кафедра государственно-правовых дисциплин, Юридический факультет ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет», г. Мелитополь, e-mail: veta832832@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ ЮСТИЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. Данная работа посвящена изучению функционирования советских военно-правовых учреждений в ходе войны против фашистской Германии 1941-1945 годов. Освещается характерная специфика работы судебно-военных структур в чрезвычайных обстоятельствах боевых действий, исследуются организационные преобразования и способы приспособления юридических ведомств к кризисной обстановке. Исследователь анализирует практический опыт функционирования военно-судебных органов как в зоне боевых операций, так и в глубоком тылу государства, дает оценку результативности реализованных управленческих мероприятий. Особое внимание уделяется историко-правовому анализу функционирования органов военной юстиции и их роли в поддержании правопорядка в условиях войны. Исследование основано на современной источниковой базе и архивных материалах, что позволяет провести объективный комплексный анализ деятельности военно-судебных органов. Практическая значимость работы заключается в возможности использования исторического опыта современными силовыми структурами, включая Росгвардию, при работе в условиях военного положения или контртеррористических операций.

Ключевые слова: военная юстиция, Великая Отечественная война, военные трибуналы, правоохранительная система, военное время, СССР, государственное управление, военно-судебные органы, военное положение, историко-правовое исследование, трансформация государственных институтов, правопорядок в военное время.

POVALIY Svetlana Ivanovna,

Senior Lecturer Department of State and Legal Disciplines Faculty of Law Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Melitopol State University», Melitopol

ACTIVITY OF MILITARY JUSTICE BODIES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: SPECIFICS OF OPERATION UNDER WAR-TIME CONDITIONS

Annotation. This article examines the activities of the military justice bodies of the USSR during the Great Patriotic War of 1941-1945. It explores the specifics of the military judicial system's operation under the extreme conditions of wartime, analyzing structural transformations and the adaptation mechanisms of law enforcement agencies to the emergency situation. The author studies the experience of military tribunals both at the front lines and in the rear, assessing the effectiveness

of the organizational decisions made. Special attention is given to the historical and legal analysis of the functioning of military justice bodies and their role in maintaining law and order during the war. The research is based on contemporary source materials and archival documents, enabling an objective and comprehensive analysis of the activities of military judicial organs. The practical significance of the work lies in the possibility of applying historical experience by modern security forces, including the National Guard of Russia, when operating under martial law or conducting counter-terrorism operations.

Key words: *military justice, Great Patriotic War, military tribunals, law enforcement system, wartime, USSR, state governance, military judicial bodies, martial law, historical-legal research, transformation of state institutions, law and order during wartime.*

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. стала критическим испытанием для всех государственных институтов Советского Союза, потребовавшим кардинальной трансформации системы управления и функционирования ключевых ведомств. Среди них особое место занимали органы военной юстиции, которые в условиях чрезвычайной ситуации должны были обеспечить поддержание правопорядка как в действующей армии, так и в тылу страны [6].

Актуальность исследования деятельности военно-судебных органов в годы войны обусловлена не только исторической значимостью данного периода, но и практической потребностью современных силовых структур в изучении механизмов адаптации правоохранительной системы к экстремальным условиям. Опыт функционирования военных трибуналов военного времени представляет особую ценность для таких ведомств, как Федеральная служба войск Национальной гвардии России (Росгвардия), которые могут столкнуться с необходимостью работы в условиях военного положения или контртеррористических операций.

Долгое время проблематика деятельности органов военной юстиции

в годы Великой Отечественной войны рассматривалась фрагментарно и не всегда объективно, что было обусловлено ограниченным доступом к архивным материалам и идеологическими установками советского периода. Современное состояние источниковой базы позволяет провести комплексный анализ механизмов функционирования военно-судебной системы в условиях войны, выявить особенности её структурной трансформации и оценить эффективность принятых организационных решений [5].

Цель данной статьи состоит в исследовании специфики деятельности органов военной юстиции СССР в период 1941-1945 гг., анализе адаптационных механизмов военно-судебной системы к условиям военного времени и выявлении исторических уроков, имеющих значение для современной практики организации правосудия в чрезвычайных условиях.

Структурные преобразования военно-судебной системы в условиях военного времени

Эволюция военно-судебных учреждений в период военных действий характеризовалась их масштабным расширением, связанным с реорганизацией

армейских структур СССР под требования военного времени и образованием новых военных единиц различного уровня. Численное наращивание трибунальной системы являлось закономерной мерой, обусловленной грандиозностью военного противостояния. Одновременно формирование военно-юридической структуры опиралось на применение накопленной практики её функционирования в условиях непосредственных военных действий [9].

Организационные изменения в военно-правовой структуре отличались высокой подвижностью и адаптивностью при реакции на трансформирующуюся обстановку периода боевых действий. На протяжении военных лет систематически корректировалось число уровней в иерархии судебных органов различных военных формирований, что демонстрировало непрерывные поиски оптимальных управленческих решений. Практика осуществления судопроизводства в воинских подразделениях продемонстрировала несостоятельность юридических инстанций стрелковых корпусов в моменты напряженных защитных операций при отсутствии аналогичных механизмов в дивизионном звене обеспечивать оперативное рассмотрение уголовных производств в соответствии с нормами военно-правового регулирования. В результате указанные структуры в последующем подверглись упразднению, а на их месте были сформированы дивизионные военно-полевые юрисдикционные органы [10].

Сформированная в период военных действий структура военного правосудия продемонстрировала свою эффективность, обнаружив работоспособность и устойчивость

в экстремальных обстоятельствах боевого времени. Военный конфликт обусловил необходимость существенной модификации механизмов судебного администрирования, что было вызвано исключительными условиями и, согласно историческому анализу, оказалось полностью соответствующим реалиям и целям, стоявшим перед государственным руководством в переломный момент развития страны.

Роль трибуналов внутренних войск НКВД в системе военной юстиции

Исключительную роль в структуре военного правосудия периода боевых действий играла работа судебных органов войск НКВД по охране внутреннего порядка, которым вменялось в обязанность обеспечение безопасности тыловых территорий в течение Великой Отечественной войны [2]. Подразделения НКВД, предназначенные для обеспечения внутренней безопасности, активно привлекались к боевым действиям: одно из соединений участвовало в обороне Тулы, в Сталинградском сражении отличилась 10-я стрелковая дивизия войск НКВД по охране тыла [3], проявили героизм военнослужащие Отдельной мотострелковой бригады специального назначения НКВД в ходе защиты Москвы. На протяжении войны с немецко-фашистскими агрессорами в боях участвовал 21 бронепоезд внутренних войск, что свидетельствует о значительном участии этих частей в обеспечении общей победы [8].

Особенности функционирования военных трибуналов в военное время проявлялись в значительном расширении их подсудности, что представляло собой кардинальное изменение судебной системы страны. Еще в декабре 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР

«Об изменении подсудности военных трибуналов» ведение военно-судебных органов были переданы производства по всем правонарушениям военнослужащих и лиц, призванных на военные сборы, во время прохождения ими воинской подготовки, вне зависимости от правовой характеристики деяния. В военное время военно-судебные учреждения получили полномочия по разбирательству не только дел военных, но и гражданских лиц по обширному спектру преступлений, охватывающему дела о грубом хулиганстве и других правонарушениях. В начальные месяцы военных действий в юрисдикцию гражданских судов, функционировавших в зонах боевых операций и территориях, где введено военное положение, входили преимущественно гражданско-правовые споры. Однако впоследствии им была передана часть уголовных производств: они разбирали дела о незаконной торговле, хищениях, растратах, прогулах, самовольном оставлении рабочих мест, отказе или уклонении от налоговых выплат или исполнения трудовых обязательств. Подобное расширение полномочий диктовалось потребностью в поддержании общественного порядка в военных условиях и гарантировании внутренней стабильности государства.

К принципиальным трансформациям, затронувшим правосудную структуру государства в годы Великой Отечественной войны, необходимо причислить увеличение применения облегченных процедур судебного разбирательства, усиление значимости экстраординарных правовых институтов, ограничение коллективных принципов осуществления правосудия, ужесточение карательных мер, появление новых криминальных деяний, за которые в

мирный период уголовное преследование не осуществлялось. Характерным представляется трансформация практики назначения крайних мер воздействия: в 1941 году от общего количества вынесенных военно-судебными органами вердиктов в 33,8% случаев применялась крайняя мера воздействия; в первой половине 1942 года в 21% случаев; во второй половине 1942 года в 18,3% случаев; в 1943–1944 годах в 7–8% случаев; в первом полугодии 1945 года в 5,1% случаев [1].

Трансформация кадровой политики органов военной юстиции

Кадровая стратегия структур военного правосудия в военный период подверглась радикальным трансформациям, вызванным экстремальными обстоятельствами боевых действий. На начальном этапе конфликта персональные службы министерств юстиции (МЮ) и Администратий МЮ (АМЮ) были урезаны, однако продолжили функционировать. Весь комплекс департаментов и секций кадрового руководства в министерствах юстиции был консолидирован в персональные департаменты. Администрации образовательных учреждений МЮ СССР и МЮ федеративных республик были преобразованы в департаменты обучения и повышения квалификации персонала и включены в структуру кадрового руководства, что демонстрировало тенденцию к концентрации персонального администрирования в обстановке военных действий [4].

В системе Главного управления военных трибуналов организационная структура кадровых органов претерпела значительные изменения. В период 1941–1942 гг. в рамках Главного управления военных

трибуналов (ГУВТ) НКЮ СССР осуществляло деятельность специализированное отделение. После извлечения из данной организации управленческих подразделений в них соответственно формировались службы по работе с персоналом. На протяжении 1942–1945 годов в руководстве военно-судебных структур войск НКВД функционировали кадровые отделы, в ЦРВСО действовало персональное управление, в Центральном органе военно-судебных учреждений транспорта (ЦРВСОТ) работало кадровое руководство. Управления военно-судебных институтов активно реализовывали распределение сотрудников в системе военной юстиции.

Проблемные аспекты деятельности военных трибуналов были связаны прежде всего с острой нехваткой квалифицированных специалистов и серьезными вопросами их деловых и моральных качеств. Масштабы кадровых проблем поражают своими размерами: в начальный период войны в СССР действовало 298 военных трибуналов (766 судей), к 1 марта 1942 года уже 3735 судей. По данным В.В. Обухова, в первый год войны штат судей военных трибуналов войск НКВД увеличился на 350%, канцелярский состав – на 100%. Если в начале 1942 года в военных трибуналах войск НКВД служило 169 судей, то к концу войны уже 799. В целом в период войны было образовано 250 военных трибуналов дивизий и укрепрайонов РККА (3000 судей). Численность военных трибуналов выросла к завершению войны в пять раз [7].

Мобилизация значительной части опытных юристов в действующую армию создала серьезные кадровые проблемы, которые приходилось решать за счет

ускоренной подготовки новых кадров и привлечения специалистов из других отраслей права. Ускоренный набор судей не компенсировался ни выпускниками Военно-правовой академии НКЮ СССР, ни бывшими учащимися штатских правовых институтов. Согласно сведениям В.В. Обухова, процент лиц с высшим правовым образованием среди магистратов военно-судебных органов войск НКВД снизился с 1942 по 1945 год с 27,4% до 20,6% [7]. Еще значительно сократился процент лиц со средним правовым образованием. К завершению военных действий менее половины магистратов располагали правовым образованием.

Следует признать общее неудовлетворительное состояние кадровой работы в обозначенном срезе. С точки зрения министра юстиции Н.М. Рычкова, Администрация кадров военно-судебных органов функционировала неэффективно. В 1944 году сотрудники администрации осуществили более 60 командировок, на собраниях коллегии министерства было заслушано 20 докладов руководителей военно-судебных органов, однако эти данные не применялись надлежащим образом. В составе участников военно-судебных органов оказались лица, имевшие криминальное прошлое. Администрация кадров ЦАВСО не сформировала резервного состава. Система, при которой начальники военных трибуналов самостоятельно назначали и переводили кадры, была оценена как разрушительная. Многие работники исполняли должностные функции временно свыше двух лет без утверждения в ЦК партии. Приказ Рычкова от 16 мая 1945 года потребовал устранить данные нарушения и предписывал «в первую очередь» принимать на работу специалистов

с юридическим и военным образованием. В результате была осуществлена кадровая перестановка в составе работников военных трибуналов [4].

Адаптация системы военной юстиции к боевым условиям

Опыт отправления правосудия в боевых условиях продемонстрировал потребность в непрерывном совершенствовании структуры военно-судебных органов. Военно-судебные органы стрелковых корпусов в период интенсивных оборонительных сражений с неприятелем, при недостатке судебных инстанций в дивизиях, не смогли гарантировать быстрое разбирательство криминальных дел, согласно требованиям военного законодательства. Впоследствии они были ликвидированы и замещены более действенными организациями, превосходно адаптированными к обстановке военных операций.

В военный период неоднократно изменялось число уровней в структуре судебных органов различных видов вооруженных сил, что демонстрировало стремление к нахождению идеальной схемы построения военной юстиции. Исключительную роль играла работа судебных органов внутренних формирований НКВД, которым была поручена защита тыловых районов в период Великой Отечественной войны [5]. Внутренние формирования НКВД энергично включались в военные операции: 10-я стрелковая дивизия внутренних формирований НКВД проявила себя в сражении за Сталинград, особенно выделялись доблестные поступки личного состава Отдельной мотострелковой бригады специального назначения НКВД в сражении за Москву.

Административно-командная система государственного управления СССР, неотъемлемым элементом которой являлись органы военной юстиции, в условиях войны продемонстрировала свою результативность. По утверждению И.В. Ульриха и Д.В. Башкатова, в целом все трансформации системы государственного управления в период военных действий были продиктованы чрезвычайными условиями и, как показал опыт, оказались полностью адекватными тем обстоятельствам и задачам, которые предстояло решать власти [11].

Заключение

Проведенное исследование деятельности органов военной юстиции в годы Великой Отечественной войны позволяет сделать ряд важных выводов о специфике функционирования военно-судебной системы в условиях военного времени.

Великая Отечественная война потребовала кардинальной трансформации системы военной юстиции СССР, которая продемонстрировала высокую адаптивность к экстремальным условиям военного времени. Структурные преобразования военно-судебной системы характеризовались динамичностью и гибкостью реагирования на изменяющуюся боевую обстановку, что проявилось в многократном увеличении количества военных трибуналов - с 298 в начале войны до более чем 3000 к ее окончанию.

Ключевой особенностью функционирования военных трибуналов стало значительное расширение их подсудности, охватившее не только военнослужащих, но и гражданских лиц по широкому кругу преступлений. Это

сопровождалось внедрением упрощенных форм судопроизводства, возрастанием роли органов чрезвычайной юрисдикции и ужесточением мер наказания, что было адекватно задачам поддержания правопорядка в условиях военного времени.

Особую роль в системе военной юстиции сыграли трибуналы внутренних войск НКВД, обеспечивавшие охрану тыла и активно участвовавшие в боевых действиях. Их деятельность продемонстрировала эффективность интеграции правоохранительных и военных функций в рамках единой системы.

Серьезным вызовом стала кадровая проблема, вызванная мобилизацией опытных юристов и пятикратным увеличением численности военных трибуналов. К концу войны менее половины судей имели юридическое образование, что потребовало экстренных мер по подготовке и переподготовке кадров, а также проведения кадровых чисток

для обеспечения необходимого качественного уровня.

Административно-командная система государственного управления СССР в условиях войны показала свою эффективность в сфере военной юстиции, обеспечив централизованное руководство и оперативное реагирование на изменяющиеся условия военного времени.

Исторический опыт функционирования органов военной юстиции в годы Великой Отечественной войны сохраняет актуальность для современной практики, особенно для силовых ведомств, которые могут столкнуться с необходимостью работы в условиях военного положения или контртеррористических операций. Изученные механизмы адаптации военно-судебной системы к экстремальным условиям могут служить основой для разработки современных алгоритмов деятельности правоохранительных органов в чрезвычайных ситуациях.

Список литературы:

[1] Абдулин, Р. С. Особенности судебного управления в условиях Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. / Р. С. Абдулин // *Genesis: исторические исследования*. – 2015. – № 3. – С. 637-650. – DOI: 10.7256/2409-868X.2015.3.15220. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=15220 (дата обращения: 11.07.2025).

[2] Бакланова, А. И. Военные трибуналы в период Великой Отечественной войны / А. И. Бакланова // *Военная история: даты, факты, люди. Тенденции развития добровольчества в Санкт-Петербурге : материалы конференций СПб ГБУ ДМ «ФОРПОСТ» за 2017 год, Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2017 года / под ред. В. А. Носова, С. А. Пищулина, В. С. Полянского*. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская государственное бюджетное учреждение Дом молодежи «ФОРПОСТ» Выборгского района, 2017. – С. 205-209. – EDN: BTJAKZ.

[3] Гулевский, А. Н. Подвиг 10-й дивизии НКВД под Сталинградом (к 300-летию российской полиции) / А. Н. Гулевский, Н. А. Гулевская, Ю. П. Доронин // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. – 2018. – № 2 (45). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podvig-10-y-divizii-nkvd-pod-stalingradom-k-300-letiyu-rossiyskoj-politsii> (дата обращения: 11.07.2025).

[4] Лузгина, М. И. Кадровое обеспечение судебных органов в период Великой Отечественной войны / М. И. Лузгина // *История: факты и символы*. – 2022. – № 1 (30). –

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovoe-obespechenie-sudebnyh-organov-v-period-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 11.07.2025).

[5] Македонская, В. А. Структура и эволюция компетенции органов военной юстиции в годы Великой Отечественной войны / В. А. Македонская, Т. Д. Швец // Вестник ТГУ. – 2012. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-i-evolyutsiya-kompetentsii-organov-voennoy-yustitsii-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 11.07.2025).

[6] Морозов, В. И. Особенности государственного управления СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) / В. И. Морозов // Управленческое консультирование. – 2005. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-gosudarstvennogo-upravleniya-sssr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945> (дата обращения: 11.07.2025).

[7] Обухов, В. В. Правовые основы организации и деятельности военных трибуналов войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг. (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юр. наук / В. В. Обухов. – Москва, 2002. – С. 99-100.

[8] Попович В.А. Вклад железнодорожных войск и бронепоездов в разгром фашизма // Доступ: <https://cityofsun.ru/v-a-popovich-vklad-zheleznodorozhnyh-vojsk-i-bronepoezdov-v-razгром-fashizma/> (дата обращения: 11.07.2025).

[9] Сазанович, Д. А. Военный трибунал в БССР во время Великой Отечественной войны (1941–1945 г.) / Д. А. Сазанович // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета / Полоцкий государственный университет; редкол.: Д. Н. Лазовский (пред.) [и др.]. – Новополоцк: ПГУ, 2018. – Вып. 22 (92): Юридические науки. – С. 67-68.

[10] Сердюков, В. В. Работа военных трибуналов в период Великой Отечественной войны / В. В. Сердюков, С. В. Сердюков // Законодательство военного времени: уроки прошлого и современные вызовы : сборник научных статей, Москва, 19 ноября 2021 года. – Москва: Российский государственный университет правосудия, 2022. – С. 296-305. – EDN: ZJBHUI.

[11] Ульрих, И. В. Изменения в системе органов государственного управления в годы ВОВ. Создание комитета обороны / И. В. Ульрих, Д. В. Башкатов // Теория и практика современной науки: сборник научных трудов. – Москва: Московский государственный областной университет, 2015. – С. 11-15. – EDN: VDCHJR.

References:

[1] Abdulin, R. S. Features of judicial administration in the conditions of the Great Patriotic War of 1941-1945/R. S. Abdulin//Genesis: historical research. – 2015. – № 3. - S. 637-650. – DOI: 10.7256/2409-868X.2015.3.15220. - URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=15220 (access date: 11.07.2025).

[2] Baklanova, A.I. Military tribunals during the Great Patriotic War/A.I. Baklanova//Military history: dates, facts, people. Trends in the development of volunteering in St. Petersburg: materials of the conferences of St. Petersburg State Budgetary Institution DM «FORPOST» for 2017, St. Petersburg, April 20-21, 2017/ed. V. A. Nosova, S. A. Pishchulina, V. S. Polyansky. - St. Petersburg: St. Petersburg State Budgetary Institution Youth House «FORPOST» Vyborg District, 2017. - S. 205-209. – EDN: BTJAKZ.

[3] Gulevsky, A. N. *Feat of the 10th NKVD division near Stalingrad (to the 300th anniversary of the Russian police)*/A. N. Gulevsky, N. A. Gulevskaya, Yu. P. Doronin//*Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2018. – № 2 (45). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podvig-10-y-divizii-nkvd-pod-stalingradom-k-300-letiyu-rossiyskoy-politsii> (дата обращения: 11.07.2025).

[4] Luzgin, M. I. *Staffing of the judiciary during the Great Patriotic War*/M. I. Luzgin//*History: facts and symbols*. – 2022. – № 1 (30). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovoe-obespechenie-sudebnyh-organov-v-period-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 11.07.2025).

[5] Macedonian, V. A. *The structure and evolution of the competence of military justice bodies during the Great Patriotic War*/V. A. Macedonian, T. D. Shvets//*Bulletin of TSU*. – 2012. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-i-evolyutsiya-kompetentsii-organov-voennoy-yustitsii-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 11.07.2025).

[6] Morozov, V.I. *Features of public administration of the USSR during the Great Patriotic War (1941-1945)*/V.I. Morozov//*Management consulting*. – 2005. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-gosudarstvennogo-upravleniya-sssr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945> (дата обращения: 11.07.2025).

[7] Obukhov, V.V. *Legal foundations of the organization and activities of military tribunals of the troops of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War of 1941-1945. (historical and legal research): dis.... cand. jur. Sciences*/V.V. Obukhov. - Moscow, 2002. - S. 99-100.

[8] Popovich V.A. *The contribution of railway troops and armored trains to the defeat of fascism*//Access: <https://cityofsun.ru/v-a-popovich-vklad-zheleznodorozhnyh-vojsk-i-bronepoezdov-v-razгром-fashizma/> (date of appeal: 11.07.2025).

[9] Sazanovich, D. A. *Military Tribunal in the BSSR during the Great Patriotic War (1941-1945)*/D. A. Sazanovich//*Electronic collection of works of young specialists of Polotsk State University/ Polotsk State University; editorial: D.N. Lazovsky (previous) [et al.]*. - Novopolotsk: PSU, 2018. - Issue 22 (92): *Legal Sciences*. - S. 67-68.

[10] Serdyukov, V.V. *The work of military tribunals during the Great Patriotic War*/V.V. Serdyukov, S.V. Serdyukov//*Wartime legislation: lessons from the past and modern challenges: a collection of scientific articles*, Moscow, November 19, 2021. - Moscow: Russian State University of Justice, 2022. - S. 296-305. – EDN: ZJBHUI.

[11] Ulrich, I.V. *Changes in the system of government bodies during the Second World War. Creation of a defense committee*/I.V. Ulrich, D.V. Bashkatov//*Theory and practice of modern science: a collection of scientific works*. - Moscow: Moscow State Regional University, 2015. - S. 11-15. – EDN: VDCHJR.

ДАЛЕЛОВ Мухадин Леонович,
*старший преподаватель кафедры СТП Северо-Кавказского института (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru*

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОРРУПЦИОГЕННЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ

Аннотация. *Исследование посвящено проблеме коррупции, что остается одной из самых острых, как показывает опыт даже тех стран, где применяются крайне строгие наказания. Эта беда многогранна, и деятельностью одних государственных органов с ней не справиться.*

Ключевые слова: *массовая культура, коррупция, исторические корни, государственные служащие, властные полномочия.*

DALELOV Mukhadin Leonovich,
*Senior Lecturer, STP Department of the North Caucasus Institute (branch) of the Krasnodar
University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

ON SOME FEATURES OF CORRUPTION-RELATED COMPONENTS

Annotation. *The study is devoted to the problem of corruption, which remains one of the most acute, as the experience of even those countries where extremely severe punishments are applied shows. This problem is multifaceted, and the activities of state bodies alone cannot cope with it.*

Key words: *mass culture, corruption, historical roots, civil servants, power.*

Длительный период изучения культуры, формирующей снисходительное отношение к коррупции, и особенностях факторов, влияющих на ее динамику и на исторического развития. Эффективность противодействия. Эти факторы принято называть коррупциогенными.

Существуют следующие классификации:

Политологические, например, рассматривают коррупцию как форму разрушения власти путем использования властных полномочий в собственных или клановых интересах.

Культурологические акцентируют внимание на устойчивой системе норм бюрократического поведения, массовой

Антропологические факторы выделяют различные группы коррупционных практик, присущих отдельным обществам, например, логику дарения или обмена, где подношение воспринимается как акт дружелюбия или взаимопомощи.

Многочисленные публикации подтверждают неоднозначное отношение общества к коррупции. Зачастую оно является как минимум терпимым, допускающим такое поведение в качестве способа решения возникающих вопросов при взаимодействии с

бюрократией.

Основные выводы, вытекающие из исследования, можно сформулировать следующим образом:

1. Двойственная природа коррупции. С одной стороны, коррупция имеет четкие правовые формы, которые можно и нужно искоренять через совершенствование законодательства, устранение коррупциогенных норм и повышение эффективности правоохранительной системы. С другой — она питается из мощного источника неправовых факторов, связанных с менталитетом, историческими традициями, состоянием общественной морали и уровнем правовой культуры. Игнорирование этой второй, скрытой части айсберга обрекает любую антикоррупционную стратегию на провал.

2. Психологизация проблемы. Рассмотрение коррупционного поведения через призму психологии, в частности, как формы зависимости (взяточности), открывает новые возможности для профилактики.

1. Понимание личностных предикторов — эгоцентризма, нарушенной эмпатии, манипулятивности — позволяет выявлять группы риска и выстраивать адресную работу по формированию антикоррупционной устойчивости личности, начиная со школьной и вузовской скамьи.

2. Общество как соучастник и жертва. Устойчивость коррупции во многом обеспечена ее «социальной лицензией» — терпимым или даже оправдывающим отношением со стороны общества. Пока взятка воспринимается не как преступление, а как «благодарность» или «единственный способ решить проблему», система будет воспроизводиться. Сцена из

«Берегись автомобиля» — это микромодель общества, расколото в своем отношении к этому злу, где публичное осуждение зачастую соседствует с частной практикой.

Таким образом, борьба с коррупцией трансформируется из узковедомственной задачи в общенациональный проект по пересборке общественного договора и укреплению этических основ государства. Это требует последовательной реализации комплекса мер, выходящих далеко за рамки уголовного преследования:

- Системное правовое и административное оздоровление: Продолжение работы по очистке законодательства от коррупциогенных норм, внедрение прозрачных цифровых процедур, исключающих человеческий произвол (как, например, в сфере госзакупок или предоставления услуг), и создание реальных механизмов общественного контроля.

- Целенаправленное формирование антикоррупционной культуры: Внедрение в систему образования на всех уровнях программ, воспитывающих правосознание и нулевую терпимость к коррупции. Активная информационная кампания в СМИ и соцсетях, формирующая негативный образ коррупционера не как «ловкого дельца», а как человека с девиантным, зависимым поведением, наносящего ущерб стране и согражданам.

- Поддержка и защита гражданской позиции: Создание простых и безопасных каналов для сообщений о коррупции, реальная защита заявителей и поощрение честности. Важно, чтобы граждане видели, что их правовые действия приводят к результату, а не к репрессиям.

Только такой многоплановый подход, сочетающий «жесткую силу» закона с «мягкой силой» изменения общественного сознания, способен подорвать саму основу для воспроизводства коррупции. Эта работа не дает сиюминутных результатов, но именно она является залогом построения по-настоящему современного, справедливого и эффективного государства, где доверие становится главным капиталом, а честность - нормой жизни.

Список литературы:

[1] Павлович И.Г. Анализ коррупционной преступности в России // Юридические науки 20198. № 17. Доступ: <http://novaum.ru/public/p1242>.

[2] Локота О.В., Шутов А.Ю., Понеделков А.В., Золочевская ЕЮ., Гаман-Голутвина О.В., Воронцов С.А. и др. Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира. Информационно-аналитические материалы Третьего Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2019. 288 с.

[3] Девятковская И.В., Сыманюк Э.Э. «Психологические предикторы коррупционного поведения личности». Журнал «Психология и право». <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2021/n3/Deviatovskaya>.

References:

[1] Pavlovich I.G. Analysis of corruption crime in Russia//Legal Sciences 20198. № 17. Access: <http://novaum.ru/public/p1242>.

[2] Lokota OV, Shutov A.Yu., Ponedelkov AV, Zolochevskaya EI, Gaman-Golutvina OV, Vorontsov SA, et al. Russian elitology: innovative responses to the challenges of the modern world. Information and analytical materials of the Third All-Russian Elite Congress with international participation. Rostov n/a: Publishing house YURIU RANEPА, 2019. 288 pp.

[3] Devyatovskaya I.V., Symanyuk E.E. «Psychological predictors of individual corrupt behavior.» Journal of Psychology and Law. [tps://psyjournals.ru/psyandlaw/2021/n3/Deviatovskaya](https://psyjournals.ru/psyandlaw/2021/n3/Deviatovskaya).

КАЗАКОВ Аслан Аликович,
*преподаватель кафедры ГиГПД Северо-Кавказского института (филиал) Краснодарского
университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru*

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИНЯТИЯ КОНСТИТУЦИИ

Аннотация. *Представленное исследование отражает историю Конституции России. Годы принятия Конституций отображают определенные этапы в развитии страны и исторические процессы.*

Ключевые слова: *история, Конституция, права, граждане, монархия, изменения, трансформация.*

KAZAKOV Aslan Alikovich,
*Lecturer, Department of Civil and Political Law North Caucasus Institute (branch) Krasnodar
University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

SOME HISTORICAL ASPECTS OF THE ADOPTION OF THE CONSTITUTION

Annotation. *The presented study reflects the history of the Constitution of Russia. The years of adoption of the Constitutions reflect certain stages in the development of the country and historical processes.*

Key words: *history, Constitution, rights, citizens, monarchy, change, transformation.*

Основной источник напряжённости в российском обществе не кроется в системе сдержек и противовесов государственной власти или доминировании исполнительной ветви. Наиболее острыми являются нерешённые социальные и экономические проблемы, вызывающие требования социальной справедливости. Попытки решить эти проблемы путём принятия новой Конституции или дополнительных нормативных актов окажутся неэффективными. Вероятно, политическое руководство также не готово к радикальным изменениям конституционных положений, что подтверждается отсутствием закона о Конституционном Собрании, которому отводится ключевая роль в модернизации Основного Закона. Тем не менее, определённые точечные изменения необходимы. В ходе обсуждения поправок юристы обычно обращают внимание на обеспечение принципа разделения властей, ограничение президентских и исполнительных полномочий, а также уточнение отношений между центром и регионами.

В октябре 1993 г. было принято решение проводить голосование по проекту Конституции одновременно с выборами. Эта идея была озвучена французским правоведом, специалистом по России М. Лиссажем и поддержана разработчиками Конституции [1, 11]. Однако действовавший Закон РСФСР «О референдуме РСФСР» не предусматривал

право Президента РФ инициировать референдум для принятия решения по вопросам Конституции (принятия, внесения изменений, дополнений), требовались голоса более половины граждан РСФСР, внесенных в списки для участия в референдуме (ст. 35).

В контексте указанных событий Б. Н. Ельцин издал Указ от 15 октября 1993 года № 1633 «О проведении всенародного голосования по проекту Конституции РФ» и утвердил Положение о всенародном голосовании по проекту Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года. Ключевой особенностью данного мероприятия стало введение термина «всенародное голосование» вместо «референдум». Данная замена связана с тем, что право на назначение референдума принадлежало распущенному Съезду народных депутатов или Верховному Совету Российской Федерации. Кроме того, была снижена квота для принятия новой Конституции. Проведение всенародного голосования могло быть воспринято мировым сообществом как демонстрация приверженности Российской Федерации демократическим принципам. Также, данный шаг свидетельствовал о поддержке населения страны вновь избранной политической силой, подчеркивая легитимность и выражение воли народа. [2, с. 375]

Исследование исторического контекста принятия Конституции Российской Федерации 1993 года неизбежно сталкивается с вопросом о ее легитимности. По данному вопросу наблюдается расхождение мнений. Так, Е.А. Лукьянова отмечает стремление преодолеть сложившуюся политико-юридическую ситуацию, характеризующуюся термином «нелегитимно». При этом она не призывает к полному отрицанию и

разрушению существующего правового порядка, а выступает за корректировку недостатков Конституции в направлении обеспечения ее соответствия принципам подлинной демократии – власти народа. [3]. Виктор Васильевич Яценко полагает, что для предотвращения политического кризиса, подобного тому, что имел место в начале девяностых годов прошлого века, необходима новая Конституция, построенная на принципах общественного согласия. По его мнению, текущее положение дел, при котором стабильность страны зависит исключительно от фигуры президента, является не только аномальным, но и чреватым негативными последствиями, масштабы которых трудно предсказать.

Дискуссия о легитимности Конституции Российской Федерации носит в значительной степени теоретический характер. Население страны признаёт как легитимность политической власти, так и нормативные положения Конституции, однако не верит в её реальную эффективность, что подтверждается социологическими данными. Согласно опросу Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), проведенному 20-21 октября 2018 года среди 1500 респондентов в 104 населенных пунктах 53 регионов, 53% россиян считают Конституцию хорошей, 21% - плохой. При этом лишь 8% опрошенных полагают, что Конституция в настоящее время не нарушается. 69% респондентов отмечают нарушения в области прав человека, медицинского обслуживания, свободы слова и других сфер. Таким образом, с точки зрения населения, Конституция легитимна, но неэффективна в защите прав граждан. В то же время ФОМ фиксирует рост общественного спроса на реформу Конституции: 66% респондентов

считают необходимым пересмотреть и внести поправки в основной документ (пять лет назад так считали только 44%). Наиболее популярными пунктами изменений являются повышение уровня жизни, отмена закона о повышении пенсионного возраста, улучшение социальной политики, доступное жилье, контроль над ценами, введение смертной казни, совершенствование медицины и образования, а также гарантии равенства граждан перед законом, обеспечение права на труд и расширение прав на свободу собраний и слова. [4].

Усиление интереса россиян к конституционным изменениям связано с запросом на социальную справедливость, повышение уровня жизни, соблюдение государством прав граждан. Однако россияне по-прежнему больше доверяют Президенту РФ, чем праву, хотя, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, в последнее время рейтинг Президента РФ снижается: социальная и экономическая политика властей не устраивает большинство опрошенных респондентов [5].

Статистика судов отражает социально-экономическую ситуацию в стране. Нагрузка на суды продолжает расти, к числу массовых категорий споров относятся взыскание долгов по зарплате, кредитным обязательствам, платы за жилплощадь и коммунальные услуги, обязательных платежей и санкций с физических лиц, в основном налогов и пеней. Возросло и количество жалоб в Конституционный суд Российской Федерации (в 2017 г. — 14 638, 2018 г. — 15 149), касающихся личных, социальных прав, договорных обязательств, и т. д. [5].

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин в

октябре 2018 года в публикации в «Российской газете» отметил ряд недостатков Конституции Российской Федерации: отсутствие должного баланса в системе сдержек и противовесов, перевес исполнительной власти, недостаточная ясность в распределении полномочий между президентом и правительством, а также неопределённый статус администрации президента и прокуратуры. Он также указал на несовершенство правового статуса органов местного самоуправления, которые по своей природе являются локальными, а не самостоятельными субъектами публичной власти. По мнению В. Д. Зорькина, подобные недостатки могут быть устранены путём точечных изменений и применения к современной социально-правовой реальности доктрины «живой Конституции». [2].

На наш взгляд, теория «живой Конституции» не в полной мере применима к российским условиям, так как ей присущ судебный активизм, суть которого заключается в активной «правотворческой» позиции суда и расширительном толковании Конституции, когда суд подменяет законодателя, активно вмешиваясь в политику [6]. Российская реальность свидетельствует о том, что в вопросах определения необходимости и содержания вносимых конституционных изменений определяющая роль принадлежит Президенту РФ. В частности, Президентом РФ были инициированы практически все принимавшиеся поправки к Конституции, которые по большей части были рассмотрены и приняты в ускоренном порядке. Более того, желаемое политическое решение можно получить и без ее изменения, например, учреждение института полномочных представителей президента в федеральных округах, разграничение полномочий

между федерацией и ее субъектами и т. д. Поэтому «живая Конституция», или подход, базирующийся на гармонизации конституционных положений с реальными процессами, протекающими в обществе, вполне приемлем, но он не может рассматриваться в качестве основного.

Учитывая изложенное, основным аргументом в пользу сохранения нынешней Конституции является относительная

политическая стабильность в обществе. Однако необходимо учитывать и запросы, потребности общества, прежде всего в социально-экономической сфере. Их неудовлетворенность может привести к катастрофическим последствиям, на что обратил внимания В. Д. Зорькин, напомнив — революционные события 1917 г. были вызваны глубоким социально-экономическим расколом внутри российского общества [2].

Список литературы:

[1] Авакьян С. А. Конституция России: природа, 1. эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000. Буква и дух Конституции. Валерий Зорь- 2. кин — о тревожных призывах к кардинальным конституционным реформам // Рос. газ. 2018. 9 окт. № 7689 (226). Верховный суд подвел итоги работы судов 3. за 2017 год. URL: <https://pravo.ru/story/200608/> (дата обращения: 11.01.2019).

[2] О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 21 сентября 1993 г. № 1400. URL: <http://base.garant.ru/5137070/#ixzz5dnneZcf7>. (дата обращения: 11.01.2019).

[3] О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, связанных с его Указом «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 года и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года: заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. № 3-2 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/5137070/#ixzz5dnneZcf7>. (дата обращения: 10.01.2019).

[4] Гаганов А.А. Российская Конституция и 4. право о социальной справедливости. URL: <https://rusrand.ru/docconf/rossiyskaya-konstituriya-i-pravo-o-socialnoy-spravedlivosti> (дата обращения: 11.01.2019).

[5] Доверие политикам. Оценка властей. URL: 5. <https://wciom.ru/index.php?id=180> (дата обращения: 27.01.2019).

[6] Конституция. Знание и оценка российской 6. Конституции, представления о том, можно ли и нужно ли ее пересматривать. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14144> (дата обращения: 27.01.2019).

References:

[1] Avakyan S. A. Constitution of Russia: nature, 1. evolution, modernity. 2nd ed. M., 2000. Letter and spirit of the Constitution. Valery Zor - 2. kin - about alarming calls for cardinal constitutional reforms//Ros. gas. 2018. October 9, No. 7689 (226). The Supreme Court summed up the work of the courts 3. for 2017. URL: <https://pravo.ru/story/200608/> (access date: 11.01.2019).

[2] *On phased constitutional reform in the Russian Federation [Electronic resource]: Decree of the President of the Russian Federation of September 21, 1993 No. 1400.* URL: <http://base.garant.ru/5137070/#ixzz5dnneZcf7>. (accessed on: 11.01.2019).

[3] *On the compliance of the Constitution of the Russian Federation with the actions and decisions of the President of the Russian Federation B. N. Yeltsin related to his Decree «On Phased Constitutional Reform in the Russian Federation» of September 21, 1993 and the Appeal to Russian Citizens of September 21, 1993: opinion of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 21, 1993 No. Z-2 [Electronic resource].* URL: <http://base.garant.ru/5137070/#ixzz5dnneZcf7>. (accessed on: 10.01.2019).

[4] Gaganov A.A. Russian Constitution and 4. law on social justice. URL: <https://rusrand.ru/docconf/rossiyskaya-konstituriya-i-pravo-o-socialnoy-spravedlivosti> (дата обращения: 11.01.2019).

[5] Trust politicians. Assessment by authorities. URL: 5. <https://wciom.ru/index.php?id=180> (accessed on: 27.01.2019).

[6] Constitution. Knowledge and assessment of Russian 6. Constitution, ideas about whether it is possible and necessary to revise it. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14144> (access date: 27.01.2019).

КАЗАКОВ Аслан Аликович,
*преподаватель кафедры ГиГПД Северо-Кавказского института (филиал) Краснодарского
университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru*

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Конституция – важнейший закон государства, имеющий наивысшую юридическую силу и особый правовой статус. В этом документе регламентируются основные положения юридической, политической, социальной и экономической жизни страны. История Конституции России – это череда постоянных изменений, которые и привели к созданию современного варианта действующей конституции. Годы принятия Конституций отображают определенные этапы в развитии страны и исторические процессы.

Ключевые слова: история, Конституция, права, граждане, монархия, изменения, трансформация.

KAZAKOV Aslan Alikovich,
*Lecturer, Department of Civil and Political Law North Caucasus Institute (branch) Krasnodar
University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

HISTORY OF THE CREATION AND FORMATION OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The Constitution is the most important law of the state, possessing the highest legal force and special legal status. This document regulates the fundamental principles of the legal, political, social, and economic life of the country. The history of the Russian Constitution is a series of constant changes, which led to the creation of the current version of the Constitution. The years of adoption of Constitutions reflect certain stages in the country's development and historical processes.

Key words: history, Constitution, rights, citizens, monarchy, change, transformation.

В истории России было немало попыток создать конституционный строй. Ещё в XVII веке власть Василия Шуйского была ограничена крестоцеловальной записью. В XVIII веке Дмитрий Михайлович Голицын хотел ввести в России конституционную монархию, чтобы ограничить власть Анны Иоанновны. Так возникли “кондиции”, которые изменяли порядок престолонаследования, но им не суждено было долго просуществовать, потому что вскоре их действие прекратилось, а люди причастные к его созданию, и члены Верховного тайного совета были репрессированы.

Император Александр I хотел ввести принять конституцию, но вскоре передумал. С появлением декабристского движения возникло несколько проектов, которые так и не получилось реализовать из-за того что

движение было подавлено. 17(30) октября 1905 года – обнародован Манифест об усовершенствовании государственного порядка (Октябрьский манифест) – законодательный акт Российской империи. В редакции от 23 апреля 1906 года он стал фактически первой Конституцией России.

Первая Конституция РСФСР была принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 года. Она состояла из 6 разделов: «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», «Общие положения Конституции РСФСР», «Конструкция советской власти», «Активное и пассивное избирательное право», «Бюджетное право», «О гербе и флаге РСФСР». После объединения республик в единое государство в январе 1924 года Вторым съездом Советов была принята Конституция СССР, которая состояла из двух разделов: Декларации об образовании СССР и Договора об образовании СССР. Следующее принятие Конституции СССР было в 1936 году. Согласно этому документу всем гражданам предоставлялось равное всеобщее, избирательное право, право на труд и отдых, материальное обеспечение в старости и болезни, свобода совести, слова, печати, собраний и митингов. Провозглашались неприкосновенность личности, тайна переписки. На смену Конституции 1936 года 7 октября 1977 года пришла новая Конституция, официально закрепившая однопартийную политическую систему и действовавшая до распада Советского Союза.

Исходным событием для принятия новой Конституции стало создание Первым Съездом народных депутатов РСФСР в 1990 году Конституционной комиссии, председателем которой был Борис Николаевич Ельцин, а ответственным секретарем -

Олег Германович Румянцев. Эта комиссия разработала несколько вариантов проекта российской конституции, которые сыграли важную роль и при разработке окончательного варианта. В частности, именно вариант Конституционной комиссии лег в основу главы о правах и свободах человека и гражданина.

Вместе с тем процесс разработки и принятия Конституции Российской Федерации затянулся на три года. В течение этих лет страна продолжала жить по старой Конституции РСФСР. Однако ее статьи расходились с проводимыми преобразованиями. С целью устранения несоответствий в нее вносились изменения и дополнения, которые в конечном итоге влияли на ее содержание. Зачастую одна статья начинала противоречить другой. В период с ноября 1991 года по декабрь 1992 года в Конституцию было внесено более 400 поправок. В 1992 году появились два проекта, один из которых был разработан Сергеем Михайловичем Шахраем, а другой - Анатолием Александровичем Собчаком и Сергеем Сергеевичем Алексеевым, а в 1993 году - общий проект Шахрая-Собчака-Алексеева.

Принятие Конституции Российской Федерации 1993 года происходило в сложный период политических, социально-экономических преобразований. Распад прежних экономических и политических структур создал вакуум [1], который законодательство призвано было заполнить. Конституция закрепила принципиально новые основы государственного устройства: отказ от коммунистической идеологии, переход к рыночной экономике, признание свободы предпринимательской деятельности. Данные преобразования не были результатом естественного исторического процесса, а являлись осознанным политическим

выбором. В условиях радикальных изменений общественно-политической и экономической жизни страны принятие новой Конституции было неизбежным шагом, необходимым для юридического закрепления новых реалий.

Важно отметить, что Конституция Российской Федерации 1993 года была принята в период острой политической нестабильности. Данный период характеризовался противостоянием двух основных политических сил: Президента Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, Съезда народных депутатов. К сентябрю 1993 года было подготовлено два варианта Конституции: проект Верховного Совета РФ, представленный Конституционной комиссией, и проект Президента РФ, разработанный Конституционным совещанием. Фундаментальные различия между проектами заключались в модели государственного устройства. Первый проект предусматривал создание парламентско-президентской республики, а второй – «суперпрезидентской» республики с расширенными полномочиями главы государства. [2].

21 сентября 1993 года был подписан Указ Президента Российской Федерации «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», согласно которому с целью сохранения единства и территориальной целостности страны, преодоления кризиса и обеспечения безопасности, Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин постановил: 1. Прекратить осуществление законодательными, исполнительными и контрольными полномочиями Съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации. До начала работы нового

двухпалатного парламента Российской Федерации – Федерального Собрания Российской Федерации, которое примет на себя соответствующие функции, руководствоваться указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации. Действующая Конституция Российской Федерации, законодательство Российской Федерации и субъектов Российской Федерации продолжают действовать в той части, которая не противоречит настоящему Указу [3].

В этот же день Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, заместителя Председателя Н. В. Витрука, секретаря Ю. Д. Рудкина, судей Э. М. Аметистова, Н. Т. Ведерникова, Г. А. Гаджиева, А. Л. Кононова, В. О. Лучина, Т. Г. Мор-щакowej, В. И. Олейника, Н. В. Селезнёва, О. И. Тиунова, Б. С. Эбзеева дал заключение № 3-2 «О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, связанных с его Указом „О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 года и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года»². Конституционный Суд Российской Федерации, в своем заключении, установил несоответствие Указа Президента РФ Б.Н. Ельцина и его Обращения к гражданам России от 21 сентября 1993 года ряду статей Конституции Российской Федерации [4].

В частности, отмечается нарушение положений части второй статьи I, части второй статьи 2, статьи 3, части второй статьи 4, частей первой и третьей статьи 104, абзаца третьего пункта 11 статьи 121.5, статьи 121.6, части второй статьи 121.8, статей 165.1, 177. С.А. Авакьян отмечает недостаточную

эффективность работы структур, занимавшихся разработкой рекомендаций к проекту Конституции. из президентского окружения и отдельными экспертами-учеными. Окончательные решения по спорным вопросам принимал сам Президент, а некоторые положения вошли в текст в его авторской редакции. [5, с. 179].

Процесс доработки проекта фактически осуществлялся ограниченным кругом лиц

Список литературы:

[1] Авакьян С. А. Конституция России: природа, 1. эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000. Буква и дух Конституции. Валерий Зорь- 2. кин — о тревожных призывах к кардинальным конституционным реформам // Рос. газ. 2018. 9 окт. № 7689 (226). Верховный суд подвел итоги работы судов 3. за 2017 год. URL: <https://pravo.ru/story/200608/> (дата обращения: 11.01.2019).

[2] О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 21 сентября 1993 г. № 1400. URL: <http://base.garant.ru/5137070/#ixzz5dnneZcf7>. (дата обращения: 11.01.2019).

[3] О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, связанных с его Указом «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 года и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года: заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. № 3-2 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/5137070/#ixzz5dnneZcf7>. (дата обращения: 10.01.2019).

[4] Гаганов А.А. Российская Конституция и 4. право о социальной справедливости. URL: <https://rusrand.ru/docconf/rossiyskaya-konstituriya-i-pravo-o-socialnoy-spravedlivosti> (дата обращения: 11.01.2019).

[5] Доверие политикам. Оценка властей. URL: 5. <https://wciom.ru/index.php?id=180> (дата обращения: 27.01.2019).

References:

[1] Avakyan S. A. Constitution of Russia: nature, 1. evolution, modernity. 2nd ed. M., 2000. Letter and spirit of the Constitution. Valery Zor - 2. kin - about alarming calls for cardinal constitutional reforms//Ros. gas. 2018. October 9, No. 7689 (226). The Supreme Court summed up the work of the courts 3. for 2017. URL: <https://pravo.ru/story/200608/> (access date: 11.01.2019).

[2] On phased constitutional reform in the Russian Federation [Electronic resource]: Decree of the President of the Russian Federation of September 21, 1993 No. 1400. URL: <http://base.garant.ru/5137070/#ixzz5dnneZcf7>. (accessed on: 11.01.2019).

[3] On the compliance of the Constitution of the Russian Federation with the actions and decisions of the President of the Russian Federation B. N. Yeltsin related to his Decree «On Phased Constitutional Reform in the Russian Federation» of September 21, 1993 and the Appeal to Russian Citizens of September 21, 1993: opinion of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 21, 1993 No. Z-2 [Electronic resource]. URL: <http://base.garant.ru/5137070/#ixzz5dnneZcf7>.

ru/5137070/#ixzz5dnneZcf7. (accessed on: 10.01.2019).

[4] Gaganov A.A. Russian Constitution and 4. law on social justice. URL: <https://rusrand.ru/docconf/rossiyskaya-konstituriya-i-pravo-o-socialnoy-spravedlivosti> (дата обращения: 11.01.2019).

[5] Trust politicians. Assessment by authorities. URL: 5. <https://wciom.ru/index.php?id=180> (accessed on: 27.01.2019).

ТАКОВ Асланбек Заурбиевич,

преподаватель кафедры огневой подготовки Северо-Кавказского института (филиал)

Краснодарского университета МВД России, майор полиции,

e-mail: mail@law-books.ru

ЭФФЕКТИВНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

Аннотация. Долгое время терроризм рассматривался исключительно как внутренняя проблема государств, находящаяся в компетенции органов внутренней безопасности. Однако современный сетевой терроризм показал ограниченность такого подхода. В связи с этим, актуальной задачей становится адаптация существующих институтов международной безопасности и, возможно, формирование новых.

Ключевые слова: противодействие, вызовы, сетевой терроризм, международная безопасность, сотрудничество, Интернет, данные, обмен, взаимодействие, информационная среда.

TACOV Aslanbek Zaurbievich,

Lecturer at the Department of Fire Training of the North Caucasus Institute (branch) of the

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, police major

EFFECTIVE COOPERATION IN COUNTERING TERRORISM

Annotation. For a long time, terrorism was viewed solely as a domestic problem within states, falling within the purview of internal security agencies. However, modern cyberterrorism has demonstrated the limitations of this approach. Therefore, adapting existing international security institutions and, possibly, developing new ones, has become a pressing task.

Key words: counteraction, challenges, cyberterrorism, international security, cooperation, internet, data, exchange, interaction, information environment.

Проблема терроризма прямо или косвенно затрагивает все, без исключения, страны, что предопределяет необходимость объединения своих усилий и совместном поиске наиболее действенных механизмов решения проблемы. стратегии противодействия терроризму, и ликвидации его причин, и в сфере обмена разведывательными данными и иной специализированной информацией [1].

Проявления современного информационного терроризма ясно продемонстрировали неготовность

В связи с чем необходимо рассматривать международное сотрудничество как безопасный, чья деятельность была направленна на сдерживание и отражение угроз, деятельности - и в сфере выработки единой исходящих от национальных государств.

Новые структуры должны быть способны противостоять не только государственной агрессии, но и внешним угрозам [1] со стороны негосударственных актов, таких как сетевой терроризм. Для решения этой задачи государствам необходимо выстроить эффективное сотрудничество в этой новой для них области [2].

Для успешного противодействия информационному терроризму необходимо глобальное сотрудничество. Это обусловлено объективной потребностью в скоординированных действиях государств, подкрепленных имеющимися международными и национальными ресурсами. При этом, эффективная борьба с этим явлением возможна только при условии широкого вовлечения гражданского общества и всего населения, как на государственном, так и на межгосударственном уровне.

Международное сотрудничество требует кардинального пересмотра существующих подходов и внедрения принципиально новых, более эффективных моделей взаимодействия, подкрепленных надежной правовой базой [3]. Устоявшиеся методы сотрудничества правоохранительных органов в борьбе с киберпреступностью, такие как запросы и выдачи, не только неэффективны, но и не представляют реальной угрозы для киберпреступников.

Современный модифицированный терроризм, набросив на себя сетевые одежды, расположившись на просторах Интернета, получил такую частоту своего проявления, которую возможно сравнить, разве что только со скоростью света, а также вооружился фактором внезапности, поскольку зачастую практически невозможно предугадать из какой точки мира он «выстрелит» [4].

Видится необходимость всем государствам, отодвинув на второй план распри, недоговоренности, проблемы иного характера и масштаба, понять, что только вместе, целенаправленно получить эффективные результаты борьбы с таким страшным проявлением современности, которым является сетевой терроризм.

Столкнувшись с новой волной развития терроризма в Интернете, ученые-юристы предлагают использовать международное право, как основу для объединения усилий всего мира в борьбе с кибертерроризмом. Они полагают, что именно международное право может стать платформой для продуктивной законодательной деятельности, направленной на регулирование киберпространства в глобальной сети [5].

Сегодня акцентируется внимание на необходимости налаживания тесного взаимодействия со странами - наблюдателями и партнерами по диалогу, а также с другими заинтересованными международными организациями с целью создания широкой партнерской сети по противодействию современным глобальным вызовам и угрозам, в числе которых одно из основных мест занимает терроризм.

Помимо международных организаций, практически во всех странах мира учреждены национальные структуры, ответственные за борьбу с терроризмом.

Таким образом, в настоящее время международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом осуществляется в рамках выработки единых норм международного законодательства и приведения их в соответствие с нормами национальных законодательств, и в рамках координации

своих усилий и инициатив в различных международных антитеррористических организациях, как на глобальном, так и на региональном уровне.

Каркас системы борьбы с терроризмом сформирован, далее необходимо обеспечение эффективности функционирования существующих международно-правовых норм и международных организаций. Для эффективной и действенной борьбы с терроризмом требуется, чтобы все конвенции, декларации, постановления и решения международных организаций носили не

исключительно декларативный характер, как это часто происходит, а имели реальное широкое практическое применение[1].

В заключение отметим роль государства заключается в создании противовеса, который обеспечивает баланс и не позволяет транснациональным корпорациям, владеющим цифровыми платформами, оказывать деструктивное влияние на экономику и критически важные инфраструктуры, что, в свою очередь, отражается на благосостоянии граждан.

Список литературы:

- [1] Будаева С.В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. Чита, ЗабГУ, 2013. 129 с.
- [2] Бутков П.П. Современный терроризм и проблема безопасности в современном мире. СПб.: СПбГУАП, 2004. 56 с.
- [3] Вишняков Я. Д. Основы противодействия терроризму. М.: Академия, 2006. 240 с.
- [4] Возжеников А.В. Глобальные вызовы, угрозы и опасности современности. Приоритеты политики обеспечения национальной безопасности России. М.: Изд-во РАГС, 2008. 244 с.
- [5] Машекуашева М.Х. Идеологическое противоборство в информационной среде: вызовы и угрозы национальной безопасности. Право и управление. 2025. № 5. С. 529-531.

References:

- [1] Budaeva S.V. Modern terrorism: essence, typology, problems of counteraction. Chita, ZabSU, 2013. 129 pp.
- [2] Butkov P.P. Modern terrorism and the problem of security in the modern world. SPb.: SPbGUAP, 2004. 56 pp.
- [3] Vishnyakov Y. D. Fundamentals of countering terrorism. M.: Academy, 2006. 240 s.
- [4] Vozzhenikov A.V. Global challenges, threats and dangers of our time. Russia's national security policy priorities. M.: Publishing House of RAGS, 2008. 244 pp.
- [5] Mashekuasheva M.Kh. Ideological confrontation in the information environment: challenges and threats to national security. Law and governance. 2025. № 5. S. 529-531.

УРУСОВ Замир Хасанович,
*доцент кафедры огневой подготовки Северо-Кавказского института (филиал)
Краснодарского университета МВД России, полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru*

ГЛОБАЛЬНАЯ СЕТЬ КАК СРЕДСТВО МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ

Аннотация. *Терроризм относится к глобальной угрозе современности, исследованием которой занимаются многие ученые. Он представляет собой политическое насилие, результат которого – нанесение максимально возможного ущерба, оказание психологического воздействия посредством внушения чувства страха политическим оппонентам.*

Ключевые слова: *терроризм, вызовы, противодействие, молодежь, мышление, идеология, воздействие.*

URUSOV Zamir Khasanovich,
*Associate Professor, Department of Firearms Training, North Caucasus Institute (branch)
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Colonel*

GLOBAL NETWORK AS A MEANS OF MASS COMMUNICATION: COUNTERING TERRORISM

Annotation. *Terrorism is a global threat of our time, studied by many scholars. It is a form of political violence aimed at inflicting maximum damage and exerting psychological influence by instilling fear in political opponents.*

Key words: *terrorism, challenges, counteraction, youth, thinking, ideology, influence.*

Терроризм является практическим воплощением экстремистского мировоззрения, осуществляемым фанатично настроенными личностями, во имя воплощения радикальных целей [1], то есть крайней формой проявления политического экстремизма. Важно отметить, что ряды экстремистских группировок обычно пополняют люди, являющиеся социальными аутсайдерами, которые в силу различных причин не смогли реализоваться в современных условиях.

К отмеченной категории относятся, как правило, лица, не имеющие работы; молодые люди, не имеющие образования и достойного

уровня жизни.

Преступные идеологи для ведения пропаганды, вербовки новых сторонников и увеличения количества «сочувствующих» используют широкомасштабную аудиторию глобальной сети, большую часть пользователей которой составляют молодые люди в возрасте от 12 до 30 лет [2].

К наиболее значимым детерминантам молодежного экстремизма относят следующие:

- обострение социальных противоречий в молодежной среде;

- активная пропаганда молодежных националистических группировок экстремистской направленности;

- крушение социальных идеалов молодежи, приведшее к распространению криминальной субкультуры в молодежной среде и вовлечению молодых людей в преступную деятельность;

- усиливающееся влияние «исламского фактора» (пропаганда среди молодых мусульман организаций и движений, в частности структур радикального толка, идей религиозного экстремизма; организация обучения молодежи в странах исламского мира и как следствие – последующая вербовка в международные экстремистские и террористические группировки);

- деформация российской семьи, как основного института социализации, передающего социальные ценности от поколения к поколению и как следствие

- неспособность института семьи обеспечить должный уровень социализации среди молодежи;

- использование информационных технологий, развития компьютеризации и информатизации, возможностей Интернет-пространства в целях информационной безопасности противоправной деятельности радикальных сообществ и групп;

- использование в деструктивных целях психофизиологических особенностей подросткового возраста: агрессии, нетерпимости, максимализма, которые активно используются адептами молодежных группировок экстремистско-националистической направленности для осуществления террористических акций.

образовательном учреждении приобретает деятельность по профилактике молодежного экстремизма. Подростку необходима среда, где есть возможность быть принятым таким, каков он есть.

В настоящий момент официально известно о более чем 20 нападениях в учебных заведениях страны. Кроме того, оперативные службы активно занимаются предотвращением подобных актов терроризма до их непосредственного совершения [3].

Как было обозначено выше, в современном информационном обществе отмечается развитие такой тенденции, как перемещение экстремизма в глобальное информационное пространство, а именно его переход в информационный экстремизм.

С каждым годом это явление набирает обороты и в сегодня уже вышло на мировой уровень. Глобальная сеть на современном этапе развития общества широко используется как средство массовой коммуникации, можно сказать, что сеть Интернет является мировым хранилищем различной информации.

В «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» отмечено, что информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет, стали основным средством коммуникации для экстремистских и террористических организаций [4].

Радикальные религиозные организации, используя доступ к огромной аудитории глобального информационного пространства, размещают в сети Интернет материалы экстремистского характера, которые оказывают деструктивное информационно-психологическое воздействие на массовое сознание.

Особую актуальность в

Список литературы:

- [1] Будаева С.В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. Чита, ЗабГУ, 2013. 129 с.
- [2] Бутков П.П. Современный терроризм и проблема безопасности в современном мире. СПб.: СПбГУАП, 2004. 56 с.
- [3] Вишняков Я. Д. Основы противодействия терроризму. М.: Академия, 2006. 240 с.
- [4] Возжеников А.В. Глобальные вызовы, угрозы и опасности современности. Приоритеты политики обеспечения национальной безопасности России. М.: Изд-во РАГС, 2008. 244 с.
- [5] Машекуашева М.Х. Идеологическое противоборство в информационной среде: вызовы и угрозы национальной безопасности. Право и управление. 2025. № 5. С. 529-531.

References:

- [1] Budaeva S.V. Modern terrorism: essence, typology, problems of counteraction. Chita, ZabSU, 2013. 129 pp.
- [2] Butkov P.P. Modern terrorism and the problem of security in the modern world. SPb.: SPbGUAP, 2004. 56 pp.
- [3] Vishnyakov Y. D. Fundamentals of countering terrorism. M.: Academy, 2006. 240 s.
- [4] Vozzhenikov A.V. Global challenges, threats and dangers of our time. Russia's national security policy priorities. M.: Publishing House of RAGS, 2008. 244 pp.
- [5] Mashekuasheva M.Kh. Ideological confrontation in the information environment: challenges and threats to national security. Law and governance. 2025. № 5. S. 529-531.

КРЮКОВА Алеся Алексеевна,

*Юрисконсульт Правового департамента Акционерного общества «Технологии Доверия – Аудит», студент магистратуры Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»,
e-mail: krukova1109@mail.ru*

РАЗЛИЧИТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ОХРАНОСПОСОБНОСТИ ТОВАРНОГО ЗНАКА

Аннотация. Данная статья посвящена изучению условий охраноспособности товарного знака, а в особенности – его различительной способности. Автор анализирует действующие правовые нормы, регулирующие вопросы, связанные с различительной способностью обозначения, а также предлагает изменения, способные повысить эффективность такого регулирования.

Ключевые слова: товарный знак, различительная способность, правовая охрана.

KRIUKOVA Alesia Alekseevna,

*Legal counsel at the Legal Department of the Joint-Stock Company «Technologies of Trust – Audit»,
student of the Higher School of Law of the Plekhanov Russian University of Economics*

DISTINCTIVENESS AS ONE OF THE CONDITIONS FOR TRADEMARK PROTECTABILITY

Annotation. The article examines the conditions for trademark protectability, particularly its distinctiveness. The author analyzes current legal norms governing issues related to the distinctiveness of trademarks and proposes amendments that could improve the effectiveness of such regulation.

Key words: trademark, distinctiveness, legal protection.

Актуальность темы научного исследования обусловлена тем, что в настоящее время товарные знаки и иные средства индивидуализации составляют существенную часть нематериальных активов компаний. Товарные знаки позволяют идентифицировать товар с определённым производителем (брендом) и служат средством успешного продвижения товара на рынке за счёт его узнаваемости, а также способствуют развитию рыночной конкуренции.

В связи с постоянным развитием рыночных отношений регистрируется всё большее количество товарных знаков, что

приводит к усложнению выбора оригинальных обозначений для регистрации товарного знака, а также к повышению количества правовых споров, связанных с регистрацией, использованием и защитой товарного знака. В таких условиях эффективное правовое регулирование и защита прав на товарный знак имеют весьма важное значение для дальнейшего развития экономики.

Согласно статье 1477 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), под товарным знаком понимается обозначение, служащее для индивидуализации товаров.

В качестве товарных знаков допускается

регистрация разнообразных обозначений: от словесных и изобразительных до звуковых, тактильных и даже цветовых обозначений. Перечень разновидностей товарных знаков в законе остается открытым (ст. 1482 ГК РФ), что способствует формированию на практике совершенно новых разновидностей товарных знаков и, соответственно, предоставлению им правовой охраны.

Для того чтобы товарному знаку предоставлялась правовая охрана, он должен быть зарегистрирован и должен соответствовать определенным требованиям (условиям охраноспособности) [1, с. 172]. Все условия охраноспособности условно подразделяются на позитивные и негативные условия.

К негативным условиям относятся определенные в статье 1483 ГК РФ запреты на использование в качестве товарного знака 1) обозначений, которые указывают исключительно на вид, свойство или назначение товара, место/способ его производства; 2) общеупотребимых слов; 3) обозначений, не соответствующие нормам морали или принципам гуманности [2, с. 39]. Кроме того, законодательство также запрещает регистрацию товарных знаков, которые могут сформировать у покупателя ошибочное представление о товаре или о его производителе.

К позитивным условиям охраноспособности относятся наличие у товарного знака определённой формы выражения (словесной, изобразительной, звуковой и т.д.), условность обозначения, а также наличие различительной способности у товарного знака [3, с. 31].

Различительная способность – это такое свойство товарного знака, которое позволяет определённо отличить товар одного производителя от однородного товара другого продавца.

Проверка товарного знака на наличие у него данного свойства производится лишь единожды – при проведении экспертизы товарного знака перед его регистрацией, что является не вполне справедливым, учитывая потенциально бессрочный срок действия

права на товарный знак.

Хотя исключительное право на товарный знак действует первично в течение десяти лет, закон не ограничивает возможность его продления. Однако очевидно, что при регистрации товарного знака заранее нельзя предугадать, сохранит ли товарный знак различительную способность спустя определённый период времени.

Некогда широко узнаваемый товарный знак спустя несколько лет может и вовсе утратить свою известность, поскольку различительная способность может изменяться под влиянием различных факторов, в частности: интенсивности и способов использования товарного знака самим производителем, популярности среди потребителей товаров, на которые нанесён указанный товарный знак, конъюнктуры рынка определенного товара, и даже состояния экономики определённой страны или региона в целом.

Например, ранее были зарегистрированы и всё ещё продолжают действовать такие товарные знаки, как «Муравейник» (рег. № 324624) и «ESTERNÁZY» (межд. рег. № 945825), хотя сейчас они уже не воспринимаются покупателями как товарные знаки, принадлежащие конкретному производителю. Данные наименования ассоциируются исключительно с определённым видом пирожных, поскольку такие виды кондитерских изделий производятся многими компаниями в настоящее время.

Таким образом, правообладатели упомянутых товарных знаков имеют полное право обратиться за их защитой, однако в случае возникновения такого судебного дела сложно однозначно ответить, будут ли такие действия правообладателей добросовестными, учитывая, что эти товарные знаки уже давно перешли в категорию общеупотребимых слов.

Несмотря на это, закон не предусматривает обязанности правообладателя по истечении определённого периода времени (в том числе и при продлении срока исключительного права) повторно доказывать, что его товарный знак

позволяет отличать производимые им товары от однородных товаров других изготовителей в той же степени, что и была им заявлена при регистрации обозначения [4, с.35].

В законодательстве есть лишь косвенный механизм решения данной проблемы, который заключается в оспаривании и признании недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку (ст. 1512 ГК РФ).

Однако практическая реализация данного механизма сопряжена с определенными сложностями, такими как необходимость подачи заявления об оспаривании только лицом, имеющим определенную заинтересованность; возможность повторного доказывания первоначальным правообладателем известности товарного знака с последующей (повторной) его регистрацией, а также

высокие финансовые затраты на привлечение профессиональных консультантов для ведения данной категории дел [5, с. 108].

В связи с этим указанный механизм не может служить эффективным и оперативным средством подтверждения наличия или утраты различительной способности товарного знака.

Таким образом, для того чтобы предоставление правовой охраны товарному знаку стало более справедливым и обоснованным, предлагается закрепить в законе обязанность правообладателя периодически (раз в несколько лет), а также в случае продления срока действия товарного знака, подтверждать, что товарный знак продолжает обладать различительной способностью на достаточном уровне, позволяющем идентифицировать товары или услуги определенного производителя.

Список литературы:

- [1] Каменева Е.Н. Условия охраноспособности товарных знаков в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. N 3. С. 171 - 174.
- [2] Погребинская Т.Ю. Соответствие общественным интересам, принципам гуманности и морали как условие охраноспособности товарного знака в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. – 203 с.
- [3] Мотылькова А.В. Проблемы правовой охраны товарных знаков в законодательстве Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2015. – 208 с.
- [4] Терещенко О. И. Правовое регулирование экспертизы обозначений, заявленных на регистрацию в качестве товарных знаков, по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. – 143 с.
- [5] Михайлова Д.В. Условия охраноспособности и объем правовой охраны товарных знаков и знаков обслуживания в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2025. - 205 с.

References:

- [1] E.N. Kameneva. Conditions of protection of trademarks in the Russian Federation// Problems of economics and legal practice. 2018. N 3. S. 171-174.
- [2] Pogrebinskaya T.Yu. Compliance with public interests, principles of humanity and morality as a condition for the protection of a trademark in the Russian Federation: dis.... cand. jurid. sciences. M., 2003. - 203 s.
- [3] Motylkova A.V. Problems of legal protection of trademarks in the legislation of the Russian

Federation: abstract dis.... cand. jurid. sciences. Rostov-on-Don, 2015. - 208 s.

[4] Tereshchenko O. I. Legal regulation of the examination of designations declared for registration as trademarks under the legislation of the Russian Federation: dis.... cand. jurid. sciences. M., 2014. - 143 s.

[5] D.V. Mikhailova. Terms of protection and scope of legal protection of trademarks and service marks in the Russian Federation: dis.... cand. jurid. sciences. - Yekaterinburg, 2025. - 205 s.